

И
Г 17

Кристоф Гальфар

ПРИНЦ ИЗ СТРАНЫ ОБЛАКОВ

Annotation

Роман, помогающий понять, как устроены наша планета и ее климат.

Тристам Дрейк родился на облаке, парящем над океаном на двухкилометровой высоте. Городок, в котором он появился на свет, был построен для того, чтобы спрятать от преследователей принцессу Миртиль, дочь короля Северных Облаков, низложенного жестоким тираном.

В тот день, когда солдаты деспота обнаруживают облако, где скрывалась Миртиль, и берут в плен жителей городка, бежать удастся только Тристаму и его другу Тому. В поисках принцессы они раскрывают зловещий замысел тирана: изменить земной климат и использовать природные явления как оружие.

Чтобы помешать осуществлению этого замысла, друзьям приходится совершить путешествие по небу. Они узнают, что такое молнии и облака, что скрывается в темноте между звездами, почему днем небо синее, а вечером — красное...

Кристоф Гальфар — ученик и соавтор Стивена Хокинга, участвовавший в написании книги «Джордж и тайны Вселенной». «Принц из страны облаков» — его первый роман.

- Кристоф Гальфар

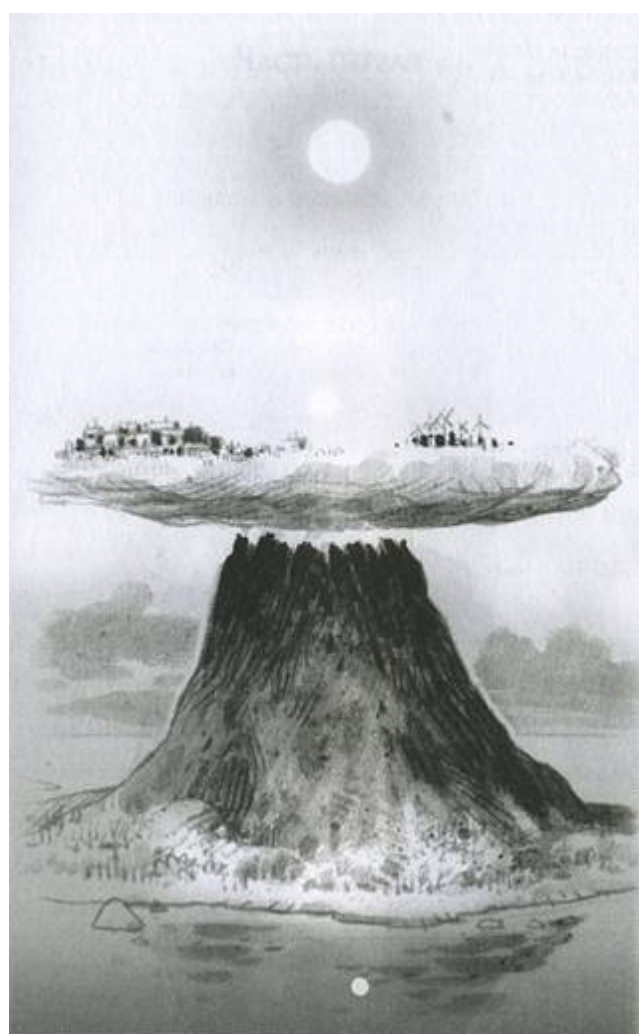

- Часть первая

- Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Глава 13
 - Глава 14
 - Глава 15
 - Глава 16
 - Глава 17
 - Глава 18

- Часть вторая
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Глава 13
 - Глава 14

- Часть третья
 - Глава 1
 -
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Глава 13
 - Глава 14
 - Глава 15
 - Глава 16

Кристоф Гальфар

Принц из страны облаков

Посвящаю Мормору

Часть первая

МИРТИЛЬВИЛЬ

Вопрос 1.

а. Какой цвет у солнца, если смотреть на него из космоса?

б. Почему небо синее? Объясните.

Вопрос 2.

Как высоко над землей находится облако, на котором построен Миртильвиль? Укажите принципы атмосферной динамики, подтверждающие ваш ответ.

Вопрос 3.

...

Первая контрольная после летних каникул.

— Вопросы элементарные, ответить на них — проще простого. Чайка, и та сообразит, — сказал учитель небесной физики Лазурро. И, обращаясь к Тристаму, добавил: — Смотри, если опять сдашь пустой листок, переведу в младший класс! Будешь все проходить заново вместе с малышами, понял?

Тристам, сидевший на задней парте, записал два первых вопроса больше получаса назад, но до сих пор не имел представления, как на них отвечать. Другие уже давно что-то строчили, и он все больше нервничал.

— Чайкам хорошо, они умеют летать, — подумал он. — С крыльями все получается легче. Лучше бы нас летать научили...

Он бросил взгляд на своего Друга Тома — сына полковника Бриггса, коменданта городка. Для Тома, лучшего ученика в классе, подобных трудностей не существовало. Он всегда сидел на первой парте и был одним из немногих, которым нравились уроки Лазурро. Узнавать законы природы, понимать, как действуют механизмы, управляющие движением воздуха, облаками, радугой, звездами, — все это доставляло ему огромное наслаждение.

С самого начала контрольной Том, не отрываясь, что-то писал на своем листке. В отличие от большинства одноклассников, он отказывался решать задачи по физике с помощью уловки, которой их научил другой преподаватель, Буакар.

— Всякая попытка сжульничать будет строго наказана, — пригрозил Лазурро перед контрольной. Но это останавливало далеко не всех. Впрочем, и учитель не терял бдительности. Удобно разместившись за своим столом, он следил за тем, чтобы никто из учеников не закрывал глаза.

Методы Буакара, который вел предмет «Развитие личности» и

пользовался гораздо большей популярностью, чем его коллега-физик, были прямо противоположны методам Лазурро. В прошлом учебном году Буакар научил детей чувствовать силу и направление ветра — для этого нужно было как следует сосредоточиться и прислушаться к шороху воздушных струй, обтекающих стены школы. В новом году перешли к следующему, более сложному этапу: учитель объяснил, как без особого труда, всего лишь закрыв глаза, оценивать влажность и температуру воздуха.

Теперь, вслушиваясь в шум ветра и сосредоточиваясь по правилам Буакара, ученики могли мысленно представлять висящее в небе облако, на котором они жили. И сразу стало ясно: чтобы отвечать на вопросы физика, достаточно описывать картины, возникающие в голове, а зубрить то, что он диктует, вовсе не надо.

— Все вокруг нас взаимосвязано, — говорил Буакар. — Атмосфера — это единое целое, мы живем в ней, дышим воздухом, из которого она состоит. Доверьтесь вашим чувствам, и вы сможете ощутить, что происходит вокруг. Закройте глаза и сосредоточьтесь...

Но Тристам ничего не мог ощутить — ни состояние воздуха, ни направление ветра. Сколько он ни старался, ему представлялось одно и то же: синее небо, всегда одинаковое, неподвижное, безветренное, безоблачное.

Лазурро преподавал физику, а не искусство ощущения: на своих уроках он категорически запрещал прибегать к помощи мысленных картин. «Бесполезно разглядывать, что бы то ни было, — часто повторял он, — если не понимаешь, что именно это значит».

Да, Тристама нельзя было назвать баловнем судьбы. Мало того, что он не умел вызывать в уме нужные образы, — даже в те редкие минуты, когда ему удавалось собраться с мыслями, он не понимал ни слова из рассуждений Лазурро.

Тристам оторвал глаза от листка и посмотрел в окно. Небо еще синело, но день начинал клониться к вечеру. «Ну же! — подбодрил он себя. — Попробуй разобраться! Небо синее, это всем известно. А вот если посмотреть с высоты на солнце...»

Впору было признать себя побежденным, но тут ему в голову пришла новая мысль. Тристам схватил ручку и, стараясь растягивать ответы, вывел:

Вопрос 1.

а. Какой цвет у солнца, если смотреть на него из космоса?

б. Почему небо синее? Объясните.

Ответы на вопрос 1.

Ответ на пункт а. Из космоса солнце кажется синим.

Ответ на пункт б. Небо синее потому что солнце синее.

«Всего и дел-то!»

Довольный собой, он взялся за второй вопрос: *На какой высоте находится Миртильвиль?*

Как все жители Миртильвиля, Тристам знал, что их городок построен на облаке, которое неподвижно висит над затерянным среди океана вулканическим островом. А вот на какой высоте это облако висит, он не имел понятия.

Он покосился на Лазурро: тот всматривался в одного из учеников, опустившего веки. Это был Генри, сын преподавателя французского языка.

— Нужно не воображать, а соображать, Генри! — вскакивая со стула, воскликнул физик. — Поверь, это совсем не трудно!

Пользуясь удобным случаем, Тристам закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Пока Лазурро не глядит в его сторону, он быстренько представит себе океан, остров, вулкан и над ним — облако с их городком.

Тристам начал с океана. Удалось не сразу, но он очень старался: нужно непременно ответить хотя бы на два первых вопроса.

Постепенно картина стала проясняться, он увидел бегущие волны. Выходило даже лучше, чем на занятиях у Буакара в новом учебном году. Он попытался ощутить ветер, и внезапно его сердце забилося чаще. Получается! Ветер действительно продувал эту картину насквозь; потом из тумана проступил остров, с горой посередине. И вершина горы была плоской! Все правильно: это был вулкан, над которым парит Миртильвиль!

Ветер, веявший над океаном, доносил до берегов острова мельчайшую водяную пыль. Тристаму, сидевшему с закрытыми глазами, оставалось только следить за движением воздуха, за тем, как ветер, взбегая по склонам вулкана, устремляется вверх, в небо. Если бы он увидел облако, висевшее над островом, то примерно оценил бы и его высоту... Он был совсем близок к цели, он уже поднимался на вулкан...

Проклятье! Картина стала расплываться; еще мгновение, и она растает!

Невероятным усилием воли Тристам заставил себя сосредоточиться еще больше: ветер в его картине подул снова, и намного резче обычного. Могучими порывами прокатывался он снизу вверх по склонам горы, взбегая туда, где виднелся кратер

вулкана. Небо над горой уже не синело, как прежде, оно побелело, и белизна эта была тревожной, клубящейся — такой белизны он еще никогда не видел, она заполняла все обозримое пространство. Тристам искал в этом странном небе облако, на котором построен Миртильвиль, но не находил. Облака не было! Напрягаясь изо всех сил, он громко задышал.

— Эй, потише там, — сердито буркнули за соседней партой.

— Тристам! — крикнул Лазурро. — Я все вижу! Ты за кого меня принимаешь?

Тристам открыл глаза, и видение исчезло. Он никак не мог опомниться. Да, он не увидел облака с Миртильвилем, но добился своего! В первый раз ему это удалось: он ощутил движение воздуха! Тристам широко улыбнулся учителю.

Тот, поднявшись из-за стола, не сводил с него своих черных глаз.

— Подойдешь ко мне после занятий.

— Вот здорово! — думал Тристам, чувствуя, как сердце еще колотится от возбуждения. — Почти получилось...

Он посмотрел в окно, ожидая увидеть там белое небо из своего видения.

Не тут-то было: небо за окном оставалось темно-синим, ясным, безоблачным, совсем не похожим на то, белое. Растаявшая картина не имела ничего общего с реальностью. У него снова ничего не вышло!

Он понурил голову. В то же время вид настоящего неба, совсем не такой грозный, как в исчезнувшем видении, его почему-то успокоил.

Вдруг Тристама озарило. Пусть он не увидел ни Миртильвиля, ни облака, на котором стоит городок, — ничего страшного, теперь он может ответить и на второй вопрос.

Вопрос 2.

Как высоко над землей находится облако, на котором построен Миртильвиль? Укажите принципы атмосферной динамики, подтверждающие ваш ответ.

Ответ на вопрос 2. Зависит от того, что взять за уровень отсчета: море или вершину вулкана.

«Выпутался! — подумал Тристам, забыв о следующих вопросах, в которых при первом чтении не понял ни слова. — Меня оставят в одном классе с Томом!»

Гордясь собой, он взглянул на часы, висевшие над классной доской; до конца контрольной оставалось еще полчаса! Минуты

тянулись отвратительно долго. Он снова посмотрел в пустое небо. Ни одного красного отсвета: солнце сядет еще не скоро. И ни одной чайки.

«Все равно не удастся полюбоваться закатом...» — грустно подумал он.

Тристам оперся подбородком на сложенные руки. Почему нужно таскаться в школу? Разве это нормально — с утра до вечера сидеть в классе?

«Наверняка Миртиль ни о чем таком не думает...» — сказал он себе, когда его взгляд задержался на русой головке лучшей ученицы, сидевшей через две парты от него, в одном из первых рядов.

Вода и Облака

Нагреваясь от внешних источников тепла, вода может превращаться в пар. Этот процесс называется испарением.

Почти половина солнечной энергии, достигающей поверхности Земли, расходуется на то, чтобы превращать воду из жидкого состояния в парообразное.

Оставшееся тепло нагревает почву и заставляет подниматься вверх воздух, который уносит испарившуюся воду в небо.

Пар может снова стать водой. Этот процесс называется конденсацией.

Поднимаясь в небо, пар, в который превратилась нагретая солнцем вода, охлаждается и достигает наконец высоты, где так холодно, что он уже не может оставаться паром. Здесь он конденсируется, обволакивая плавающие в воздухе мельчайшие пылинки, и становится крошечными капельками воды или кристалликами льда. На этой стадии пар возвращает в атмосферу тепло, полученное от солнца. Именно так нагревается большая часть земной атмосферы.

В отличие от невидимого пара, капельки воды видимы для глаза. Когда их много, они образуют в небе объемные белые фигуры. Мы называем эти фигуры облаками.

Почему нам холодно, если мы промокли?

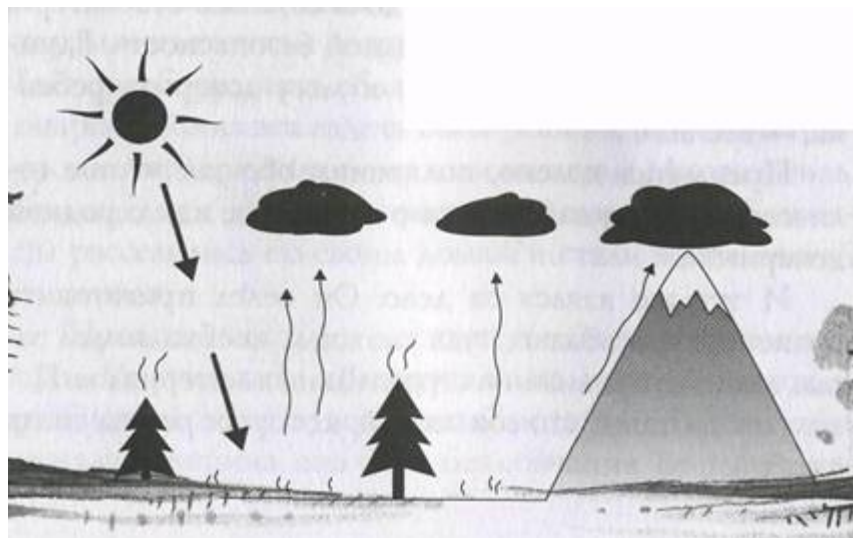
Когда мы промокаем, вода, покрывающая нашу кожу, испаряется, забирая тепло из нашего тела и окружающего воздуха. Воздух и кожа при этом сразу же охлаждаются, и мы мерзнем.

Высота, на которой водяной пар конденсируется в капельки воды и становится видимым, называется высотой точки росы. Здесь начинается образование облаков: по этой причине самые низкие из небесных облаков имеют относительно плоское основание.

Возникшие капельки воды и кристаллики льда могли бы и не подниматься выше, оставаясь на первоначальной высоте и сохраняя неподвижность. В этом случае все облака были бы плоскими. Однако пар, конденсируясь, отдает тепло, которое получил раньше. Окружающий воздух вбирает это тепло и нагревается, он продолжает подниматься вверх и заставляет верхушки облаков вспучиваться.

Поскольку высота точки росы зависит от состояния воздуха (его температуры, влажности, атмосферного давления и т. п.), в разных местах и в разные дни она бывает разной. Поэтому самые низкие облака не всегда образуются на одной и той же высоте.

Встречая на земле препятствие, ветры используют его как трамплин, и это помогает воздуху подниматься вверх. Поэтому облака часто образуются над островами и горами (в частности, над вулканами) и некоторое время остаются там же, где возникли, не трогаясь с места.

Глава 2

Вскоре после того, как Миртиль появилась на свет, ее отец, король Северных Облаков, приказал полковнику Бриггсу увезти новорожденную принцессу из королевства. «В ближайшее время на нас нападет тиран, избежать войны невозможно, — объявил он, расхаживая по своему кабинету. — Моя дочь осталась без матери, и я обязан вырастить ее в полной безопасности. Единственный человек, которому я могу доверить ребенка, — это вы».

Преклонив колено, полковник обещал: «Ваше величество, я буду заботиться о принцессе как о родной дочери».

И тут же взялся за дело. Он велел приготовить транспортное облако; туда сложили необходимый запас топлива, провизии и строительных материалов. Потом он составил список людей, которых решил взять с собой.

Полковник отобрал самых искусных облакостроителей, умевших сооружать облака высокой прочности, плотников, пекарей, земледельцев. Он объяснил ситуацию придворным учителям, и лучшие из них согласились ехать с ним, ведь Миртиль должна была получить образование, достойное будущей королевы. Когда все было готово, беженцы пустились в путь. Они покинули королевство буквально накануне поражения Севера в войне, которой предстояло продлиться всего один день. Но об этом полковник узнал много позже.

В день великой битвы, когда они летели над океаном, разразилась страшная буря. Двигатель транспортного облака был поврежден и вышел из строя.

Отданные на милость морского ветра, не один день носились они над волнами. В конце концов, полуразрушенное облако приблизилось к какому-то вулканическому острову, затерянному среди океана, остановилось прямо над ним и застыло без движения.

Полковник приказал облакостроителям, архитекторам и плотникам соорудить ветряную станцию, чтобы переоборудовать облако из транспортного в стационарное. Когда эта задача была решена, на облаке построили городок, которому дали название Миртильвиль. Земледельцы засеяли окрестные поля рисом. Беженцы расселились по своим домам и стали ждать вестей от короля.

Прошло несколько месяцев, и однажды утром жители Миртильвиля обнаружили на главной площади разбившийся ночью воздушный мотоцикл. Рядом с ним лежала женщина, она

была без сознания. Ее платье отличалось от тех, что носили в Миртильвиле, по нему можно было узнать обитательницу Срединных Облаков — королевства, где правил тиран. Шею женщины обвивала цепочка, на которой висел необычный кристалл. В глубине кристалла играл радужный свет.

Миртильвилицы отнеслись к незнакомой женщине, прибывшей из враждебного королевства, крайне подозрительно, но увидев, что она беременна и вскоре должна родить, решили ее не прогонять. Впрочем, жить вместе со всеми женщине не позволили: для нее построили домик среди рисовых полей, на полпути от городка к ветряной станции, а в сам городок приходиться запретили. Только полковник время от времени навешал ее.

Женщину звали Кея Дрейк. Через три месяца она родила сына, которого назвала Тристамом. Вряд ли она могла

предположить, что позже учителя единодушно признают этого мальчишку худшим учеником из всех когда-либо ходивших в миртильвильскую школу.

Все это произошло двенадцать лет назад. Миртиль и Тристам учились теперь в одном классе, но будущее их ждало совсем разное. Миртиль была принцессой, наследницей трона Северных Облаков, а Тристам — обыкновенным мальчишкой, да еще и выходцем из враждебного королевства.

В начале каждого нового года комендант городка напоминал ученикам: «В один прекрасный день наш государь отвоюет у врага свою страну, и Миртиль станет королевой. А вы — членами правительства. Нужно готовиться к этому. Учитесь прилежно».

Итак, всем детям из Миртильвиля было уготовано блестящее будущее. Всем, кроме Тристама, на которого в городке всегда смотрели косо.

Мальчик снова тяжело вздохнул: насколько же больше повезло другим...

«Хоть бы разрешили мне в школу не ходить...» — подумал он. Звук отодвинутого стула прервал его мечтания. Это поднялся с места Том: он направился к столу Лазурро, положил листок с выполненным заданием и вышел из класса. Как всегда, Том написал контрольную первым.

Тут же сдала работу и Миртиль, а следом за ней к учительскому столу потянулись остальные, в том числе Джерри, старший сын начальника облакостроителей. Тристам затесался среди прочих и вложил свой листок в середину стопки.

В коридоре, как всегда, уже бахвалился Джерри. Поверить ему, так контрольная была совсем плевая. Стайка одноклассников молча слушала его разглагольствования.

Рядом разговаривала с подругой Миртиль. Она посмотрела на Тристама, и тот быстро отвел взгляд. Только теперь он заметил Тома: его друг сидел на полу, привалясь к стене. Тристам подошел к нему и тоже опустился на пол.

— Как дела? — поинтересовался Том.

— Неплохо. Вопросы были легкие.

— Правда?!

Том в первый раз слышал, что Тристам считает задание простым.

— Что ты написал про солнце в космосе? — встревоженно спросил он.

— Ну... что оно синее.

— Ты шутишь?

— Почему? Разве не синее?

— Да нет же! Оно белое!

— А что тогда с небом?

— Небо синее, потому что...

— Все, мне конец! — схватившись за голову, простонал Тристам. — Лазурро ни за что не оставит меня в нашем классе! Отправит к мелюзге. Вся школа будет надо мной потешаться.

— Перестань, — возразил Том, — мы попросим, чтобы тебе разрешили написать контрольную повторно. Ты уже столько раз это делал...

— И всегда без толку!

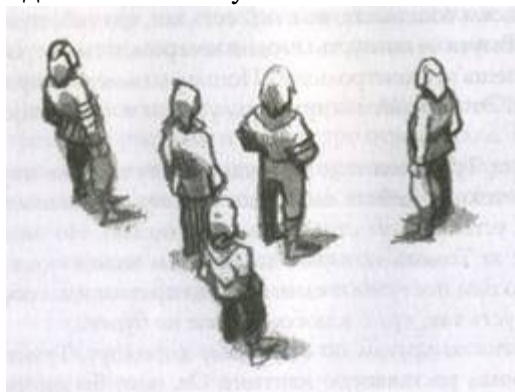
— Послушай, я видел в библиотеке одну книжечку: она совсем тоненькая, но в ней есть все, что тебе нужно знать. Выучи ее наизусть сегодня вечером, и ты запросто напишешь эту контрольную. Пошли, возьмем ее прямо сейчас! Это займет минут пять, успеем к следующему уроку.

Нога Тристама еще никогда не ступала на порог библиотеки, и сейчас ему тоже не хотелось оказаться в зале, уставленном стеллажами с книгами. Но он поплелся за Томом, который всем своим видом показывал, что они поступают единственно правильным образом. Пусть так, хуже в любом случае не будет...

Шагая за другом по большому коридору, Тристам вспоминал растаявшую картину. Ох, если бы он умел просто оценивать ветер, как другие! Тогда не надо было бы воображать невесть что...

Очередная неудача бесила, ведь он почти достиг цели. Но кошки скребли на душе не только из-за этого, Он не мог понять: отчего буря, которую он видел, выглядела так реально! Тристам попытался восстановить странную картину в памяти. Он видел остров, видел, как по склонам вулкана пробегает шквалистый ветер. Но почему-то не видел застывшего над ним облака, не видел Миртильвиля.

«Видно, у меня и вправду совсем нет способностей...» — подумал он, входя в библиотеку.

В нашей Вселенной энергия может принимать различные формы — существует, например, энергия электромагнитная, гравитационная, ядерная и т. д.

Большинство ученых считают, что на самом деле все эти виды энергии представляют собой не что иное, как одну-единственную высшую энергию, которая возникла в самые первые мгновения существования Вселенной, непосредственно после Большого взрыва, а позже разделилась на разные виды.

В мире существуют носители, позволяющие перемещать эти виды энергии из одного места в другое. Без них вообще мало что происходило бы, поскольку все оставалось бы неподвижным.

Один из таких носителей называется фотоном. Фотон — основная составная частица света.

Наши глаза — приемные устройства для фотонов. Но они могут видеть не всякие фотоны, а лишь те, чья энергия находится в известных пределах. Эти пределы соответствуют тому, что называется видимым светом.

Самым мощным источником видимого света является Солнце.

Наши глаза видят свет, который не воспринимают некоторые животные; в то же время некоторые животные видят свет, который не воспринимаем мы. Например, птицы способны различать ультрафиолетовый свет, а мы нет.

Зато мы изобрели инструменты, позволяющие обнаружить практически любой свет, включая ультрафиолетовые и инфракрасные лучи, невидимые для человеческого глаза.

У миртильвильской школы было два входа: главный со стороны площади, а второй, запасной, — с южной стороны, где находились рисовые плантации. Соединявший их коридор пересекал все школьное здание. Из коридора можно было попасть в кабинеты преподавателей, в учебные комнаты для младших и для старших классов и в библиотеку.

Библиотека имела форму неправильной звезды. В центре был оборудован читальный зал: там стояли два длинных стола и несколько стульев; вокруг все было заставлено высокими, от пола до потолка, стеллажами, на которых громоздились сотни, тысячи томов.

Войдя, Том сразу же зажег свет и пробежал взглядом по корешкам книг, ища ту, которую хотел дать Тристаму. Подошел к одной из стопок, перебрал книги; не найдя нужной, стал просматривать соседнюю стопку, потом еще одну. Тристам стоял у двери и глазел на стеллажи: книги заполняли все помещение! Он и вообразить не мог, что их здесь столько...

Растерянно блуждая взглядом, он заметил в дальнем конце зала темный коридор, перегородженный веревкой, на которой висела табличка. Тристам пересек зал, подошел поближе и прочитал: *Учащимся вход воспрещен*.

Любопытно. Он перегнулся через веревку. В сумраке коридора тоже виднелись стеллажи, заполненные книгами.

— Нашел! — крикнул за его спиной Том. — Вот она. Пошли отсюда...

— Куда ведет этот коридор? — не оборачиваясь, спросил Тристам.

— Он для учителей, — ответил Том. — Туда не разрешено ходить.

— Вот как? — отозвался Тристам. Он никогда не думал, что книги могут быть запретными. — А что там за книжки?

— Наверное, учебники. Не надо, Трис! Вернись! — Том старался говорить шепотом.

Тристам уже стоял по ту сторону веревки.

— Посмотрю хоть, что читают учителя! — пошутил он, входя в таинственный коридор.

Несмотря на темноту, он смог разобрать несколько названий и прочитал их вслух:

«Тысяча способов купаться в джакузи».

«Почему женщины боятся грома (и как развеять их страхи)».

«Сто анекдотов, чтобы скоротать дождливый день».

— Чепуха какая-то... — пробормотал он.

— Вернись! — взмолился Том. — Хватит уже! Если тебя там поймают, можешь забыть о пересдаче!

Но Тристам продвигался вглубь и вскоре исчез во мраке. И тут же случилось то, чего так опасался Том: у входа в библиотеку застучали чьи-то каблуки. Растерявшись, он нырнул под веревку и бросился к Тристаму — в тот самый момент, когда тишину нарушил резкий голос госпожи Пиль, молоденькой школьной директрисы.

— Есть здесь кто-нибудь? — она всматривалась в ярко освещенные проемы между стеллажами.

Прижавшись к стене, Тристам и Том затаили дыхание.

— Никого, ясное дело! — воскликнула она. — И когда только эти мальчишки научатся гасить свет! Вот черти!

В эту минуту прозвенел звонок на урок, но директриса, как назло, взяла с полки какую-то книжку и уселась с ней в читальном зале. Нет уж, лучше прогулять занятие, чем дать себя сцапать здесь... Друзья попятились, стараясь отступить подальше. Ощупью пробираясь в темноте, они дошли до конца коридора и уперлись в стену. Выхода не было! Оставалось только ждать, когда уйдет г-жа Пиль.

Прошло десять минут, но та и не думала трогаться с места. Друзья уселись на пол.

— Зря ты сюда полез, — проворчал Том. — Нам здорово влетит...

— Тише! — шепнул Тристам. — Она услышит.

Прошло еще минут двадцать.

— Если и дальше так пойдет, она нас здесь запрет на ночь... — пробормотал Том. — Ничего не сделаешь: придется выходить...

— Не мели ерунду!

Снова задребезжал звонок: урок кончился. Наверняка Лазурро уже разыскивает их. Что же она не уходит! Звонок еще продолжал звенеть, когда в библиотеку вошел разгневанный учитель физики. Тристам и Том видели из своего укрытия, как тот остановился перед директрисой.

— Добрый вечер, Анна, — поздоровался Лазурро.

— Добрый вечер, Джон. Вы, кажется, чем-то огорчены? Случилось что-то?

— Вы не видели Дрейка? Или Бриггса?

— Нет. А что произошло?

— Учебный год только начинается, а Дрейк уже нагло мошенничал на контрольной, прогулял урок и не явился ко мне, хотя я его вызывал. Вдобавок он и Бриггса сманил.

— Вы всерьез думаете, что Дрейк сманил Бриггса именно сюда? В библиотеку?

— Кто знает, на какие глупости способен этот мальчишка! Помните, в прошлом году он со школьной крыши прыгал — хотел научиться летать? К тому же Джерри видел своими глазами, как они сюда входили.

Тристам заскрипел зубами.

— Вот гад! Стукач паршивый...

— Все, мы пропали! — выдохнул Том.

Г-жа Пиль закрыла книгу и посмотрела на Лазурро.

— Может быть, вы дадите Дрейку свободно дышать, Джон? И ему будет лучше, и вам.

— Почему за него заступается полковник, мне, наверное, не дано понять, — отвечал учитель. — Но скажите, почему *вы* не понимаете совсем простой вещи: этого мальчишку нужно как следует приструнить! Он заслуживает самой суровой взбучки! Если мы дадим ему распускаться и дальше, он вообще решит, что все позволено! Напоминаю: у меня шестнадцать учеников! Это очень много!

— Да, немало. Нам нужен еще один учитель. Скажите об этом сегодня вечером полковнику. Надеюсь, вы не забыли, что он приглашал нас на ужин?

— Сегодня? — встревожился Лазурро. — Не знаю как и быть... Мне нужно проверять контрольные!

— Ничего, контрольные подождут. Птицы наконец прилетели, Джон. Полковник получил вести от нашего короля.

— Не может быть! — воскликнул Лазурро.

Вдруг с глухим стуком упала на пол книга: мысль, что учителя придут к ним домой именно сегодня, когда он наделал столько глупостей, привела Тома в панику, и, позабыв об осторожности, он неловко задел одну из полок. Друзья застыли, не сводя глаз с Лазурро и г-жи Пиль, повернувших головы на шум.

— Ну, туда-то они не могли пойти... — пробурчал Лазурро.

Том и Тристам стояли ни живы ни мертвы. Учитель подошел ко входу в коридор и, роясь в карманах, всматривался в темноту.

— Анна, у вас нет фонарика?

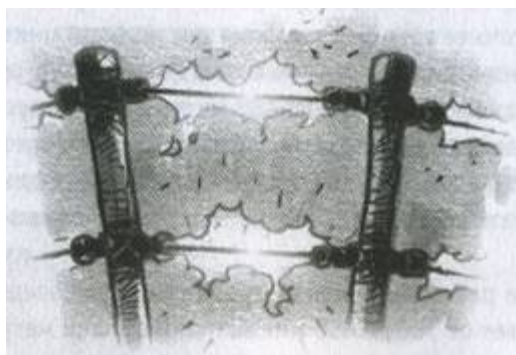
— Вот, держите. Они там, вы их видите?

Ничего не ответив, Лазурро взял фонарик, протянутый г-жой Пиль.

Мальчики вжались в стену, но оказалось, что это не стена, а дверь, которая внезапно поддалась и распахнулась. Это произошло так неожиданно, что они шлепнулись на спину и покатались кубарем по круто спускавшемуся переходу. Десятком метров ниже их падение остановила другая дверь, из плотного, тяжелого дерева, Тристам и Том оглянулись: над дверью, из которой они выпали, тускло светила электрическая лампочка. Сама дверь еще покачивалась на петлях. Тристам вскочил и побежал вверх, чтобы не дать ей закрыться. Но не успел — перед его носом дверь захлопнулась и больше не открывалась. Путь назад был отрезан!

В это время учитель отцепил веревку, преграждавшую доступ в коридор, и, освещая пол фонариком, двинулся вперед. Дойдя до конца, он заметил лежавшую у него под ногами небольшую книжицу: «Как завоевать женщину, рассказывая ей о звездах». Он не помнил о существовании такого трактата и поднял его, ломая голову над тем, каким чудом книга оказалась на полу. Впрочем, находкой он остался весьма доволен: всегда может пригодиться... Лазурро сунул томик в карман и вернулся в читальный зал, чтобы продолжить с г-жой Пиль разговор о новостях, полученных от короля.

Цвет

Видимый свет, излучаемый солнцем, содержит в себе все цвета.

Распространяясь в космосе, лучи разных цветов смешиваются, налагаются друг на друга и в результате дают белый цвет. Именно поэтому солнце белое, если смотреть на него из космоса.

Свет, то есть поток фотонов, можно сравнить с волной — точнее говоря, с множеством мельчайших волн, которые, если ничто им не мешает, движутся со скоростью 299 миллионов 792

тысячи 458 метров в секунду.

Окраска света зависит от расстояния между гребнями двух соседних волн. Это расстояние называется длиной волны. Наш глаз воспринимает волны разной длины по-разному:

Если расстояние между гребнями двух соседних волн составляет от 380 до 450 миллиардных долей метра (нанометров, нм) — как фиолетовый цвет.

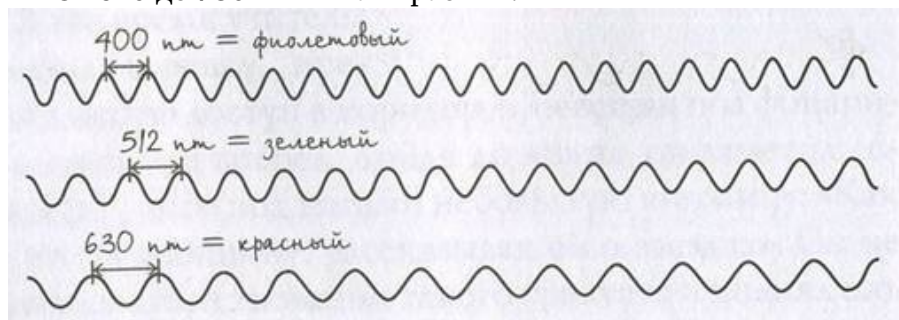
От 450 до 495 нм — как синий.

От 495 до 570 нм — как зеленый.

От 570 до 590 нм — как желтый.

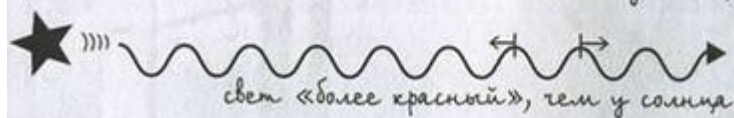
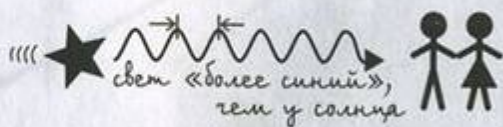
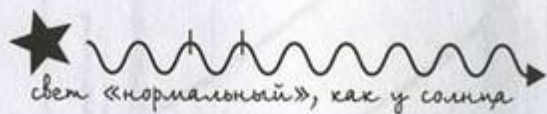
От 590 до 620 нм — как оранжевый.

От 620 до 750 нм — как красный.

Один цвет может превращаться в другой: если источник света удаляется, то расстояние между гребнями соседних волн начинает увеличиваться — а значит, меняется и цвет: фиолетовый переходит в синий, зеленый, желтый, оранжевый и, наконец, в красный. Это явление называется красным смещением. Приближающийся источник по мере убывания световой волны производит противоположное действие — синее смещение.

Когда звезды с огромной скоростью перемещаются в космосе, их свечение смещается в одном или в другом направлении, и это позволяет нам понять, приближаются они или, напротив, удаляются от нас. Если наблюдается красное смещение, звезда удаляется, а если синее — приближается.

Глава 4

Прижав ухо к стене, Тристам слушал, как затихает стук шагов Лазурро. Тем временем Том осматривал нижнюю дверь, которая остановила их падение.

— Все в порядке? — спросил шепотом Тристам, вернувшись к другу.

— Нет, совсем нет! Лучше было выйти и во всем признаться. Они еще в библиотеке?

— Да, но туда больше не пройдешь. Дверь захлопнулась.

Эхо их голосов отражалось от стен подземного хода, которые, по-видимому, были очень толстыми.

— Куда мы попали? — спросил Тристам, разглядывая массивную дверь.

— Понятия не имею!

— Что же, все равно у нас нет выбора. Попробуем выбраться, — Тристам нажал на дверную ручку.

Дверь была тяжелой, но мальчики налегли вдвоем, и она слегка поддалась. Сквозь щель проник слабый розовый свет, лица обдал влажный ветер. Они отворили дверь пошире — и замерли, разинув рты. По ту сторону двери не было стен: все застилал розовый туман, густой-прегустой. В нем смутно виднелась какая-то дорога. Ветер перегонял пар с места на место, заставляя то проступать, то исчезать вертикальные деревянные опоры непонятного назначения, верхушки которых прятались в этой фантастической дымке.

— Смотри, смотри! — воскликнул Тристам. — Дорога, видишь?

— Конечно вижу, не слепой, — отозвался Том.

Тристам ощупал ногой почву. Она оказалась твердой. Он вошел в рассеянный свет и поболтал руками — туда-сюда, туда-сюда. Руки двигались свободно, рассекая клубящийся пар.

— Не надо туда ходить, — проворчал Том сверху. — Это опасно!

— По-моему, дальше стены сломаны, — сказал Тристам.

— Их здесь и не было, стен. Это мост! Подвесной мост. Мы находимся внутри облака, под городком.

— Но зачем они построили мост внизу? Вот бред!

— Может быть, он был нужен, чтобы построить сам городок... Или еще для чего. Все равно — нельзя по нему идти, там можно до смерти убиться. Знаешь что: нужно вернуться! Давай закричим, Лазурро и директриса нам откроют.

Но Тристам не слушал. Зачарованно глядел он на полосы розового пара, медленно колыхавшиеся под дыханием ветра.

— Надо бы посмотреть, куда ведет твой мост, — не сразу отозвался он. — Может, там что-то таинственное... а может, еще одна дверь?!

— Трис, это и вправду опасно, ты просто не понимаешь...

— Хорошо, жди здесь, — бросил, двинувшись вперед, Тристам. — Вернусь и все расскажу.

— Стой, стой! У нас что сегодня — было мало неприятностей? Тебе-то уж точно хватит.

Но Тристам не думал останавливаться. С каждым шагом его фигура все больше расплывалась, пропадая в розовом тумане.

— Трис! Вернись! — крикнул Том.

Тристам не слышал. Вскоре он совсем скрылся в облаке.

Том уселся на дверном пороге, разглядывая розовые лучи. В отличие от своего друга, он знал, почему туман розовеет: это закатное солнце отражалось в бесчисленных капельках воды, из которых состояло облако.

Он размышлял над тем, какой отважный у него товарищ. Не побоялся идти над этой пустотой, да еще в одиночку...

Внезапно его осенило: Тристам потому был таким смелым, что ровным счетом ничего и ни о чем не знал! А он-то хорош: бросил друга в трудную минуту! Том вскочил на ноги и побежал по мосту, то и дело поскальзываясь. Его одежда и волосы сразу пропитались сыростью — так сильно был насыщен влагой воздух.

— Трис! Подожди меня!

Когда он нагнал своего безалаберного приятеля, тот встретил его улыбкой.

— Так и думал, что ты пойдешь за мной! Знаешь, на самом деле здесь ничего особенного нет. Красиво очень, да, — все такое розовое... Но в общем скучновато.

«Спокойнее, спокойнее, — твердил про себя Том, тяжело дыша. — Все будет хорошо. Сейчас я объясню ему, куда нас на самом деле занесло, и мы вместе вернемся в подземный ход».

— Трис, — отдышавшись, сказал он, — пойми наконец: мы внутри облака, под Миртильвилем. Облака — это же просто

вода... здесь очень скользко, и если мы упадем...

— Ты шутишь? — перебил его Тристам — Если бы облака были водой, они не могли бы плавать в небе! Конечно, я не больно хорошо учусь, но ты все же не делай из меня круглого идиота.

— Это правда! Я серьезно говорю!

Внезапный порыв ветра толкнул их к самому краю моста.

— СПАСИТЕ! — заголосил, бросившись на четвереньки, Том. — НА ПОМОЩЬ!

— Да что с тобой такое? — не сдержался Тристам. — Не смей меня!

Ветер стих. Тристам посмотрел в ту сторону, откуда он дул. Том силился унять бившую его дрожь.

— Станный какой-то ветер... — проронил Тристам. — Днем я его не замечал.

— Ничего странного. Он дует от ветряной станции. Наверху его не чувствуешь.

— Может быть... но почему ты так дрожишь? Что с тобой?

— Пойми же ты: если мы упадем вниз, то разобьемся насмерть!

— А с чего ты взял, что мы упадем? Нужно идти поосторожнее, и все тут. И даже если облака состоят из воды — ничего страшного. Чего воды-то бояться? Ну плюхнемся мы в воду — и что? От этого не умирают. Чудак ты все-таки.

Том, все еще стоя на четвереньках, смотрел на Тристама с безнадежным выражением лица.

— Ты хоть что-нибудь про все это знаешь? Только честно!

— Больше, чем можно подумать, — заверил Тристам, — Проблема в том, что иногда я забываю то, что знаю.

— Ты знаешь, для чего нужна ветряная станция?

— Конечно! Она позволяет нашему городку держаться на облаке.

— А что такое облако — ты знаешь?

Тристам наморщил лоб, показывая, что собирается с мыслями, но потом отрицательно покачал головой.

— Когда океан... — Том говорил с трудом, лязгая зубами, — когда океан нагревается под лучами солнца, вода испаряется. Это ты помнишь?

— Вода испаряется... — повторил Тристам. Он подошел к краю моста и пытался разглядеть сквозь розовую мглу лежавший внизу океан.

— Трис, пожа... пожалуйста, не наклоняйся...

— А что это значит; *испаряется*? — спросил Тристам, отходя от края моста.

— Это когда вода преобразу... когда вода становится паром.

— А, это? Знаю! Однажды я забыл полный стакан воды под кроватью и вспомнил о нем только через неделю. Там ни капли не осталось!

То, что Тристам не помнил ничего из пройденного на уроках, бесило Тома, но он все-таки продолжал:

— Так вот, солнце нагревает слой воздуха над поверхностью воды, и вода испаряется. А пар поднимается в небо, и там... там он охлаждается, потому что... потому что чем выше поднимаешься, тем прохладней воздух.

— Правда?

— Ну да.

— Вот почему у нас всегда так холодно!

— Сейчас не о том речь. Дай мне кончить! Когда пар поднимается на большую высоту, где достаточно холодно, он снова становится водой. Из капель воды образуется облако.

Тристам насупился и огляделся вокруг.

— Значит, облака состоят из воды? Из розовой воды?

Он присмотрелся к мельчайшим прозрачным капелькам, усеявшим его свитер и кожу на руках. Попробовал их на вкус: точно, это была самая обычная вода.

— Теперь понятно, откуда берется розовая вода — из океана! Ну и ну!

Том начал приходить в отчаяние: все-таки его дружок — настоящий осел.

— Да нет же! — он тяжело вздохнул. — Просто солнце садится, и закат отражается в воде. Поэтому она и порозовела. А вообще-то она не розовая.

— Откуда ты все это знаешь?

— А для чего, по-твоему, мы ходим в школу? — Тома перестала бить дрожь. — Это же один из вопросов сегодняшней контрольной!

— Правда? — Тристам удивленно поднял брови.

— Второй вопрос. Не помнишь? — поинтересовался Том.

— Ты прямо как Джерри! Контрольная давно кончилась, что о ней говорить?

— Там спрашивалось, на какой высоте находится Миртильвиль. Хочешь узнать ответ? — Том был вне себя от раздражения.

Понимая, что сердить его больше не стоит, Тристам предпочел изобразить энтузиазм.

— На какой? Давай говори!

— Как раз на той, где пар сгущается в капли воды. Примерно два километра.

Тристам усталился на друга. Он не ожидал такого ответа и не мог понять, шутит тот или нет.

— Правда, что ли? Два километра?!

— Два! Понимаешь, что значит упасть с такой высоты? Это верная смерть! Если ветер сбросит нас с моста, мы свалимся в океан. Или на вулкан, но конец будет один — превратимся в лепешку. Там ничего нет, под мостом!

— Как это... ничего нет? Почему ты мне сразу не сказал? — с диким видом озираясь, воскликнул Тристам. — Ты что, спятил? Бежим назад, в библиотеку!

Том больше не сердился: до Тристама наконец дошло...

Снова задул ветер, и они услышали какой-то сверлящий, пронзительный звук.

— У меня дома такое иногда слышно, — тревожно сказал Тристам, тоже опускаясь на четвереньки.

— Это ветряная станция! — крикнул Том. — Сейчас она опять заработает на полную мощь, чтобы удержать на месте облако! Если не спрячемся, нам крышка! Надо бежать!

— Смотри-ка! — воскликнул Тристам.

Шагах в тридцати от них вынырнула из покрасневшего тумана еще одна дверь. Недолго думая, друзья бросились к ней — о том, чтобы вернуться в библиотеку, нечего было и мечтать. Начиналась буря: порывы ветра раскачивали мост, сбивали с ног.

То скользя и падая, то поднимаясь, они добрались до конца моста. Тристам повернул ручку двери, она распахнулась. Ветер влетел в темный коридор и с размаху швырнул ее в стену, вырвав ручку из пальцев Тристама. Мальчики ринулись внутрь и попытались захлопнуть дверь за собой, но она как будто тонну весила! Тристам и Том налегли, и дверь наконец стала на место. Все погрузилось в непроглядную темноту. Они медленно переводили дух, слушая, как снаружи завывает ветер. Тристам был очень доволен.

— Отлично! Мы прошли под облаком! Ощупывая стены, он двинулся вверх по наклонному коридору.

— Ты где? — крикнул Том — Куда ты пошел?

— Ищу свет! Где-то наверняка есть выключатель.

— Подожди меня!

Они шли метров десять, не больше, и подъем кончился. Коридор словно раздался вширь: они попали в комнату. Тристам обшарил стену, нашел выключатель и зажег свет.

Потолок был совсем низеньким: слегка подпрыгнув, до него можно было дотронуться рукой. Вдоль стен тянулись стеллажи, гнувшиеся под тяжелыми книгами в кожаных переплетах.

— Вот тебе на! — в сердцах выпалил Тристам. — И тут

книжки! Не везет, да и только!

— Секретная библиотека! — воскликнул Том, бросаясь к полкам. — Вот здорово!

Он подбежал к одному стеллажу, присел возле другого, третьего... Потом выпрямился и, почти вприпрыжку, продолжил свой обход. Том был по-настоящему счастлив.

Внезапно, прочитав надпись на ярлычке, наклеенном на стойке, он остановился и замер. Потом улыбнулся и бережно снял с полки несколько томиков.

Тристам озадаченно потер лоб, глядя, с каким увлечением, словно в комнате никого больше нет, сидящий на полу Том листает книги. «Все-таки такую голову поискать надо! — подумал он, восхищаясь другом. — Том, наверное, целую ночь здесь просидит».

Сам Тристам не имел никакого желания задерживаться в этом месте. Увы: осмотревшись, он не обнаружил двери. Только стеллажи, заполненные книгами до такой степени, что за ними даже стен не видно. Другой мебели почти нет — лишь в одном углу деревянный стол с лампой, рядом стул и невысокая приставная лесенка. На столе ни одной книги — хоть это хорошо...

Тристам подошел поближе. Его внимание привлекла папка, лежавшая на полу. На ней было написано: «Личные дела учеников». Он присел на корточки, открыл папку и прочитал наклейку на первом пластиковом вкладыше:

Фамилия: Мольнсон

Имя: Джерри

Тот, кто их выдал! Тристам перелистал личное дело Джерри, нашел краткое резюме и внимательно прочитал его, надеясь отыскать подробности, которые могут пригодиться впоследствии.

Учится хорошо.

Способности: обычные.

Сильная сторона: военная аккуратность.

Потенциальная должность: генерал армии Севера.

Подписи: 2-жа Пиль, полковник Бриггс.

«Не позавидуешь солдатам, которыми будет командовать этот хвастливый стукач!» — подумал Тристам. Он отложил личное дело Джерри в сторону и стал искать свое. Но сначала ему попался вкладыш с именем Тома.

Фамилия: Бриггс

Имя: Том

Учится прекрасно.

Способности: обычные.

Сильная сторона: понимание явлений природы.

Потенциальная должность: командующий специальными операциями.

Подписи: 2-жа Пиль, полковник Бриггс.

Тристам бросил взгляд на Тома, который открывал очередную книгу. «Специальные операции! Неслабо!» — с гордостью за друга подумал он. И стал рыться в папке дальше.

Фамилия: Дрейк

Имя: Тристам

Учится катастрофически плохо.

Способности: до сих пор не обнаружены. Сильная сторона: до сих пор не обнаружена.

Потенциальная должность: — (ни к чему не пригоден).

При необходимости обсудить поведение ученика с полковником.

Подписи: 2-жа Пиль, полковник Бриггс.

Тристам задохнулся. Знать, что ты бездарность, — одно дело; увидеть это написанным черным по белому — совсем другое. Ему захотелось выйти из тесной комнатки, загроможденной книгами, глотнуть свежего воздуха. Ничего не сказав Тому, он сложил вкладыши в папку и осмотрел библиотеку. Его взгляд упал на лесенку.

«Зачем нужна лесенка в комнате с таким низким потолком? Странно», — подумал он. Неожиданно его озарило. Тристам поднял глаза... Победа! Прямо у него над головой была дверца люка. «Не такой уж я болван!» — поздравил он себя и бросился к лесенке.

Поднявшись на три ступеньки, он попытался открыть люк. Напрасный труд: сверху что-то мешало.

— Том, помоги мне!

Тот даже не шелохнулся.

— Том!

Никакой реакции.

— Эй! ТЫ СЛЫШИШЬ?

Том рывком вскочил на ноги и поспешно захлопнул книгу, которую читал, — как будто хотел скрыть то, что в ней говорилось.

— Что там у тебя за книжка? — спросил Тристам.

— Тебе она не нужна, — ответил Том, запихивая книгу под рубашку.

— Да знаю я... — Тристам указал рукой на люк. — Помоги, я вроде бы нашел, как отсюда выйти.

Том влез рядом на лесенку, и вместе они смогли немного отжать дверцу, так что Тристам просунул голову в щель.

— Там сверху чем-то накрыто, — объявил он, ощупывая жесткую материю. — Циновка какая-то. Нужно ее сдвинуть, иначе нам не выбраться.

— Циновка? — тихо переспросил Том.

— Да, красная, как в сарае у твоего отца.

— Точно?

— Помнишь, ты хвастался, что у вас такая циновка? Оказывается, не у вас одних.

— Отец мне говорил, что второй такой нет, — возразил Том. — Постой-ка... дай сообразить. От библиотеки мы двигались строго по прямой. Облако покраснело... значит, мы все время шли на запад... Трис, кажется, я знаю, что у нас над головой!

— Правда? Что же?

— Сарай моего отца!

— Не может быть!

— Сам подумай: где еще быть такой библиотеке? Скорее у коменданта. Странно, если бы она была под булочной.

Том погасил свет. Тристам отжал дверцу люка как можно выше, помогая Тому сдвинуть циновку и выбраться наружу. Потом вылез сам и уселся рядом. Том блаженно улыбался: они действительно находились в сарае полковника Бригтса. Не нужно пробираться обратно по мосту, не нужно звать на помощь. Они спасены! Радость Тристама, впрочем, омрачалась воспоминанием о записи в его личном деле.

Дощатая хибарка была погружена в полутьму. Последние лучи солнца пробивались сквозь узенькие щели в стенах и освещали плясавшие в воздухе пылинки.

— Видишь, солнце еще не село! — воскликнул Тристам, снова накрывая люк циновкой. — Идем, посмотрим, как оно садится!

Том подошел к двери и приоткрыл ее.

— Твой отец дома? — поинтересовался Тристам.

— Подожди, я как раз смотрю...

— А Миртиль где?

— Знаешь, с ней что-то странное. Она теперь все вечера убивает на подготовку праздника — скоро ведь годовщина основания городка.

— Но до праздника еще долго, больше месяца!

— Ну да. А она скамейку красит, еще на прошлой неделе начала. Смехота! Наверное, уже десятый слой кладет. Удобный предлог, чтобы посуду не мыть. Здорово родители с ней влипли... По хозяйству все приходится делать мне.

— А твоя мама? Она дома?

— Мама ничего не скажет, даже если нас увидит. Том отвернулся и, глядя на пол, покачал головой.

— Надо же! Сколько раз я здесь прятался, когда был маленьким! Никогда не подумал бы, что под циновкой есть люк. И тем более — что там такие сокровища!

— Какие сокровища, Том? — удивленно переспросил Тристам.

Том не ответил, только крепко сжал книгу, спрятанную под рубашкой.

Стены дома Бригтсов были озарены последними лучами солнца, Две большие стеклянные двери, выходившие из кабинета полковника на террасу, напоминали пару гигантских глаз. Как и на всех других зданиях городка, на крыше с гулом вращался ветряной генератор, снабжавший семью Бригтсов электричеством. Его вертушка, торчавшая над стенами, по которым разливался отсвет заката, придавала дому забавный вид: словно какой-то клоун в красном колпаке укутался по уши в белый плащ облака.

За стеклами угадывались квадратные плечи отца Тома.

Верный своим привычкам, полковник Бриггс сидел за рабочим столом спиной к солнцу.

— Через сад нам не пройти, он заметит! — прошептал Тристам.

Том кивнул.

— Ничего не поделаешь, спрячемся за сараем. Посмотрим оттуда, как солнце заходит, — заключил Тристам.

Друзья осторожно выскользнули наружу и прокрались за сарай.

Перед ними, освещая гаснущими лучами океан, садилось солнце. Просторное, удивительно красивое небо окрасилось над горизонтом в оранжево-красный цвет, а в зените оно было темно-синим. За их спинами небо стремительно темнело, наливаясь космической чернотой, которую прорывало мерцание первых звезд.

Почему днем небо синее?

— Земная атмосфера отличается от космической пустоты. Она наполнена смесью газов (азота и кислорода), точнее мельчайшими частицами этих газов, которые называются

молекулами.

Эти молекулы нельзя увидеть невооруженным глазом, но мы можем видеть, как они изменяют лучи, исходящие от Солнца.

Из-за молекул азота и кислорода лучам трудно проходить сквозь земную атмосферу: всякий раз, когда на их пути встречается молекула, они отклоняются в разные стороны — вверх, вниз, влево, вправо. Наших глаз луч достигает только после нескольких повторных столкновений с другими молекулами. Такой свет называют рассеянным.

Чем меньше длина волны, тем труднее свету проходить сквозь атмосферу. Всего труднее это делать лучам фиолетового и синего цвета, а поскольку фиолетовая волна короче, чем синяя, небо должен был бы наполнять скорее фиолетовый цвет, «застрявший» среди молекул азота и кислорода. Иначе говоря, мы должны были бы видеть не синее, а фиолетовое небо.

Вот причины, по которым небо не выглядит фиолетовым:

- Солнце испускает меньше фиолетовых лучей, чем синих;
- из лучей, испускаемых Солнцем, самые мощные — лучи желтого цвета;
- наши глаза особенно восприимчивы к желтому цвету;
- накладываясь друг на друга, желтый и фиолетовый цвета дают синий.

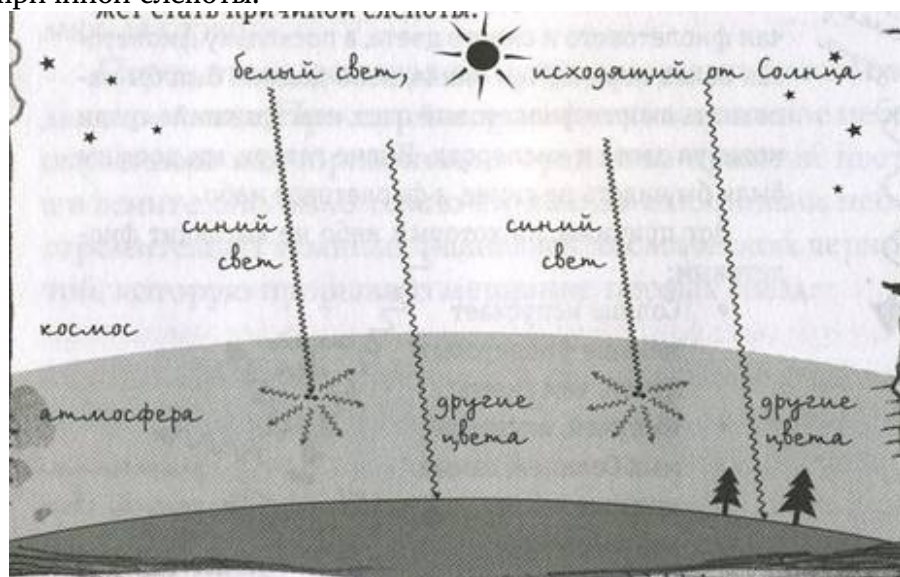
Внутри глаз желтый цвет Солнца — без нашего ведома — смешивается с фиолетовым цветом неба и превращается у нас на сетчатке в синий.

Но и это не все: синий цвет, созданный нашими глазами, соединяется с теми синими лучами, что исходят непосредственно от Солнца. Так возникает прекрасный лазурный цвет неба.

Если смотреть на Солнце с поверхности Земли, оно кажется желтым, а не белым, как при взгляде из космоса, — из-за того,

что атмосфера вобрала в себя синий цвет, окрашивающий небо. Если из белого вычесть синий, получается желтый.

Будьте осторожны! Никогда не смотрите на солнце без защитных фильтров: его свет настолько ярок, что может стать причиной слепоты.

Миртильвиль строился в чрезвычайных обстоятельствах, и это отразилось в его бесхитростной архитектуре. Когда транспортное облако, на котором спасались беженцы из Северного королевства, застыло над вулканом посреди океана, облакостроителям пришлось действовать крайне быстро, не теряя ни минуты.

Архитекторы выбрали наиболее прочный участок облака и построили там четыре длинных ряда жилых зданий. Все они были одинаковыми, с ветряками на крыше. Главную улицу, связавшую поля на востоке с домом полковника на западе, делила на две равные половины небольшая площадь, на которой стояла школа.

Дом полковника отличался от остальных. Зная, что там предстоит жить принцессе, архитекторы намеренно поставили его у края облака, чтобы будущая королева могла любоваться закатами из окна своей комнаты. Они даже предусмотрели место для маленького сада между домом и оградой, предохранявшей жителей городка от случайных падений с облака. Подросшая Миртиль посадила там цветы и невысокие кустики, за которыми заботливо ухаживала изо дня в день. В этом саду как раз и стоял сарай полковника.

Миртильвильским детям запрещалось, «по самоочевидным соображениям безопасности», играть за пределами городка. Поэтому малышам почти никогда не удавалось видеть, как садится солнце. Впрочем, это их не слишком огорчало: дети предпочитали устраивать кавардак на площади перед школой. Тристам был не такой, как другие, — временами он прятался в полях, за метелками риса, и, лежа там, смотрел, как под последними закатными лучами вспыхивает оранжево-золотистыми пятнами поверхность океана.

Но из сада Миртиль смотреть было гораздо удобнее: он находился почти на самом краю облака. Всего несколько метров отделяло сарай от защитного ограждения. По ту сторону загородки облако начинало разрываться, таять; в просветах виднелись небо и морская гладь.

Неподвижно сидя в траве, Тристам и Том смотрели, как солнце тонет в океане. Теперь горизонт был залит желтым, оранжевым и красным светом, и сумерки на глазах превращались в ночную темноту.

В доме Бригсов зазвенел колокольчик. Это был сигнал к ужину.

— Мне надо идти, — вставая, тихо сказал Том.

Из его кармана выпала тонкая брошюра. Испугавшись, что это книга из секретной библиотеки, Том поспешил ее поднять.

— А, это для тебя! — воскликнул он, убедившись, что ошибся. — Здесь объясняется, почему солнце белое, если глядишь из космоса, и почему небо становится синим. Я совсем о ней забыл.

— Я тоже, — Тристам взял брошюру в руки. — Но зачем она

мне? Я никогда не пойму, отчего это так.

— Ты же знаешь теперь, на какой высоте мы живем, верно?

— Да, этого я точно не забуду: два километра.

— Вот видишь! И ты даже знаешь почему: потому что нужна достаточно низкая температура, чтобы пар, поднимающийся из океана, превратился в капельки воды. Вот и ответ на второй вопрос контрольной. Лазурро не успеет проверить работы до завтра, у тебя есть немного времени. Если встретится еще что-то трудное, я помогу.

— Спасибо!

Том двинулся к дому.

— Как ты думаешь, — спросил Тристам, — могу я еще побыть здесь?

— Конечно. Мы сейчас сядем ужинать, тебя никто не заметит.

— Пока. Приятного аппетита!

— Спасибо! Пока.

Тристам остался один. Он смотрел, как в небе одна за другой появляются звезды, и ему было отчего-то не по себе: в голове вертелась какая-то смутная мысль, мысль неприятная, но какая именно — он не мог понять.

Может быть, она была связана со страхом, который ему довелось пережить на подвесном мосту? Нет, не то. Он еще раз подумал о записях в своем личном деле... Нет, и они были здесь ни при чем.

Внезапно в памяти всплыла картина, которую он мысленно видел во время контрольной. Ну да, конечно! Вот эта картина и не давала ему покоя: до того она казалась реальной... На него нахлынуло неясное предчувствие беды.

«Почему я тогда не увидел над вулканом Миртильвиль? — задумался он. — Может быть, я вообще не тот остров видел? Не тот вулкан?»

Тристам зажмурился и снова постарался сосредоточиться, надеясь вызвать в воображении прежнюю картину. Но ничего не увидел. Только черную тьму.

Он открыл глаза и посмотрел на ограждение. Им овладело непреодолимое желание проверить себя на опыте. Нужно было сравнить вулкан из той картины с настоящим вулканом.

Тристам привстал на цыпочки и, вытянув шею, посмотрел за ограду. Облако было уже не розовым и не красным, а темно-серым. Сквозь небольшие прогалы выглядывал океан, еще больше потемневший; но острова видно не было.

А если перепрыгнуть через проволоку с током, постаравшись ее не задеть? Потом как можно осторожнее подползти к одному из тех мест, где облако просвечивает, — и посмотреть вниз. Это

даже минуты не займет.

Тристам подошел к загородке вплотную и натянул край рукава на пальцы, чтобы защитить руку. Он совсем было оперся на проволоку...

— Что ты делаешь? Ты с ума сошел! — донесся до него звонкий голос. — Облако с той стороны совсем непрочное. И посмотри — ты же мои цветы топчешь!

Это была Миртиль. Она заметила его из своей комнаты на втором этаже и теперь кричала, свесившись в окно. Тристам покраснел от головы до пят — и пустился наутек.

— Тристам! Подожди! — кричала Миртиль.

Но он и не думал останавливаться.

Почему вечером небо красное?

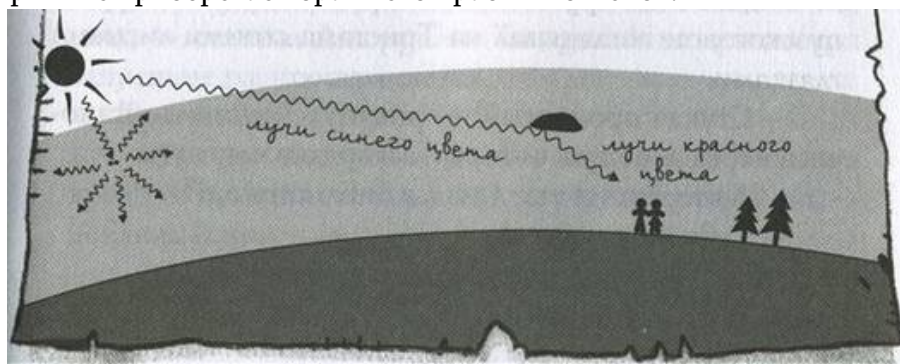
В безоблачный день солнечному свету, чтобы достичь Земли, нужно пройти сквозь плотный слой атмосферы толщиной в несколько десятков километров.

Фиолетовые и синие лучи встречают в этом слое множество препятствий — молекул разных газов. Напротив, для красных и оранжевых эти молекулы никаких затруднений не составляют: они их просто не замечают и продолжают двигаться так же прямо, как если бы по-прежнему мчались в космосе. Лучи этих цветов, хотя их по отдельности и не видно, врезаются в Землю и

нагревают ее.

Вечером все меняется, поскольку солнце в это время приближается к горизонту. Теперь его свет, прежде чем достигнуть наших глаз, должен пройти сквозь гораздо более плотный слой воздуха. Синему и фиолетовому цвету, которые повсюду встречают преграды, не удастся совершить столь длинное путешествие. Они гаснут.

Остаются только те лучи, которые, как и раньше, движутся по прямой, не встречая препятствий в молекулах газов, — красные, оранжевые, пурпурные. Мы видим эти цвета вечером, когда они отражаются от облаков и водяного пара, который поднимается в небо. Низко стоящая над горизонтом Луна, которую мы видим благодаря отраженному от нее солнечному свету, по той же причине приобретает оранжево-красный оттенок.

В этот вечерний час площадь была почти безлюдной. Тристам решительным шагом двинулся вперед, но тут его окликнули.

— А ты что здесь делаешь? Эй! Деревня! Я тебе говорю! Разве Лазурро не сцапал тебя в библиотеке?

Это был Джерри, сын начальника облакостроителей, — тот, кто бахвалился после контрольной, тот, в чьем личном деле он прочитал: будущий генерал. Поскольку Тристам с матерью жили за городской чертой, среди полей, Джерри всегда звал его «деревней» или «пентюхом».

Рядом с Джерри жался Генри, сын учителя французского; он поглядывал на Тристама своими лисьими глазками.

— Стукач проклятый! — рывкнул Тристам, остановясь перед Джерри, который загородил ему путь.

— А что это ты там делал, в библиотеке, а?

— Тебя не касается!

— Из-за того, что тебя не было, Лазурро весь урок бесился, — подал голос Генри. — До физики дело вообще не дошло. А это нас очень даже касается.

— Из-за тебя мы потеряли целый час занятий, — подхватил Джерри. — Просто черт знает что!

Джерри с нетерпением ждал дня, когда станет генералом. Проблема заключалась в том, что он хотел командовать уже сейчас... Нужно было каждую минуту подтверждать свой авторитет перед друзьями. Впрочем, в Генри он видел не друга, а скорее адъютанта.

Подул ветерок, и промокшего Тристама пробрала дрожь.

— Э, да у тебя поджилки трясутся, пентюх, — процедил Джерри, решивший, что Тристам дрожит от страха.

— Да пошли вы! — огрызнулся Тристам. От возмущения его щеки покраснели.

— Потише, потише, дай людям спокойно отдыхать! В мои функции входит защита граждан от постороннего шума, — приосаниваясь, объявил Джерри.

— Сам бы говорил поменьше, вот и шума не было бы. Я, может, тоже нуждаюсь в защите, — съязвил Тристам.

— Вынужден напомнить, что твоя мать не из наших, — ответил Джерри. — Ты враг. А на врагов моя защита не распространяется.

Тристам нахмурился.

— Мы не потерпим, чтобы деревенский тупица вроде тебя мешал остальным получать образование, — добавил Генри.

— Я не мешаю, что вы... — забормотал Тристам, внезапно почувствовав, что ужасно устал. — Я стараюсь как могу.

— Ну да ладно, ждать осталось совсем недолго! — будущий генерал усмехнулся. — Сегодня вечером Лазурро проверит твою работу. Если ты снова сдал пустой листок, он завтра же отправит тебя к мелюзге. И больше ты нам мешать не будешь.

С этими словами он откозырял по-военному и проследовал со своим адъютантом дальше: надо было завершить обход площади и удостовериться, что все в порядке и никто не нарушает общий покой.

«Плевать я на них хотел! — думал Тристам, плетясь домой. — Не напугают!»

Но он больше не верил в себя. Даже книжка Тома ему не поможет... Еле волоча ноги, он пересек площадь и двинулся по улице. Вскоре он вышел к рисовым полям и тропке, которая вела к ветряной станции. До дома оставалась какая-нибудь сотня метров.

Ноги вязли в рыхлой почве, но Тристаму было не привыкать. У самой двери дома он остановился. На душе было скверно: совсем не хотелось объявлять маме, что с завтрашнего дня его переведут в младший класс. Хотя уже веяло ночной прохладой, он сошел с тропки и побрел через поле на юг. Так он шел и шел, пока не увидел перед собой защитное ограждение. Здесь его никто не потревожит. Тристам растянулся на спине и стал смотреть на луну и звезды, а чтобы утешить себя — вспоминал рассказы мамы, которые любил слушать в детстве.

Это были рассказы о героях, живущих в других концах неба, о королях, о закатах, которые озаряли пламенным блеском огромные города, построенные на гигантских кучевых облаках, далеко-далеко, у противоположного края океана. Мама рассказывала ему о мужественных и отважных людях — благодаря таким людям, говорила она, мир становится лучше. Тристам вырастал, слушая по вечерам в своей кроватке описания таинственных, неведомых стран. И насколько же прекрасной — много прекрасней, чем здесь, — казалась ему жизнь в этих странах!

— Почему мы не можем вернуться туда, где родились? — спрашивал он.

— Потому что нас разыскивает тиран, — неизменно отвечала мама.

— А почему тиран нас разыскивает?

— Придет день, и ты сам все поймешь, мой милый.

— Проклятый тиран! — подумал Тристам, вскакивая с земли. Он посмотрел на загородку и, охваченный внезапным

возмущением, со всего размаха хлопнул по ней ладонью. В голове у него вспыхнул ярчайший свет; мускульная судорога отшвырнула его назад. Тристам рухнул наземь в нескольких метрах от ограды, среди рисовых метелок. В гневе он забыл, что по проволоке пропущен ток.

— А-а-а! — застонал он, поднимаясь и растирая поврежденную руку. — Ну и дурак же я...

Он плохо понимал, что происходит; тело болело так, будто его измолотили кулаками. Нужно было возвращаться домой. Если бы не эта страшная слабость... Луна стояла уже очень высоко — похоже, предаваясь мечтам, он провалялся в поле долгое время.

Он собрался с силами и, дрожа от холода, медленно потащился к дому.

Оставив Тристама в дальнем конце сада, Том поднялся в свою комнату и стал натягивать сухую одежду. Колокольчик прозвенел еще раз, пора было идти к столу. Мешало одно: Том никак не мог забыть о книге из секретной библиотеки. Даже переодеваясь, он не отрывал от нее глаз.

Полностью одевшись, Том решил не торопиться помогать родителям: вместо этого он схватил книгу и запрыгнул с нею на кровать. Ему хотелось петь, кричать от радости... Нет, так можно себя выдать. Расплывшись в улыбке, он ограничился тем, что прочитал название на обложке:

Иона Санберн, Магистр ветра. «Тонкое искусство. Облака как средство ведения войны».

«Круто!»

На корешке было написано красными чернилами: «Военная книга пятой категории. Категорически запрещена для чтения. Изъята из обращения по приказу короля».

На задней стороне обложки Том нашел несколько отзывов, опубликованных еще до того, как книга попала под запрет.

«Великолепная книга — поэтичная, берущая за живое». Подпись: лорд Дезабль, генерал соединенных облачных сил республики Сирокко.

«Грандиозный успех. Магистр Санберн, вы настоящий волшебник». Подпись: «Газета Военно-кучевого облака».

Дальше следовала краткая аннотация. Том принялся читать и забыл обо всем на свете.

Землю называют голубой планетой. Между тем семьдесят процентов ее поверхности закрыто облаками.

Облака состоят из пара, источниками которого являются океан, почвенные воды, реки, ручьи.

Смещаясь под действием ветра, облака переносят из более жарких мест в более прохладные колоссальное количество тепла и, посредством осадков, перераспределяют воду на земной поверхности.

Атмосферные облака абсолютно необходимы для жизни на Земле. Но их мощь настолько велика, что они могут превращаться в разрушительную военную силу.

Люди, знающие природу облаков, могут управлять воздухом и водными ресурсами. Обладатели подобного умения называются Магистрами воды.

Но даже они не идут, в сравнение с Магистрами ветра — теми, кто умеет ставить себе на службу ударную силу облаков.

Эта книга даст начальные знания всем, кто хочет стать Магистром ветра.

Дрожа от возбуждения, Том откинулся на матрас. «Магистр ветра... — бормотал он, хмелея при мысли о будущей славе. — Нет, не случайно я попал на эту книгу!»

Облокотясь на подушку, он с бьющимся сердцем открыл трактат и прочитал предисловие, написанное самим Ионой Санберном.

Предисловие

Первое и самое важное из сведений, которые нужно усвоить желающему стать Магистром ветра, состоит в следующем: источником 99,9 % энергии на планете Земля является Солнце.

Том представил себе Землю, мчащуюся в космосе: одинокий голубой шар, затянутый облаками, омываемый теплом Солнца, купающийся в его лучах.

Голос мамы вырвал его из размышлений:

— Миртиль! Том! Вы здесь? Идите есть!

Притворившись, что не слышит, Том выгадал для чтения еще несколько минут.

Остальные 0,1 % энергии имеют источником саму Землю. Эта энергия высвобождается, например, при извержениях вулканов.

Наша атмосфера не всегда была такой, как сейчас. Начиная с момента своего возникновения, она реагирует на изменения этих двух основных источников энергии и к ним приспосабливается.

Она достигла равновесия, которое обеспечивает существование жизни на Земле: атмосферным воздухом можно дышать, а средняя температура на поверхности Земли составляет 15 °C.

Это глобальное равновесие между Солнцем и Землей, установившееся в нашей атмосфере, называется планетарным климатом. Планетарный климат лежит в основе климатов местных, которые в разных районах планеты могут сильно различаться.

Если говорить об энергетическом балансе, то вклад, который вносим в него мы, люди, ничтожен в сравнении с вкладом Солнца или самой Земли. Тем не менее и этого небольшого количества энергии достаточно, чтобы нарушить и сдвинуть равновесие, которое устанавливалось в течение миллиардов лет. В нашей власти изменить земной климат.

Надо помнить: если мы будем действовать разумно, то получим возможность управлять климатом. Тот, кто сможет добиться этого первым, станет обладателем самого

могущественного оружия, какое когда-либо изобретал человек.

Магистр ветра, достойный своего звания, знает, как достигнуть этой цели.

Иона Санберн, Магистр ветра.

Сердце Тома готово было выпрыгнуть из груди. Но голос отца вернул его к реальности:

— Том! Я знаю, что ты у себя. Спускайся! ужин готов.

— Иду!

Лихорадочно обдумывая прочитанное, Том спрыгнул с кровати и бросился вниз, на первый этаж. Только там он вдруг вспомнил, что у них сегодня гости. Он совсем об этом забыл!

Буакар, Лазурро и г-жа Пиль уже сидели в столовой. Не говоря ни слова, Том занял свое место рядом с Миртиль.

— Ты мог бы и поздороваться, — заметила мама.

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — откликнулись учителя.

— Начнем, а то все остынет! — пригласила гостей к столу г-жа Бриггс.

Отец Тома, похоже, не был в добром расположении духа. Том не смел поднять глаза: он ожидал наказания за то, что прогулял урок.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова. Наконец полковник, не притронувшийся к своей тарелке, прервал молчание. Том опустил голову еще ниже и закрыл глаза.

— Я пригласил вас на ужин, — обводя гостей взглядом, начал полковник, — потому что получил вести от нашего короля.

Он повернулся к Тому и Миртиль.

— Миртиль, письмо вашего отца мы обсудим после ужина. А пока я хотел бы, чтобы вы и Том слушали все, о чем мы будем говорить, очень внимательно, потому что ситуация в мире существенно изменилась.

Миртиль и Том подняли головы.

— Мы ждали вестей от короля долго, очень долго, но перелетные птицы не появлялись. Сегодня утром они все-таки прилетели, опоздав на два месяца, даже больше. Господин Лазурро, не могли бы вы объяснить, что означает эта задержка?

Учитель откашлялся и вытер губы салфеткой.

— Чтобы понимать движение перелетных птиц, нужно учитывать множество факторов, — начал он. — Зимой день укорачивается, причем тем больше, чем дальше мы находимся от экватора, и в это время птицы предпочитают возвращаться туда, где тепло, где больше света, источников энергии, а стало быть...

— Переходите к существу дела, господин Лазурро, — перебил

его отец Тома.

— Хорошо, господин полковник. Опоздание перелетных птиц означает, что времена года теперь не такие, как прежде. Весеннее потепление наступает раньше, а зима начинается позже: она стала короче, но зато может быть очень суровой.

Учитель снова откашлялся, стараясь не смотреть в глаза Миртиль.

— Следовательно, — продолжил он, — в дальнейшем мы не будем получать вестей из внешнего мира. Из-за козней тирана маршруты перелетных птиц сместились и теперь пролегают в стороне.

— Спасибо, господин Лазурро, — поблагодарил полковник. — Теперь вы, господин Буакар. Нет ли новых явлений в атмосфере?

Глава 9

Миртиль и Том, молча слушавшие разговор взрослых, повернулись к Буакару.

— В атмосфере? Пожалуй, нет, господин полковник, — отозвался тот. — На востоке и вправду проплыли несколько подозрительных белых облачков, но я единственный, кто их видел. А вы не хуже меня знаете, что для прогноза погоды свидетельство одного человека ничего не значит. Если бы нас было двое, другое дело. Итак, в настоящий момент трудно сказать что-либо определенное.

— Вы не можете объяснить, почему здесь больше не пролетают перелетные птицы?

— Почему же, могу. Состав нашей атмосферы изменился.

— А точнее?

— К сожалению, господин полковник, пока не знаю. Возможно, это объясняется парниковым эффектом.

— Спасибо, господин Буакар. Госпожа Пиль, вы хотите что-нибудь добавить?

— Господин полковник, — ответила директриса, — Миртильвилль перестал быть безопасным местом.

— Согласен, — подтвердил полковник, посмотрев на вздрогнувшую жену, которая сидела на другом конце стола рядом с Миртиль.

— Вам непременно нужно обсуждать все это за столом, при детях? — спросила она.

— Миртиль и Том уже не маленькие, — возразил полковник. — День, которого мы всегда так боялись, настал. Наш городок действительно перестал быть надежным укрытием. Кроме того, здесь больше не пролетают перелетные птицы, мы отрезаны от мира. Нам суждено навеки остаться в Миртильвиле.

— Прожить двенадцать лет в изгнании и в конце концов оказаться взаперти... — пробормотала г-жа Пиль.

Лазурро и Буакар печально посмотрели на директрису и опустили головы.

Некоторое время стояла тишина. Глотнув пересохшим горлом, Миртиль подняла глаза на полковника.

— О чем пишет мой отец?

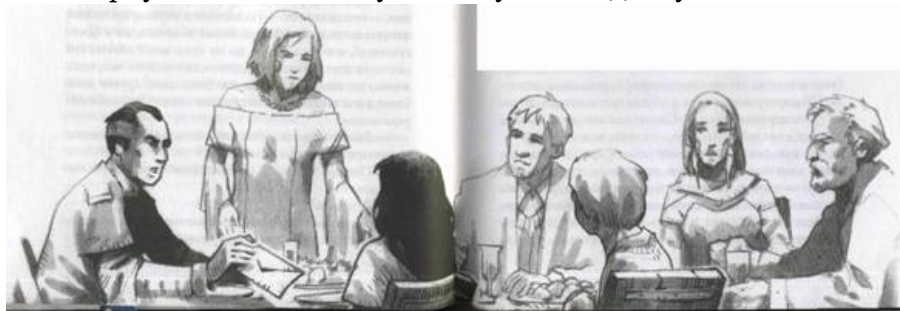
— Я скажу вам после ужина, — ответил тот.

Миртиль ясно видела, что полковник чувствует себя неловко, как и его гости. Он старался не встречаться с ней взглядом, словно желая что-то скрыть.

— Пожалуйста... — промолвила она тихо, обращаясь к

своему воспитателю. — Скажите мне правду... с ним что-то случилось? Может быть, он...

Миртиль не смогла закончить фразу. За столом установилось тягостное, напряженное молчание. Никто не прикасался к еде. Все повернулись полковнику. Тот глубоко вздохнул.

— Ваш отец сообщил, что тиран обзавелся чудовищным оружием, — заговорил он после небольшой паузы. — По мнению короля, шансов победить врага больше нет. Он расстался с мыслью отвоевать Северное королевство.

— Так значит, отец может приехать сюда и жить с нами? — обрадовавшись, Миртиль вскочила со стула.

— Нет, Миртиль. Ваш отец ранен. Он упал с облака на поверхность Земли. Мне очень жаль, но это так.

— Нет, не может быть! — прижав ладонь ко рту, застонала Миртиль.

Принцесса покачнулась, по ее щекам текли слезы. Она опустила на стул. Гости, потрясенные ничуть не меньше, не решались вымолвить и слова.

— Он умрет? — спросила девочка, всхлипывая.

— Мы не знаем, — ответил полковник, — и не можем узнать. У нас больше нет контакта с внешним миром.

— Но мы должны его найти! — воскликнула Миртиль. — Мы должны вылечить его!

Полковник не ответил. Как и остальным, девочке было известно, что они застряли в Миртильвиле навсегда. Облакостроителям не удалось починить двигатель их транспортного облака. «Самые важные детали упали в океан, — сказали мастера, — а запасных у нас нет».

Из глаз г-жи Бриггс тихо текли слезы; учителя тяжело вздыхали. Страдания принцессы трогали всех до глубины души. Ради Миртиль, ради своего любимого короля они уже двенадцать лет жили в изгнании. Двенадцать лет надеялись вернуться домой, в королевство Северных Облаков. Теперь эти мечты рухнули.

Наконец Том негромко спросил:

— А как мы будем защищаться от войск тирана, если он нас

найдет?

— Мы еще поговорим об этом, — ответил полковник.

— Нужно найти моего отца, нужно его вылечить! — твердила Миртиль. — Без меня ему не обойтись! Мы ни за что не должны...

Г-жа Бриггс поднялась с места и обняла ее.

Прошла минута-другая, и полковник протянул девочке маленький конверт, на котором стояло ее имя. Письмо было запечатано королевской печатью Северных Облаков, почерк тоже был знакомым. Это было девятое письмо, полученное Миртиль от отца. Она схватила конверт и выбежала из столовой.

Утирая глаза, г-жа Бриггс хотела последовать за своей воспитанницей. Но принцессы уже не было в доме: все услышали, как хлопнула входная дверь.

— Перейдем ко мне в кабинет, — предложил отец Тома. — Миртиль скоро вернется, и мы с ней все обсудим.

Оба учителя и директриса двинулись следом за ним.

Том остался один за большим столом, перед тарелками, к которым никто так и не притронулся.

Он принялся убирать со стола, думая о том, как невесело сейчас Миртиль... Но он хорошо знал принцессу и понимал, что в этот момент лучше ее не тревожить. Он тоже поговорит с ней, но позже. А пока — нужно прочитать книгу Санберна, нужно сделаться очень сильным, нужно научиться сражаться и стать настоящим полководцем. Пусть король Севера отказался от своих планов — это ничего не меняет в его собственной судьбе, а она решена раз и навсегда!

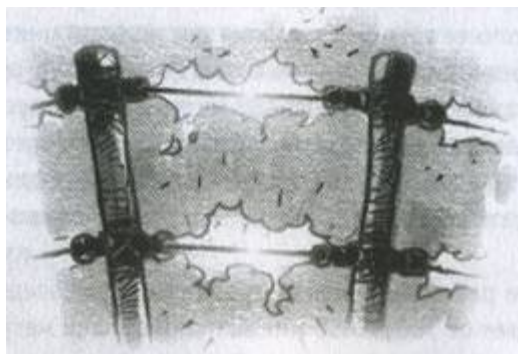
— Оставь это, — сказала ему мама, вернувшаяся в столовую, — я сама уберу. Можешь идти к себе.

Том прижался к ней.

— Будь поласковей с Миртиль, — шепнула мама и поцеловала его, — хорошо? Ты мне обещаешь?

— Да, конечно.

Через пару минут он выглянул из окна своей комнаты, откуда была хорошо видна главная площадь. Принцесса сидела на любимой скамейке. Том сбежал с лестницы и поспешил к Миртиль, чтобы быть с ней вместе.

Еще задолго до того, как маленькая Миртиль начала что-то понимать, жители городка изо дня в день говорили ей, что она принцесса. Со временем, объясняли девочке, она станет королевой и будет управлять целой страной; тогда, хотя территория Северных Облаков и невелика, на нее ляжет громадная ответственность.

Потом Миртиль подросла и поняла, чего от нее ждут горожане: она должна была отомстить за них тирану. В ту пору ей было семь лет. С этого момента девочке навсегда расхотелось становиться королевой.

Сама мысль о том, что родную страну нужно будет когда-нибудь отвоевать у врага, доставляла принцессе боль, и она терзалась при мысли, что придется причинять страдания людям, с которыми она не была даже знакома. Ей совсем не нравилось воевать; но она знала, что у нее нет другого выбора. Миртиль охотно объяснила бы жителям, что мечтает быть такой же, как остальные, но кому она могла бы это сказать? Весь этот городок был построен ради нее!

Все, кто в нем жил — облакостроители, пекари, земледельцы, архитекторы, учителя, — добровольно ушли в изгнание, чтобы защищать ее, Миртиль, чтобы дать ей образование; из-за нее они поселились в глухом углу, вдали от всего мира. Она не могла сказать о своем желании даже полковнику, который ее воспитал и любил как родной отец: ведь на него была возложена обязанность оберегать принцессу и подготовить ее к роли королевы.

Одноклассницы видели в ней не подругу, а свою будущую повелительницу. Миртиль подозревала, что ей завидуют, — но как доказать другим, что тебя совсем не прельщает возможность взойти на трон?

Теперь все переменялось. Вскоре жители Миртильвиля узнают, что им не суждено вернуться в Северные Облака, что Миртиль вовеки не станет королевой. Но на сердце у принцессы все равно было тяжело. То, что она прочитала в письме отца, повергло ее в глубокое смятение.

Отец не написал о своем здоровье, не спрашивал, как живет его дочь; в письме вообще не было ласковых слов. Он сухо приказывал принцессе спастись бегством и быть послушной девочкой.

«Если тиран тебя найдет, дочь моя, он убьет тебя на месте. Я хочу, чтобы ты попыталась скрыться, чего бы это ни стоило. Полковник Бриггс обо всем знает. Он тебе поможет. Слушайся его

так же, как слушалась бы меня».

Сидя на скамейке, собственноручно покрашенной к празднику, Миртиль вспомнила о воздушном мотоцикле, который когда-то, рухнув посреди городка, принес к ним мать Тристама. В свое время полковник показал ей эту машину, которую удалось починить и привести в рабочее состояние. Он спрятал мотоцикл на случай крайней необходимости, если наследницу престола потребуется срочно спасать, и научил Миртиль управлять им.

Она задумалась: а вдруг с помощью этого летательного аппарата ей удастся найти отца? Нет, в одиночку она не справится. Может быть, ее и воспитали как королеву, но для такого предприятия у нее слишком мало знаний — не больше, чем у любого другого ребенка из их городка.

Какие-то горожане вышли прогуляться на площадь. Принцессе хотелось побыть одной: не отдавая себе отчета в том, что делает, она встала со скамейки и пошла прочь, направляясь к противоположной окраине Миртильвиля. У границы рисового поля Миртиль остановилась. С этого места ей был виден слабый свет, лившийся из домика Тристама. Как будто одна из звезд упала с неба и тихо теплилась среди рисовых метелок, посеребренных сиянием луны.

Принцесса обернулась, посмотрела на городок, еще мгновение поколебалась, а потом, словно увлекаемая какой-то непонятной силой, смело пошла по вязкой тропинке. Страха она не чувствовала — оставаясь внутри защитного ограждения, провалиться сквозь облако было нельзя. Если что ее и тревожило, так это запрет приближаться к жилищу Дрейков.

Первый раз в жизни Миртиль сама приняла решение, сама сделала выбор, а не последовала совету взрослого — отца, полковника или кого-то другого. И выбор этот заключался в том, чтобы увидеть собственными глазами дом, где жили Тристам и его мать, таинственная женщина, которую так недолюбливали жители Миртильвиля.

С тех пор как г-жа Дрейк появилась на их облаке, ее навещал только полковник. Но полковник никогда и никому не рассказывал, о чем они разговаривали.

Шагая по узкой тропе, Миртиль перебирала в уме жуткие слухи о чужестранке, ходившие в городке. Она представляла себе мать Тристама ужасным существом, с которым в поздний час не отважится встретиться даже самый отчаянный храбрец, — говорили, что от одного взгляда этой женщины кровь стынет в жилах.

Где-то на полпути Миртиль остановилась. Навстречу задул ветер; он гнал по серебристому полю волны, трогал ее волосы бесплотными пальцами. «А вдруг это правда? — подумала она. — И мать Тристама в самом деле колдунья?»

«Нет, просто люди болтают невесть что, — успокоила она себя. — Представляй она для меня хоть малейшую опасность, полковник никогда бы ей не позволил здесь остаться».

Она посмотрела на невзрачный домик Дрейков. Ветряк на крыше был такой маленький, что Миртиль подумала: как это им удастся одновременно и обогревать, и освещать свое жилище... Несмотря на тревожные мысли об отце, она чувствовала себя на удивление хорошо. Вдали от посторонних взглядов как будто и дышалось легче.

Миртиль подошла к окну, чтобы посмотреть, дома ли Тристам.

Внезапно из поля донесся глухой стон, заставивший ее вздрогнуть. Она замерла, прислушалась. Потом осторожно, готовясь в любую минуту убежать, вошла в рисовые посадки. Луна светила так ярко, что принцесса различила в нескольких шагах от себя темную впадину. Она подошла ближе и увидела лежавшего на земле Тристама: тот дрожал всем телом и, корчась от боли, держался за левую руку.

Миртиль бросилась к нему.

— Тристам! Что ты тут делаешь? Где ты так вымок? И почему ты такой бледный? Что стряслось?

— Я зам-зам-м-мерз. — лязгая зубами, ответил Тристам.

Миртиль помогла ему подняться на ноги.

— Пойдем, — сказала она, — я отведу тебя домой.

Что скрывается между звездами, в темноте ночного неба?

Наша Вселенная возникла около 13 миллиардов 700 миллионов лет назад в результате так называемого Большого взрыва. В то время еще не существовало ни Земли, ни Солнца, ни звезд.

Непосредственно после Большого взрыва Вселенная была очень плотной и горячей.

Потом Вселенная расширилась и остыла.

По мере расширения Вселенная делалась все менее яркой и спустя 300 000 лет стала прозрачной. В то время она имела температуру 2700 °C и излучала яркий свет.

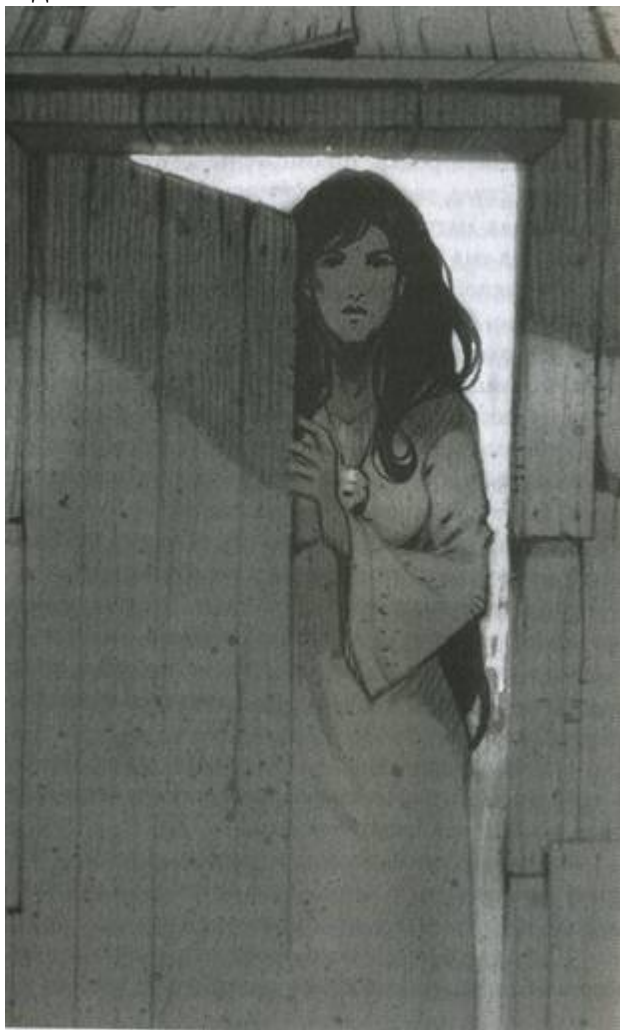
Сегодня, в результате охлаждения, продолжающегося уже более 13 миллиардов лет, Вселенная стала очень холодной: ее температура составляет -270 °C.

Свет, излучаемый телом, которое имеет температуру -270 °C, нельзя различить невооруженным глазом, поскольку человеческое зрение не может воспринять такие лучи. Зато это умеют делать телескопы, созданные человеком. С их помощью мы узнали, что тьма между звездами на самом деле не такая черная, как кажется. Она скрывает в себе то, что осталось от первоначального света, который сиял при 2700 °C, спустя 300 000 лет после Большого взрыва, когда Вселенная стала прозрачной. Этот свет мчится с тех незапамятных времен по направлению к нам и заполняет собой все пространство.

Поэтому, когда мы ночью смотрим на черное небо между звездами, то видим, даже если этого и не сознаем, истоки нашей Вселенной.

Глава 11

Дверь открылась, и Миртиль застыла на месте. У нее перехватило дыхание.

Перед ней стояла такая красивая женщина, какой она еще никогда не видела. Черты г-жи Дрейк были поразительно тонкими: ветерок, овевавший ее прекрасное лицо, и тот, казалось, прикасался к нему с особенной нежностью. Темные волосы, словно шелковые нити, изящно падали на плечи; голубые глаза светились добротой.

— Тристам! — обнимая сына, воскликнула она. — Ты же весь мокрый!

— Добрый вечер, мамочка, — ответил, дрожа, Тристам. — Я поранил руку.

Г-жа Дрейк помогла сыну дойти до кровати и принесла ему сухую одежду. Онемевшая принцесса все еще стояла на пороге и не знала, что ей делать.

— Входи, Миртиль, — голос матери Тристама звучал приветливо, ласково.

Девочка вошла, затворила за собой дверь и обвела взглядом домик, состоявший из одной комнаты. Слева, над кроватью, где лежал Тристам, светились в окне дальние огни городка, прямо перед Миртиль стояли стол и два стула, за ними располагалась кухонька с раковиной для мытья посуды. Из второго окна, справа, открывался вид на рисовые поля и на дорогу, которая вела к ветряной станции.

Миртиль посмотрела на г-жу Дрейк: та, опустившись на колени, разглядывала руку сына. Бедность обстановки лишь оттеняла ее красоту. Мать Тристама обладала необычным обаянием, которое действовало на окружающих так сильно, что все время хотелось ей угождать, любоваться ею, делать то, что она скажет, немедленно и беспрекословно повинаясь.

Миртиль вздохнула: отчего в городке рассказывали об этой женщине такие кошмарные небылицы?

Она перевела взгляд на Тристама. Тот был ужасно бледен. На лбу у него выступили капельки пота, глаза были полузакрыты. Только сейчас она заметила на его ладони свежий ожог. От одного этого вида принцессе стало плохо.

— Ничего страшного, — успокоительно сказала г-жа Дрейк, — нужно только не терять времени. Миртиль, вскипяти, пожалуйста, воды.

Миртиль поискала глазами чайник, который почти сразу нашелся на кухонном столике. Она поспешила наполнить его водой и поставила на плиту.

— Там на полке, — продолжала мать Тристама, — стоит баночка с темно-зелеными листьями. Передай ее мне.

Миртиль схватила баночку и принесла ее г-же Дрейк; потом опустилась на колени рядом с нею. Та приложила листочки к ожогу, на который и вправду было страшно смотреть.

«Как же это случилось? Он ведь тогда не дотрагивался до загородки в моем саду...» — задумалась Миртиль.

— У нас на облаке, — сказала г-жа Дрейк, — такой след может оставить только электрическое ограждение.

«Значит, он попытался перелезть в другом месте! — подумала Миртиль. — Добром это не кончится! Хорошо, если до смерти не убьется!»

— Ты думаешь, это не случайность? — спросила, глядя ей в глаза, г-жа Дрейк.

«Она читает мои мысли!» — встревожилась принцесса.

— Случайность, случайность, — пробормотал расслышавший их слова Тристам, — чистая глупость...

Чайник засвистел. Г-жа Дрейк подошла к плите.

— На этой высоте, — объяснила она, наливая кипяток в ступку, — вода кипит при 95 °С. Если бы Миртильвиль построили на более высоком облаке, кипящая вода была бы недостаточно горячей для стерилизации инструментов. Запомни, Миртиль: прежде чем приступать к лечению, инструменты обязательно нужно стерилизовать.

Тристам приоткрыл глаза и посмотрел на Миртиль.

— Она не читает твои мысли — зашептал он, — она их угадывает по выражению лица. На это у мамы особый дар. Ты... ты прости, что я твои цветы помял... — добавил он, и глаза его опять закрылись.

Миртиль стало не по себе. Она решила не задумываться ни о чем серьезном и следить за выражением своего лица.

— Хочешь, научу тебя лечить ожоги? — спросила г-жа Дрейк.

Миртиль кивнула. Мать Тристама направилась к шкафчику, в котором теснились баночки с засушенными растениями и цветами, семенами и стебельками. Она выбрала три баночки, отсыпала из каждой немного содержимого в ступку и принялась толочь пестиком, приготавливая мазь.

По телу Миртиль пробежала дрожь: ей неожиданно вспомнились легенды и сказки, которые в раннем детстве полковник Бриггс рассказывал перед сном.

В те годы он почти каждый вечер говорил с ней о Северных Облаках. «Очень важно знать историю, принцесса, — повторял он. — Внутреннюю суть любой страны можно постигнуть только из ее прошлого, ее культуры. Нужно проникнуться этим духом, иначе вы не научитесь понимать ваш народ и не станете для него справедливой правительницей».

Знаток военного дела, полковник рассказывал девочке о наиболее важных сражениях, в которых участвовала королевская армия. Миртиль трудно было согласиться с мыслью, что культура ограничивается войнами и другими событиями, происходившими в прошлом. Но все же она слушала внимательно. И вот почему; покончив с рассказами о битвах, полковник всегда начинал говорить о женщинах в зеленых и голубых одеждах. Этих женщин Миртиль любила больше всего.

Они чудесным образом появлялись на полях сражений, даже самых отдаленных, и, никого не осуждая, не делая различий между победителями и побежденными, перевязывали раненых. Потом, сделав свое дело, так же чудесно исчезали. И раненые

выздоровливали.

Голос полковника, когда он описывал таинственных женщин, звучал взволнованно, восхищенно. Он говорил о них так, будто эти женщины были ангелами, спустившимися с небес «Они показывают солдатам, что такое настоящая человечность. Звери ведь тоже сражаются между собой. Но только человеческое существо способно выхаживать раненного врага так же заботливо, как друга».

Склонившись над постелью Тристама, Миртиль не сводила глаз с г-жи Дрейк. Может быть, мать Тристама была одной из этих легендарных женщин? Не потому ли ей оказывал покровительство полковник Бриггс?

Г-жа Дрейк подняла свои голубые глаза. Они молча смотрели друг на друга. Губы матери Тристама тронула легкая улыбка: Миртиль, сама того не замечая, накрыла ладонью пальцы уснувшего мальчика.

Она показала маленькой принцессе содержимое ступки, которую держала в руках.

— Я всыпала туда сушеные растения и цветы, которые растут в моей стране.

— Вы привезли их с собой?

— Нет, я их выращиваю.

— Здесь? В Миртильвиле?

— Да.

— Растения могут заживить любую рану? — продолжила выпрашивать Миртиль, думавшая о своем отце.

— Почти все лекарства делают из растений, нужно только быть очень осторожной и не спутать рецепты. Но, к сожалению, бывают такие раны, для которых лекарства нет. А еще есть невидимые болезни, постепенно проникающие в сердца людей и лишаящие их покоя. Когда такая хворь становится заметной, больному обычно уже нельзя помочь.

Лицо г-жи Дрейк помрачнело, как будто в ее памяти мелькнуло какое-то мучительное воспоминание.

— Хочешь попробовать сама? — предложила она принцессе.

Девочка взяла из ее рук ступку и пестик и принялась растирать содержимое. Вскоре размолотые составные части превратились в однородную массу. Двумя пальцами Миртиль взяла немного целебного снадобья, приподняла листья с ладони Тристама и смазала пораженное место.

— Ты уже не в первый раз ухаживаешь за раненым? — поинтересовалась г-жа Дрейк.

— Нет, в первый. А что? Я что-то не так сделала? — встревожилась девочка.

— Совсем наоборот, маленькая принцесса, совсем наоборот. У тебя есть талант.

— Я хочу стать такой же, как вы, — не сдержалась Миртиль, сознавая, что говорит очень странные вещи.

В это мгновение задремавший Тристам улыбнулся. Ему что-то снилось.

— Миртиль... — промычал он. — Миртиль...

Принцесса залилась краской, и г-жа Дрейк тоже улыбнулась.

— Он скоро выздоровеет?

— Завтра утром проснется здоровым, — ответила мать Тристама. — И это благодаря тебе.

Она помолчала, а потом спросила:

— Почему ты пришла сюда?

— Я... я... — пролепетала Миртиль, — я хотела помочь Тристаму. Я его нашла посреди...

— Я видела, как ты шла по тропке еще до того, как заметила Тристама. Скажи прямо: почему ты решила сюда прийти?

— Я... я не знаю. Я хотела только посмотреть на ваш дом...

Мама Тристама встала и налила воды в чайник.

— Ты любишь травяной чай?

«Наконец-то, — подумала Миртиль. — Сейчас она мне расскажет о моем отце».

Г-жа Дрейк сидела напротив принцессы. Ноздри Миртиль щекотал сладковатый запах настоя, курившегося в чашках. Вдыхая ароматы далеких стран, она, никогда не покидавшая Миртильвиль, как будто перенеслась в неведомые края и мчалась по воздуху над огненно-алыми облаками, на которых высились хрустальные города.

Очнувшись, Миртиль ощутила странную ясность ума.

— Ты, конечно, знаешь, что Миртильвиль построили ради тебя? Чтобы защитить тебя от тирана? — приступила прямо к делу г-жа Дрейк.

Даже полковник ни разу не говорил с ней так откровенно! Миртиль не была уверена, что сможет понять все, о чем собиралась рассказать г-жа Дрейк. Да, она знала, что из-за нее многим людям пришлось отправиться в изгнание. Включая, может быть, и ее собеседницу... Она кивнула.

— Хорошо, — продолжила г-жа Дрейк. — А ты знаешь, кто был тому причиной?

Ее нежный голос заставил принцессу отбросить страх, и та еле слышно, не отрывая глаз от чашки с настоем, ответила:

— Мой отец.

— Да, но в первую очередь — тиран. Знаешь, почему мне удается выращивать нужные растения на этом облаке?

Миртиль не ожидала такого вопроса и посмотрела на мать Тристама с недоумением.

— Капельки, из которых состоят все земные облака, образуются вокруг мельчайших пылинок — или, если хочешь, вокруг крохотных ядрышек. Существуют ядрышки, богатые полезными веществами, которыми питаются растения. Наше облако состоит из таких плодородных капель, поэтому на нем можно вырастить все что пожелаешь. Но есть и другие облака, из капель с отравленными ядрышками, — они губят растения, губят атмосферу. Роскошные перламутровые облака, сияющие ночью в королевстве твоего отца, как раз из этого разряда. Несмотря на свое красивое название, это — облака-убийцы.

Миртиль кивнула: о перламутровых облаках она слышала, про них рассказывали в школе. Г-жа Дрейк продолжала спокойным, дружелюбным тоном, словно стараясь смягчить невеселый смысл своего рассказа:

— Обычно перламутровые облака имеют естественное происхождение: такие облака существовали всегда. Но еще задолго до того, как разразилась война против тирана, твой отец

заметил, что их с каждым годом становится все больше. И попросил ученых исследовать это явление. Вскоре было обнаружено, что перламутровые облака образуются вокруг ядовитых частиц, которыми тиран, правитель Срединных Облаков, намеренно засоряет атмосферу.

Сразу же после того, как ты родилась, твой отец решил поехать и лично доложить о происходящем Верховному совету Облаков, но не смог туда добраться. Помешал тиран: он напал на твоего отца, когда тот был в пути, схватил его и заточил в тюрьму.

— Я знаю, — прошептала Миртиль.

— Королю Севера удалось бежать, и спустя несколько месяцев, буквально на следующий день после отъезда полковника, который стремился увести тебя как можно дальше, началась война. Собственно, вся эта война свелась к единственному сражению, но зато беспримерно жестокому. Солдаты тирана истребили армию твоего отца. В живых остались только король и горстка его приверженцев. С тех пор они ведут против тирана тайную борьбу. Твой отец несколько раз пытался собрать новое войско, но ему так и не удалось это сделать.

— Почему вы мне все это рассказываете? — спросила Миртиль.

— Потому что письмо, которое твой отец прислал полковнику, меняет очень многое.

Глаза Миртиль округлились. «Так она знает?»

Г-жа Дрейк кивнула.

— Да, Миртиль, я знаю. Знаю даже, о чем отец просит в другом письме, которое прислал тебе лично.

— Но... откуда вам это известно?

— Мне рассказал полковник. Король сообщил ему то, о чем написал тебе.

Миртиль почувствовала, что совсем ослабела; она не могла сдерживать слез. Мать Тристама обняла девочку.

— Родителей не выбирают, — нежным голосом сказала она. — Ты дочь отважного короля, короля, который подверг свою жизнь смертельной опасности ради блага будущих поколений. Он потерпел неудачу — только поэтому он и хочет, чтобы ты спасалась бегством, чтобы ты сама себя защитила.

— Но я не хочу бежать! И не хочу сражаться!

— Знаю, знаю уже давно. Миртиль, ты всего лишь ребенок, и ты не должна отчаиваться. Что бы ни решили за тебя взрослые, ты не обязана следовать этим решениям всю жизнь. Ты сама должна узнать, что ты собой представляешь. И что значит быть принцессой, даже если у тебя нет королевства. Никто не сделает этого за тебя. Если захочешь, я тебе помогу.

Миртиль, у которой в эту минуту было только одно желание: найти своего отца и помочь ему, спросила:

— Вы научите меня лечить больных?

— Да, могу научить и этому.

Произнося эти слова, г-жа Дрейк повернула голову к входной двери, словно услышала снаружи какой-то шум.

— Сюда идет человек, которого ты хорошо знаешь. Вытри слезы.

— Я... — начала было Миртиль.

Но тут в дверь постучали. Г-жа Дрейк впустила гостя.

— Добрый вечер, Саймон.

— Добрый вечер, Кея, — наклоняя голову в низком дверном проеме, ответил полковник Бриггс. — Нам необходимо срочно поговорить. Тристам дома?

Подняв взгляд, он увидел Миртиль и остолбенел.

— А вы что здесь делаете?

— Мой сын поранил руку, — не дав девочке открыть рта, ответила г-жа Дрейк. — Она помогла ему дойти до дома. Я предложила ей чашку чая.

Полковник Бриггс повернулся в сторону Тристама, который посапывал во сне. На руке у него была повязка с заживляющими листьями.

— Миртиль... — тихо проговорил полковник, — вы уже прочли письмо вашего отца?

— Да.

— Вы хотите со мной поговорить?

Миртиль отрицательно качнула головой.

— Тогда, пожалуйста, возвращайтесь домой; госпожа Бриггс беспокоится. Завтра мы вместе обсудим план эвакуации, хорошо?

Миртиль кивнула и направилась к двери. В ее глазах не было ни слезинки.

— Я провожу тебя до тропки, — сказала г-жа Дрейк.

Полковник подошел к постели Тристама.

— Можно задать один вопрос? — спросила Миртиль, когда они оказались за порогом.

— Да, моя девочка.

— Полковник не раз говорил, что на воздушном мотоцикле из Миртильвиля могут улететь два человека, но не уточнял, кто будет вторым. Я знаю наверняка, что не он. Может быть, это вы?

Мать Тристама медлила с ответом.

— Пожалуйста, — повторила принцесса, — скажите мне, кто?

— Нет, не я, — ответила г-жа Дрейк. — Это Тристам.

— Тристам? — воскликнула Миртиль. — Но почему...

У нее не было времени кончить фразу: в двери показался полковник.

В полной растерянности Миртиль направилась обратно. Принцесса не заметила Тома, который, спрятавшись среди рисовых колосьев, слышал все, о чем они говорили с матерью Тристама.

Над городком занималось тихое утро следующего дня. Небо ярко синело; однако было видно, что погода меняется: весь голубой свод усеяли тончайшие волокна просвечивающих облаков. Солнце только что поднялось на высоту Миртильвиля, и теперь его лучи блестели на лопастях вертушек, торчавших над крышами домов. У Лазурро, погруженного в невеселые мысли, не было желания смотреть по сторонам. Он медленно шагал по направлению к школе. Известия, поступившие от короля, лишили его сна; всю ночь он не ложился и проверял контрольные. Сейчас учитель размышлял о будущем Миртильвиля.

«Если не считать полковника, на облаке нет ни одного военного; кроме того, у нас нет оружия. Мы отрезаны от мира. Мы обречены жить здесь до скончания века и надеяться только на то, что тиран никогда нас не найдет». Выйдя на городскую площадь, он увидел несколько учеников, которые пришли в школу до начала уроков и ждали, когда ее откроют.

«Я должен изменить программу занятий. Буду рассказывать о мире, о звездах, о природе. Это позволит детям хотя бы мысленно путешествовать по свету. Нужно приучить их к мысли, что Земля может погибнуть. Те из них, кто переживет изгнание, в свою очередь передадут эти знания другим».

Лазурро обогнул учеников и вошел в школу, закрыв за собой дверь. До начала уроков еще оставалось немного времени, и он надеялся провести эти минуты спокойно. Он хотел побыть один.

В пустой классной комнате на столах и спинках стульев сверкали солнечные лучи. Подойдя к окну, учитель смотрел на волны, которые ветер чертил на рисовых полях.

Прозвенел колокольчик, в школу ворвались дети. В конце коридора старшие и младшие разделились, и каждая группа направилась в свой класс.

— Добрый день, — сказал Лазурро, вынимая из портфеля кипу проверенных контрольных.

— Здравствуйте, господин Лазурро, — хором ответили ученики, стоя около парт.

— Садитесь.

За исключением Джерри и его адъютанта, никто не ожидал, что учитель проверит работы так быстро. Все сели, не сводя глаз со стола, где лежала стопка листков. Сидевшие за первыми партами притопывали каблуками — им не терпелось узнать свои оценки. Энтузиазм убывал по мере удаления от учительской кафедры и сходил на нет в последнем ряду, где обычно

подремывал Тристам.

Но Тристама не было на месте; его парта оставалась пустой. Том, сидевший в первом ряду, нервничал. Он то и дело поглядывал на дверь класса, ожидая, когда же появится друг. Из его головы не выходил разговор, услышанный накануне возле дома г-жи Дрейк. «На воздушном мотоцикле могут улететь только двое, — твердил он про себя, — Миртиль и Тристам».

Утром Том завтракал вместе с Миртиль. Внутренне замирая, он внимательно следил за принцессой; заговорит ли она о вчерашнем? Но та молчала. Наконец сам не выдержал и спросил: «Что ты делала вчера вечером?»

Она не ответила, и Том начал бояться худшего. «Они улетят без меня!»

Когда они вместе шли в школу, Том бросал на нее беспокойные взгляды. Он понимал, что в Миртиль со вчерашнего дня произошла какая-то перемена: у нее с души как будто свалился тяжелый камень. Вопросов он больше не задавал, но решил при первой же возможности поговорить обо всем этом с Тристамом и не спускать глаз с них обоих.

«Нет, без меня они не улетят!» — думал он теперь, ломая голову над тем, куда запропастился Тристам.

Класс молчал. Лазурро, заложив руки за спину, прогуливался взад-вперед по возвышению, на котором стоял учительский стол. Возле него он и остановился.

— Прежде чем вернуть вам контрольные, — сказал он, положив руку на стопку работ, — хотел бы напомнить, для чего вы учитесь в этой школе. Учитесь вы здесь для того, чтобы понять мир, в котором мы живем. Как вы знаете, природа — чрезвычайно могущественная и разрушительная сила. Люди всегда старались от нее защититься — для этого, например, они строили дома. Однако в наши дни человечество умудрилось сделать Землю крайне опасным местом. Всего лишь несколько десятков лет назад она была совсем не такой.

Учитель повернулся лицом к ученикам, которые обменивались недоумевающими взглядами.

— Да-да, поверьте, — продолжал он, — Земля не всегда была такой, какой мы ее знаем теперь. Конечно, очень хорошо, что это так, ведь отсюда следует, что наша планета живет. Она развивается, она меняется и реагирует на то, что ей приходится претерпевать. Кто-нибудь из вас знает, что такое парниковый эффект?

Руку поднял Джерри.

— Да, Мольнсон?

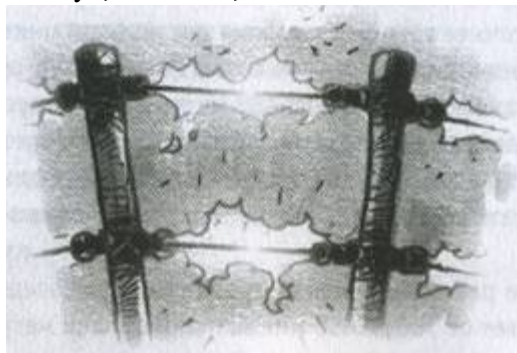
Мальчик открыл рот, но тут в коридоре послышался тяжелый

топот. Кто-то остановился у двери классной комнаты. Все головы повернулись на шум. Дверная ручка слегка наклонилась вниз... Дверь приоткрылась и ученики увидели взъерошенную голову Тристама, который выглядел так, будто еще не проснулся. Все громко засмеялись.

— Простите, господин Буакар, я проспал... Ой! Так это... это господин Лазурро? А который сейчас час? Разве уже есть двенадцать?

— Ступай на свое место! — приказал Лазурро, старавшийся сдерживать негодование, которое неизменно вызывал у него Тристам. — И помалкивай! Я не хочу тебя слышать — вообще не хочу знать, что ты тут, в классе, понял?

Незаметно махнув рукой Тому, Тристам занял свое обычное место в последнем ряду. Миртиль бросила беглый взгляд на его руку: вчерашний ожог зажил. Джерри, сидевший рядом с Томом, был вне себя от ярости. Опять этот Тристам дешево отделался! Безобразие! Давно пора отправить обормота на полевые работы, вместе с его матерью!

— О чем я говорил? — задал сам себе вопрос Лазурро, когда в классе вновь установилась тишина. — Ах да, Земля... парниковый эффект...

Указав рукой на окно, он продолжил:

— С той точки, где мы находимся, может показаться, что земная атмосфера простирается бесконечно далеко, уходя к пределам Вселенной. Но это не так. Если сравнивать с размером Земли, наша атмосфера ничтожно мала. Подумайте только: почти весь воздух, которым мы дышим и который защищает нас от солнечных лучей и других угроз, исходящих из космоса, заключен в узком слое, имеющем толщину всего лишь пятьдесят километров. Без этого тоненького воздушного слоя жизнь на планете была бы невозможна.

Лазурро сделал паузу, дав последней фразе прозвучать особенно веско. Он хотел, чтобы все по-настоящему вдумались в его слова. Несмотря на ранний час, класс слушал затаив дыхание — так, будто им рассказывали вечернюю сказку. Только Тристам задремал.

— Вокруг Солнца вращаются восемь планет, — продолжал Лазурро. — Четыре из них — огромные, совсем не похожие на Землю: они состоят из газа, бурлящего вокруг твердого ядра. Мы называем их гигантами. Это Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун. Гиганты — самые удаленные планеты Солнечной системы; но все же ночью, в летнее время, мы без труда различаем крупнейшие из них, Юпитер и Сатурн; они отражают солнечный свет и сияют ярче, чем звезды. Размеры четырех других планет Солнечной системы, состоящих из каменных пород, намного меньше. Это Меркурий, Венера, Земля и Марс. Они находятся гораздо ближе к Солнцу и все время получают огромные дозы смертоносного излучения, приходящего от нашей звезды. От этой убийственной радиации может защитить только атмосфера.

— Простите, пожалуйста, — прервал его Джерри.

— В чем дело?

— Парниковый эффект, господин Лазурро... Вы еще хотите, чтобы я ответил?

Если бы вопрос задал другой ученик, класс не упустил бы случая посмеяться. Но это был не кто-нибудь, а Джерри. С ним никто не хотел выяснять отношения после уроков: все предпочитали держать язык за зубами.

— Нет, не нужно, — сказал учитель, — это как раз то, что я собираюсь объяснить. Слушайте внимательно, потому что ответ на этот вопрос прямо касается оружия, которое тиран пытается использовать против всей Земли.

Класс встревоженно замер: еще никогда учителя не говорили о тиране во время уроков.

— Чтобы вы ясно поняли, какие опасности угрожают Земле, я хочу рассказать вам о двух планетах, Марсе и Венере. Ученые исследуют их уже много лет. Марс давно утратил часть своей атмосферы. Ее сорвали и унесли в космос солнечные ветры и другие лучи. Теперь почва Марса бомбардируется Солнцем, и живые существа на поверхности этой планеты — если, конечно, предположить, что они там вдруг появились бы, — существовать не могут. Мало того: толщина атмосферного слоя на Марсе недостаточна для удержания солнечного тепла, и температура там составляет минус 125 градусов Цельсия.

— Значит, на Марсе нет жизни? — спросил Генри.

— Не совсем так. Строго говоря, мы не знаем, есть ли там жизнь, — может быть какая-то и есть, но она скрыта в марсианской почве. Там точно нет человеческих существ, это мы знаем доподлинно, — но может быть, в почве все-таки живут какие-то бактерии. Чтобы убедиться наверняка, надо бы послать туда космические аппараты со специальными роботами или, еще лучше, с людьми.

— А мы в состоянии это сделать? — спросил кто-то.

— Да, — ответил Лазурро, — но к этому вопросу мы вернемся позже. Теперь я хочу поговорить с вами о Венере, атмосфера которой разительно отличается от марсианской. Из всех известных нам планет Венера больше всего напоминает Землю, в первую очередь размером. В этом смысле она ее близнец. Атмосфера Венеры так стойко сопротивлялась космическим атакам, что теперь небо над нею наполнилось частицами, молекулами и пылинками, удерживающими солнечное тепло. А воздух стал кислотным и до того тяжелым, что сплющивает, придавливая к почве, все предметы, которые туда посылает человек. Средняя температура на Венере и днем, и ночью составляет плюс 464 градуса. Эта планета — настоящий ад, она непригодна для жизни.

Немного помолчав, он спросил:

— Кто-нибудь знает, почему Земля отличается от обеих этих

планет?

Генри поднял руку, но тут же ее опустил, увидев, что Джерри тоже хочет ответить, а других желающих нет.

— Земля — нечто промежуточное между той и другой, господин учитель, — сказал несостоявшийся генерал, в эту минуту еще не знавший, что королевства, которое он должен отвоевать и защищать, больше не существует. — Парниковый эффект позволяет теплу поступать в земную атмосферу, но не выпускает его наружу. Из-за этого атмосфера у нас в точности такая, какая нужна: она защищает от Солнца и накапливает в себе достаточное количество энергии, благодаря которому на Земле всегда не слишком жарко и не слишком холодно.

— Верно, — подтвердил учитель. — Атмосфера Земли нащупала замечательное равновесие с Солнцем. Иначе у нас на планете было бы адское пекло, как на Венере, или ледяная ночь, как на Марсе. На поверхности Земли средняя температура составляет плюс 15 градусов. При таком климате вода может находиться в трех состояниях — жидком, твердом и газообразном. Из всех известных нам планет только Земля обладает этим уникальным качеством. А облака, каквы знаете, состоят одновременно из воды, пара и кристаллов льда, так что в них представлены все три состояния.

Генри снова поднял руку.

— Да, Хольгарт?

— Какое отношение все это имеет к тирану, господин учитель?

— Тиран пытается нарушить регулирование нашей атмосферы, усиливая парниковый эффект, Хольгарт. Это очень опасно.

— Почему, господин учитель?

— Потому что, изменяя атмосферу, можно нарушить равновесие с Солнцем, и тогда все на свете полетит кувыркoм — до тех пор, пока не будет достигнуто новое равновесие. Вот только неизвестно, какое именно равновесие мы получим. Существует риск, что все в природе изменится, станет гораздо более опасным. Наступит время более сильных ветров, более разрушительных ураганов и проливных дождей.

— Почему он этого хочет, господин учитель? — спросила Миртиль.

— Мы не знаем.

Том украдкой прикоснулся к книге, которую написал Магистр ветра: он решил все время носить ее с собой, под рубашкой. Он-то знал, чего хочет тиран: изменить климат, чтобы использовать его как военное оружие.

Внезапно в последнем ряду раздался грохот, и весь класс вскочил на ноги. Это был Тристам: он заснул так глубоко, что во сне свалился со стула. Дико озираясь и всем своим видом спрашивая, где он очутился, Тристам поднялся с пола под общий хохот одноклассников.

— Дрейк! — закричал разгневанный Лазурро.

— Что случилось? — Тристам искал растерянным взглядом Тома. — Где моя кровать?

— С меня хватит! — багровея, прорычал учитель. — Дрейк, ты позоришь наш городок. Нет, хуже: своим присутствием ты оскорбляешь храм науки! Вон из класса! Бриггс, проводи Дрейка в директорский кабинет. Идите! С этого дня я больше не желаю его видеть.

Парниковый эффект

Если бы не было Солнца, на Земле было бы так же холодно, как в космосе: -270°C .

Поскольку Солнце освещает Землю неравномерно, температура в разных местах планеты различна: в одно и то же время она вполне может достигать -70°C в Антарктиде и $+50^{\circ}\text{C}$ в пустыне. Но средняя температура по всей планете составляет $+15^{\circ}\text{C}$.

Между тем Солнце само по себе может нагреть Землю лишь до -18°C , то есть до температуры, которая на 33 градуса меньше измеряемой средней температуры!

Почему разница так велика?

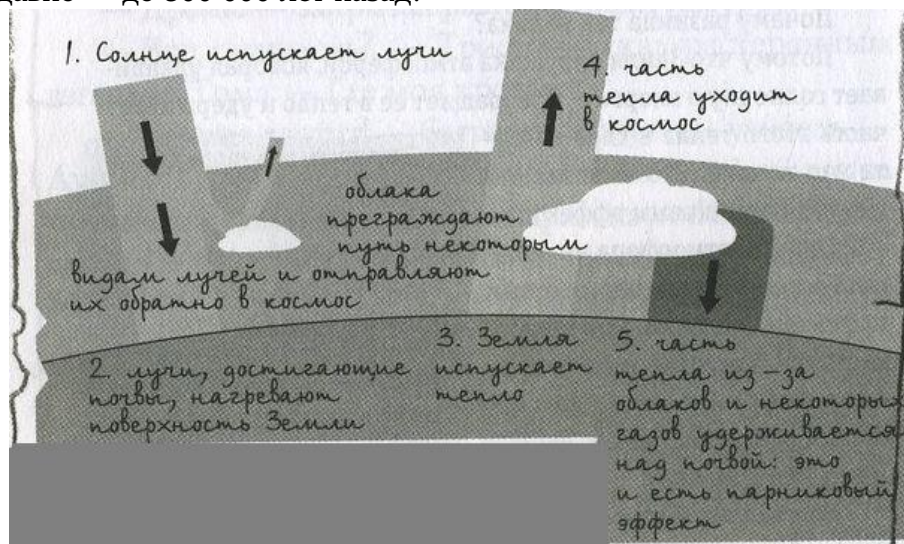
Потому что Земля окружена атмосферой, которая улавливает солнечную энергию, превращает ее в тепло и удерживает — часть этого тепла в слое воздуха над почвой. Это явление называют парниковым эффектом.

Если бы атмосфера не обладала естественным парниковым эффектом, вода на поверхности Земли замерзла бы и жизнь в тех ее формах, какие нам известны, была бы здесь, скорее всего, невозможной.

Для поддержания равновесия и сохранения на Земле комфортной температуры нужно, чтобы планета теряла столько же энергии, сколько получает. Если Земля теряет больше энергии, чем получает, то охлаждается. Если получает больше, чем теряет, то нагревается.

Земная атмосфера содержит различные газы. В особенно больших количествах — азот и кислород. На способность атмосферы удерживать тепло большее или меньшее содержание этих газов существенно не влияет. А вот метан, углекислый газ и водяной пар, напротив, позволяют атмосфере вбирать энергию, но мешают теплу уходить обратно в космос. Эти газы обладают парниковым эффектом. Их содержание в атмосфере невелико, но в этом отношении они очень значимы.

Ученые ведут исследования на специальных станциях в Антарктиде: берут пробы льда с глубины в несколько километров и анализируют состав маленьких воздушных пузырей, застывших внутри льда. Так можно понять, каким был состав воздуха очень давно — до 500 000 лет назад!

На основе этого анализа они пришли к выводу, что полмиллиона лет назад наша атмосфера содержала меньше газов, обладающих парниковым эффектом.

Мы знаем, что эти газы меняют энергетическое равновесие в атмосфере и что причина их избыточного количества — деятельность человека.

Последствия потепления климата сказываются не сразу.

Лишь в последнее время мы начинаем их ясно ощущать на всех уровнях, включая и повседневную жизнь.

Двуокись углерода (углекислый газ):

Все автомобили, на которых мы ездим, все источники энергии, в которых используются горючие ископаемые (например, нефть), постоянно выбрасывают в атмосферу двуокись углерода.

В дальнейшем часть этого газа поглощается растениями и океанами. Другая часть накапливается в атмосфере и может оставаться там в течение тысячи и более лет.

Глава 15

— Мне совсем не хочется идти к директрисе, — сказал Тристам, как только они с Томом оказались в коридоре.

— Раньше нужно было думать, — возразил Том. — Теперь ничего не поделаешь. Придется идти!

И друзья поплелись к директорскому кабинету. Тристам не замечал, что его приятель встревожен еще больше, чем он сам. У двери кабинета Том остановился и посмотрел на Тристама.

— Ты знаешь, что вчера вечером Миртиль была у тебя дома?

— Ну да, — ответил Тристам, показывая уродливый шрам на своей ладони. — Я, как последний идиот, дотронулся до ограды с током. Потом замерз и свалился в рисовом поле... Там меня нашла Миртиль и притащила домой. А потом, наверное, она ушла, и я заснул.

— Отойдем-ка, — сказал Том, — я тебе расскажу, что произошло вчера за ужином у нас.

Тристам широко раскрыл глаза и заулыбался: Том не повел его к директрисе! Они подошли к запасному выходу. Здесь, прислонясь спиной к стене, Том объявил Тристаму, что король расстался с надеждой вернуть себе Северное королевство.

— Не может быть! — прошептал Тристам. — Как же так... И что вы теперь будете делать?

— По-моему, отец хочет, чтобы мы жили здесь, как и раньше, — может быть, нас не найдут.

— А если тиран сюда все-таки доберется, что тогда? У твоего отца есть какой-нибудь план?

Не отвечая на вопрос, Том признался:

— Вчера, когда Миртиль отправилась к тебе домой, я пошел следом за ней. Я стоял недалеко от двери вашего дома и слышал все.

— Да ты что? — Тристам был потрясен. — А зачем ты это сделал?

— Не спрашивай ни о чем. Знаешь, что я услышал?

Тристам отрицательно мотнул головой.

— Существует один способ бежать из Миртильвиля. Если тиран узнает, где мы прячемся, Миртиль сможет отсюда улететь.

— Правда?

— Да, из городка можно улететь на воздушном мотоцикле — том самом, на котором когда-то прибыла твоя мама.

— Разве он не сломан?

— Твоя мама сказала, что он исправен. Его как раз для этого и спрятали. Ты знаешь, где он находится?

— Конечно нет! Если бы знал, мы с тобой уже давно пробрались бы туда — хоть посмотреть на него!

Тристам не мог опомниться от удивления: оказывается, существует возможность улететь из Миртильвиля! И увидеть те фантастические города, о которых рассказывала мама!

— Почему она никогда говорила об этом мотоцикле?

— Понятно почему! — воскликнул Том.

Тристам вопросительно посмотрел на него.

— Потому что понимала: сначала тебе захочется увидеть этот мотоцикл хоть одним глазком, а потом — на нем полетать. Она же тебя знает как облупленного!

— Все равно, нам нужно его найти, — улыбаясь, сказал Тристам. — Согласен?

Том молча уставился в землю. Он уже готов был признаться в своих худших опасениях, а именно: что Тристам улетит из городка без него. Но тут настужь распахнулась другая дверь школы — та, что выходила на городскую площадь. Друзья одним прыжком отскочили в сторону и спрятались в раздевалке за плащами учеников.

Кто-то бежал по коридору. Это был полковник, одетый в военный мундир. Он скрылся в классе Лазурро и спустя мгновение появился снова, держа за руку Миртиль.

— ТРИСТАМ! — кричал он во весь голос. — ТРИСТАМ! НЕМЕДЛЕННО СЮДА!

Вжавшиеся в стену Тристам и Том не смелидохнуть.

Полковник скорым шагом подвел Миртиль к кабинету г-жи Пиль и, не постучав, скрылся с ней за дверь.

— Ну он разошелся! — прошептал Тристам. — Мне конец! Нужно отсюда смываться, да побыстрей!

Он бросился к запасному выходу и пулей вылетел из школы. Том поспешил за ним, и они вдвоем, никуда не сворачивая, побежали со всех ног через рисовые поля. Но еще не добежав до защитного ограждения, друзья остановились — им нужно было перевести дух.

Поднялся ветер, погода явно испортилась. Небольшие утренние облачка набухли, разрослись и затянули тонкой серой пеленой всю небесную высь. Солнце тонуло в радужном ореоле.

Вдруг Тристама охватил приступ страха, и он вздрогнул, — как будто по его позвоночнику карабкался какой-то паук с влажными, скользкими лапами. Он повернулся к городку и увидел над одной из крыш струю черного дыма.

— Что это? — выдохнул он.

Неподалеку от первой струи дыма появилась вторая. Потом третья, четвертая... Том, стоявший рядом с Тристамом, побледнел.

— Нет, не может быть...

Сомнений не оставалось: городок был охвачен пламенем.

Тристам повернул голову в сторону своей лачуги, и у него кровь застыла в жилах: там тоже бушевал огонь!

— Мама! — истошно закричал он и рванулся по направлению к дому.

Том схватил его за руку и указал на женскую фигуру перед запасным выходом из школы. Женщина махала им рукой.

— Мамочка! — крикнул Тристам.

В этот миг над крышами городка показались три летающие платформы, и друзья поняли наконец, что происходит: войска тирана атаковали Миртильвиль!

— БЕГИТЕ ЗА МНОЙ! — издали прокричала мать Тристама, устремляясь к дому Тома.

В этот момент из школьного здания высыпало около десятка солдат.

— ЭТИХ ВЗЯТЬ ЖИВЫМИ! — указывая на Тристама и Тома, скомандовал один из них.

Солдаты ринулись в погоню. Друзья в ужасе помчались к дому Бригтсов.

Ветер дул все сильнее. Стебли рисовых метелок нещадно хлестали Тома и Тристама, убежавших от преследователей. Обезумев от страха, мальчики думали только о том, чтобы нагнать г-жу Дрейк. До защитного ограждения было уже недалеко. Возле городской черты мать Тристама свернула направо и скрылась за домом Бриггсов.

— МАМА! — взмолился Тристам. — ПОДОЖДИ НАС!

Крики солдат звучали совсем близко. Друзья, задыхаясь, пробежали последние метры и увидели, что г-жа Дрейк распахивает сарай полковника. Через секунду Тристам и Том влетели в сарай и метнулись к люку, который она успела открыть. Мать Тристама спустилась в секретную библиотеку последней и заблокировала люк изнутри с помощью выдвижной доски.

— Сбрасывайте отсюда книги! — велела она, указав на стену возле стола — Быстрее!

Над их головами раздался топот солдат, ворвавшихся в сарай. Тристам и Том растерянно смотрели на полки.

— Куда же их девать? — оторопело спросил Том.

— На пол! Живей! — крикнула мать Тристама, охалками сбрасывая книги.

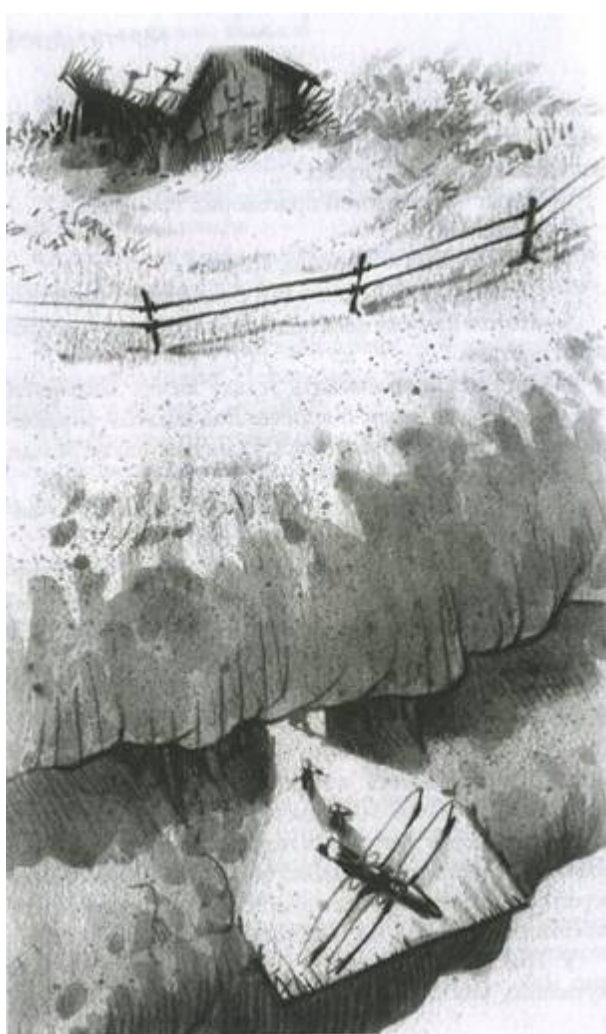
От тяжелого удара задрожал потолок, и книги посыпались градом отовсюду. Том стоял словно в столбняке.

— Том! — взорвалась г-жа Дрейк. — У нас над головой — двести солдат! Нет времени раздумывать! Ну-ка, отойдите в сторону!

Мальчишки отступили на несколько шагов, и она с силой потянула на себя стеллаж. Тот обвалился — за ним обнаружилась потайная дверца.

Еще один громовой удар проломил доску в люке над их головами.

Г-жа Дрейк открыла дверцу, и в комнату хлынул дневной свет. Вытаращив глаза, Том и Тристам уставились на диковинный аппарат, который стоял у самого края облака на деревянном причале, слегка выдававшемся в пустоту. Две пары крыльев, сложенных вдоль корпуса аппарата, придавали ему вид гигантской стрекозы.

Мать Тристама бросилась к мотоциклу и завела мотор. Крылья выдвинулись в стороны и расправились. Машина завибрировала, готовясь взлететь.

Г-жа Дрейк повернулась к сыну в тот самый момент, когда солдаты выломали еще одну доску люка.

— Стрекоза запрограммирована на полет к Белому Городку, — сказала она. — Чтобы включить автопилот, нужно нажать на кнопку, — но не раньше, чем она станет белой. Понял? Даже если будете умирать от холода — все равно ждите, когда кнопка побелеет. Иначе вас схватят солдаты тирана.

— А ты? — с тревогой проговорил Тристам.

— Я вас найду.

— А Миртиль? — спросил Том.

— Она присоединится к вам с минуты на минуту.

— Но что нам там делать, в Белом Городке? — вздохнул

Тристам.

— Вы должны разыскать Зельду Хизер. Запомните это имя: Зельда Хизер. В ящичке под пультом управления лежит небольшой пакет. Отдай этот пакет Зельде, и она о вас позаботится.

Такой прекрасной Тристам свою маму еще не видел. Она подошла к сыну и обняла его.

— Я тебя люблю, мой маленький принц, — шепнула г-жа Дрейк ему на ухо и посмотрела своими нежными голубыми глазами прямо в глаза Тристама. — Твой отец гордился бы тобой!

Мальчик вздрогнул и крепко прижался к ее груди. Мама не упоминала отца уже много лет.

— Ты вырастешь, — продолжала г-жа Дрейк, помогая Тристаму сесть в переднее кресло воздушного мотоцикла. Там уже сидел сзади, в кресле пассажира. — И у тебя есть все качества, которые позволят тебе быть хозяином собственной судьбы. Что бы ни случилось, будь верен себе. Особенно если придется брать на себя ответственность, — а ведь так и должен поступать мужчина.

У Тристама защемило в груди. Столько вопросов, мучивших его с раннего детства, он не задал маме! И вот теперь, когда он готовился ее покинуть, теперь, когда мог бы спросить обо всем, он растерялся и не находил нужных слов.

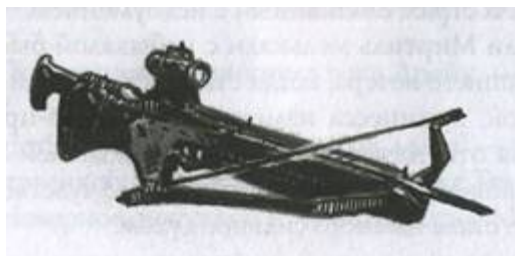
— Ты найдешь все ответы в себе самом, — сказала г-жа Дрейк, читая его мысли. — Так даже лучше. Важно одно — что бы ты ни узнал, что бы тебе ни говорили, не сомневайся: твой отец был очень хорошим человеком.

За их спинами в библиотеке разлетелась в щепки последняя доска люка, и солдаты тирана, одетые в черные мундиры, стали спрыгивать внутрь. Их лица были скрыты капюшонами с прорезями для глаз. У каждого был в руках арбалет, и они целились в г-жу Дрейк.

Последним в библиотеку спустился военный, заметно отличавшийся от остальных. Поверх мундира у него на плечи был наброшен темный плащ, расшитый изображениями грозовых снежных облаков.

Не медля больше ни секунды и не дожидаясь Миртиль, мать Тристама включила систему взлета воздушного мотоцикла и повернулась к военному в плаще. Тот отступил на шаг.

— Не стрелять! — приказал он своим солдатам.

Получасом раньше, в тот самый момент, когда в класс Лазурро вбежал полковник, Миртиль поняла, что для их городка наступили последние часы.

— Они нас нашли, — твердо сказал полковник. — Они уже здесь. Миртиль, Тристам, идемте со мной, вы должны бежать.

Миртиль поднялась с места и посмотрела на одноклассников. Некоторые отпускали шуточки: услышав имя Тристама, они подумали, что теперь ему не сносить головы. На лицах более сообразительных учеников она читала страх, смешанный с недоумением.

Мысли Миртиль мелькали с небывалой быстротой. Со вчерашнего вечера, когда стало ясно, что ей не быть королевой, принцесса изменилась. Она по-прежнему сознавала ответственность за судьбу жителей городка, отправившихся из-за нее в изгнание, но чувствовала теперь, что стала намного сильнее духом.

«Что будет с ними всеми? — думала она, направляясь к двери. — Нет, я не могу их оставить!»

— А где Тристам? — спросил полковник.

Лазурро, стоявший возле своего стола, побелел как простыня и затрясся всем телом.

— ГДЕ ТРИСТАМ?

— Дрейк... он... я...

— Я ЖЕ ГОВОРИЛ ВАМ: ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, ОН ДОЛЖЕН ОСТАВАТЬСЯ В КЛАССЕ! — вне себя от ярости прорычал полковник.

— Я... я отправил его к госпоже Пиль, вместе с Бриггсом... то есть с Томом Бриггсом... с вашим сыном...

Не дожидаясь, когда Лазурро договорит, полковник схватил за руку Миртиль и выскочил вместе с ней в коридор.

— ТРИСТАМ! — прокричал он, не замечая Тристама и Тома, которые прятались за плащами совсем рядом. — ТРИСТАМ! НЕМЕДЛЕННО СЮДА!

Ответа не было. Полковник бросился в кабинет директрисы. Но и она не видела мальчиков.

— Это возмутительно! Возмутительно! — бушевал полковник, выскакивая в коридор.

Ему навстречу бежала г-жа Дрейк.

Тристама и Тома к этому времени в школе уже не было.

— Полковник! — крикнула г-жа Дрейк. — Тристам с вами?

— Нет! Никто не знает, куда он делся! — отозвался тот,

потрясая кулаками. — Исчез вместе с Томом.

— Наверное, испугались, — вырвалось у Миртиль.

— Может быть, они за школой?! — г-жа Дрейк уже бежала к запасному выходу. — Встретимся у стрекозы! Если найдете его раньше, пусть улетает вместе с Миртиль, не ждите меня. *Нельзя допустить*, чтобы он попал в руки тирана!

Полковник Бриггс напрасно терял время, бегая по школе и выкрикивая имя Тристама: тот как сквозь землю провалился. Наконец комендант сдался.

— Идемте, Миртиль! — бросил он принцессе. — Будем надеяться, что госпожа Дрейк нашла своего сына.

Но Миртиль и не думала идти за полковником. Она смотрела на него грустным и в то же время властным взглядом, не трогаясь с места.

— Что со всеми происходит? С вами и с остальными?

— Сейчас не время об этом думать, Миртиль. Умоляю, делайте то, что сказал ваш отец! Я поклялся ему, что буду защищать вас.

Принцесса не двинулась с места. Она знала, что солдаты тирана напали на городок и вот-вот ворвутся в школу; она догадывалась, какой ужас охватил жителей — он словно разливался в воздухе. Пусть так, и пусть ее умоляет полковник Бриггс, — Миртиль была абсолютно спокойна, как будто всю жизнь ждала этого дня, и теперь, когда он наконец настал, у нее отлегло от души.

— Наверное, мой отец и вправду незаурядный человек, если он сумел внушить вам такую преданность, полковник.

В ее голосе, уже не похожем на голос маленькой девочки, старый солдат узнал интонации короля Северных Облаков. Он опустился перед Миртиль на колени.

— Принцесса, у нас слишком мало времени! Вы должны бежать.

— Встаньте, полковник, — теперь голос Миртиль звучал ласково. — Не нужно становиться на колени, я больше не наследница престола. И я не собираюсь бежать.

— Заклинаю вас! — не сдавался полковник, видимо, не понимавший ее слов.

— Пойдемте, нам нужно быть рядом со всеми! — сказала Миртиль. — Наше место там.

— Но... у нас же нечем защищаться! Все, что мы предусмотрели на случай опасности, — это летательный аппарат, чтобы вывезти отсюда вас!

— Что же, сдадимся на милость победителя, это избавит жителей городка от необходимости попусту умирать.

— Принцесса... в секретную библиотеку есть ход, и через него мы в считанные минуты доберемся до стрекозы...

Но Миртиль больше не слушала: выбор был сделан. Она направилась к главному подъезду и вышла на городскую площадь.

Воздушный мотоцикл плыл совсем невысоко, в десяти метрах над облаком. Далеко внизу Том и Тристам различали берега вулканического острова.

— Не стрелять! — повторил военный в плаще. — А тех — задержать!

Солдаты высыпали на причал и начали обстреливать стрекозу мелкими крючками, к которым были прикреплены тонкие канаты. Один из крючков вонзился в корпус мотоцикла рядом с Томом.

— Отцепи крючок! — крикнул Тристам, видя, как солдаты уводят его мать с причала.

Как Том ни старался, освободиться не удавалось: канат полностью оплел крыло стрекозы. С торжествующими криками солдаты подтягивали ее к себе. Еще несколько мгновений, и дети будут схвачены!

Внезапно крылья стрекозы начали поворачиваться.

— Бросай канат! Руки оторвет! — гаркнул командир.

Солдаты повиновались, и в долю секунды стрекоза взмыла вверх. Канат вспыхнул, охваченный пламенем, вырывавшимся из двигателя.

Друзья только успели расслышать, как командир бросил:

— Там мальчишки! Далеко не улетят.

Мотоцикл пронесся над домом Тома. Везде сновали люди тирана. Над верхним этажом поднимались языки огня. Том увидел свою мать в окружении солдат, и сердце у него сжалось.

Мгновением позже они были уже далеко. Весь город пылал. Жителей согнали на площадь, оцепленную солдатами, и заталкивали на летающие платформы, которые перевозили их группами по десять человек на облака, сгустившиеся в небе над Миртильвилем. Тристам и Том увидели полковника в наручниках, а потом и Миртиль: она сидела в воздушном мотоцикле, которым управлял один из летчиков тирана.

Вжатые в кресла, Тристам и Том неслись в небесную высь, беспомощно глядя на удаляющийся городок. На три четверти он уже был сожжен; поля в южных предместьях обрушились в океан. Облако, на котором стоял Миртильвиль, исчезало на глазах.

Вскоре от него осталось только бело-коричневое пятнышко, висевшее над островом: теперь кратер вулкана был виден необычайно отчетливо.

Тристам взглянул на гору и обмер: она была такой же, как на картине, застрявшей у него в голове после вчерашней контрольной! Он поднял глаза и посмотрел на белую пелену, по направлению к которой поднимался их мотоцикл. Облака слегка клубились, совсем как в его видении. Так значит, он тогда не ошибся! Он не увидел Миртильвиля только потому, что городка больше не существовало.

«Мне удалось заглянуть в будущее, — подумал он. — Если бы я это понял, то мог бы всех предупредить...»

По мере подъема воздух становился все холоднее. Тристам почувствовал, что его знобит. Он повернулся к другу.

Том дрожал от холода: он весь был покрыт ледяной коркой. Слой инея на нем рос прямо на глазах. Тристам перевел взгляд на свои руки — они тоже были покрыты инеем.

«Нажми на кнопку только тогда, когда она станет белой, — сказала мама. — Даже если будете умирать от холода, все равно жди, пока кнопка не побелеет. Иначе вам не спастись».

— Т-т-ты в-в-видишь б-б-белую к-к-к-ноп-к-ку? — спросил Тристам, лязгая зубами.

— Н-н-нет, — ответил Том.

Вскоре оба они покрылись льдом с ног до головы. А мотоцикл продолжал подниматься сквозь нижние слои атмосферы — туда, где воздух становится не просто холодным, а ледяным.

Нестерпимая стужа сковала их тела, их мысли.

Веки Тристама оледенели. Немигающим взглядом, помня только об одном, он смотрел на пульт управления. Заиндевелая красная кнопка, на которую нажала его мама, чтобы запустить двигатель, начала менять цвет: теперь она была бледно-розовой.

«Нет-нет, жди, когда она станет белеть, — твердил про себя мальчик. — Даже если будешь умирать от холода, жди».

Они стремительно приближались к пелене высоких облаков.

Не в состоянии ни пошевелиться, ни заговорить с другом, Тристам в последний раз посмотрел вниз. Теперь он видел остров целиком, видел кратер вулкана...

Миртильвий исчез.

Точь-в-точь как в его видении.

Вокруг острова, на фоне голубого океана, были отчетливо видны летающие платформы, увозившие пленных жителей.

Внезапно все вокруг заволочла белизна.

Они достигли высоких облаков. Теперь стрекозу окружали мириады кристалликов льда.

«Мы летим сквозь перистое облако... — подумал околоченный Том. — Здесь так холодно, что водяной пар превращается в ледяные кристаллы».

Мотоцикл вырвался в чистейшую синеву.

На поверхности облака, сквозь которое он пролетел, стояли сотни солдат тирана, построившихся вдоль взлетно-посадочной полосы и ожидавших прибытия пленников.

Бледно-розовая кнопка на пульте управления стала белой. Собрав последние силы, Тристам нажал на нее. Голубое пламя, вырывавшееся из машины и толкавшее ее вперед, погасло. Подъем сменился спуском, и, вцепившиеся в сиденья, друзья почувствовали, как к горлу подкатывает тошнота.

Потом крылья стрекозы вернулись в горизонтальное положение. Друзей окутал теплый воздух, мгновенно растопивший ледяную корку на приборной доске и на их одежде.

Летательный аппарат сделал разворот, и двигатель заработал

снова, унося мотоцикл и двух его пассажиров на восток.

Часть вторая

Казнь на подкидной доске

Глава 1

Тристам и Том летели очень высоко, много выше, чем поднимаются облака естественного происхождения. С тех пор как они оставили позади льдистую пелену, с которой на Миртильвиль обрушились войска тирана, прошел не один час.

Небо здесь было не таким, как над их городком: более тонким, невесомым, но и более холодным... Далеко внизу курчавилось море плотных волнистых облаков, сменивших перистую поволоку. Поверхность земли скрылась из виду, целиком затянута этой белой ватой.

Тристам даже не пытался разгадать значения показателей на пульте управления. Содержание кислорода, атмосферное давление, уровень влажности, высота... мудреная цифирь.

Он все же постарался сосредоточиться: вдруг удастся понять хоть одно из этих чисел...

Температура за бортом: -54°C .

Если бы двигатель мотоцикла внезапно не включил подогрев, они замерзли бы в своих креслах.

Том, сидевший сзади, оглянулся и увидел в небе за стрекозой длинную белую полосу. В сущности, облако как облако, только более тонкое, чем обычные облака, и похожее на прямую линию. Он мог бы объяснить другу, что перед ними типичный «конденсационный след», который оставляют в небе летательные аппараты. Больше того, он мог бы объяснить, как предсказывать

погоду по длине такого следа.

Но у Тома не было желания разговаривать, а Тристам, печально смотревший на облачное море внизу, вспоминал свою маму, вставшую между ними и солдатами тирана. Он никак не мог понять, почему полковник не попытался защитить городок, не стал сражаться, не сделал ничего, чтобы спасти Миртиль.

Часы тянулись в глухом молчании.

Время от времени воздушный мотоцикл сам корректировал траекторию полета, двигаясь на восток, навстречу ночному мраку. Облачный слой внизу начал мало-помалу истончаться, просвечивать, а потом и вовсе исчез. Под ними лежал океан. Нигде не было видно ни единого островка, не говоря уже о материках. Всюду, насколько хватало глаз, простиралась вода.

Приближалась ночь, кое-где в потемневшей части неба заблестели первые звезды. Тристам вспомнил слова матери и открыл ящик под пультом управления: в нем лежал небольшой пакет, перевязанный бечевкой, с надписью «Зельде Хизер». Он захлопнул ящик и повернулся к другу.

— Ничего, не пропадем, — заговорил он бодрым тоном, пытаясь внушить уверенность Тому и самому себе. — Мы обязательно найдем эту Зельду Хизер, и она поможет нам освободить твоих родителей, мою маму, Миртиль и всех остальных.

Но для уверенности не было никаких оснований: Тристам не знал места, куда они летели, не знал женщины, которую нужно отыскать, не знал и того, как это сделать. Он не знал даже, верным ли курсом следует стрекоза и не прервет ли она в следующее мгновение свой полет, рухнув с заглушим двигателем в океан. Все известное осталось за спиной; впереди была сплошная неизвестность.

Розовый след, прочерченный в закатном небе стрекозой, был различим недолго и вскоре растаял. Солнце село. Ночь выдалась безлунной, они были одни среди нескончаемого темного неба.

Ночной сумрак навеет на них еще более мрачные мысли, подумал Тристам, жалея, что небо перестало быть синим. Он обернулся к поникшему Тому, потом взглянул на звезды.

— Наверное, никто не может объяснить, почему ночью небо перестает быть синим? — спросил он, надеясь разговорить друга.

Том не реагировал.

«Ох-ох, — подумал Тристам, — видно, его и впрямь крепко прихватило».

Тристаму очень хотелось поговорить, но он решил, что лучше не приставать. Ему не приходило в голову, что Том в эту минуту ругает себя последними словами: зачем он занял место Миртиль?

И вновь потянулись долгие часы полета в холодной ночной тишине.

Звезды

Число звезд, видимых в пространстве вокруг Земли:

- невооруженным глазом — около 6000;
- в бинокль — около 50 000.

Число звезд в нашей галактике:

- от 200 до 400 миллиардов.

Число звезд во Вселенной:

• самое меньшее — 100 квинтиллионов, или миллиардов миллиардов (это приблизительная оценка на основе фотографий, снятых с помощью телескопов: никто не считал все звезды, и можно предполагать, что в действительности их намного больше).

Одна из самых старых известных нам звезд называется HE 1523–0901. Она находится в нашей галактике и, по-видимому, родилась 13,2 миллиарда лет назад, то есть спустя 500 миллионов лет после Большого взрыва.

Мы видим родившуюся звезду лишь начиная с того момента, как ее свет достигает Земли. Для этого могут потребоваться десятки тысяч лет, если звезда рождается в нашей галактике, и миллионы лет, если звезда рождается в другой галактике.

Млечный Путь

В космосе звезды собираются в группы, которые называют галактиками. Существуют небольшие галактики, включающие в себя лишь несколько десятков миллионов звезд, и громадные, насчитывающие несколько сотен миллиардов.

Галактики могут иметь разнообразную форму, в зависимости от того, как расположены содержащиеся в них звезды:

- форму регбийного мяча (эллиптические галактики);
- форму спирали, то есть плоского диска с рукавами, закрученными вокруг центра (спиральные галактики);
- трудноопределимую форму (так называемые неправильные галактики).

Наша звезда, Солнце, принадлежит к большой спиральной галактике, которая содержит от 200 до 400 миллиардов звезд.

Солнце (и мы вместе с ним, поскольку мы следуем его движению) вращается вокруг центра галактики с головокружительной скоростью 220 километров в секунду (792000 км/час), но галактика так велика, что наша звезда делает один полный оборот примерно за 2226 миллионов лет. Если бы нам нужно было послать к центру галактики сигнал со скоростью света, он достиг бы цели примерно за 20000 лет.

Посмотреть на нашу галактику мы можем ночью практически из любой точки на поверхности Земли (если не мешают облака и яркий свет). Выделяется полоса, чрезвычайно насыщенная звездами, — до такой степени, что она выглядит более белой, чем остальные участки небосвода.

Древние называли эту полосу Млечным Путем, а сегодня то же название носит вся наша галактика. Все звезды, которые мы видим ночью на небе, принадлежат к галактике Млечный Путь, даже если они расположены в отдалении от белесой полосы.

Глава 2

В небе мерцали звезды Млечного Пути. С начала полета Том не проронил ни слова, но Тристам почувствовал, что его приятель уже не так хмур, как прежде.

— Ночью Солнце освещает другую сторону Земли, — неожиданно заговорил Том.

Тристам обернулся.

— О чем ты?

— О небе. Ты же спрашивал, почему ночью небо перестает быть синим?

— А, ну да! — воскликнул Тристам, напрочь об этом забывший.

— Хочешь знать ответ?

— Хочу.

— Днем Солнце освещает атмосферу у нас над головами белым светом. А в белом содержатся все цвета. В космосе лучи всех цветов распространяются с одной и той же скоростью: поэтому они движутся совместно, смешиваются и дают этот самый белый цвет. Входя в земную атмосферу, большинство лучей продолжают двигаться по прямой линии и врезаются в землю, но синие ведут себя иначе. Они отражаются от частиц, которые плавают в воздухе, отскакивают от них во все стороны и наполняют собой небо. Вот почему днем небо окрашено в синий цвет.

— А ночью? — спросил Тристам, все еще не понимавший, почему с наступлением ночи небо становится черным.

Том ответил не сразу. Он чувствовал, как к нему постепенно возвращаются силы. Гордый своими знаниями, он смотрел вверх, на звезды. И при мысли о необозримом просторе Вселенной почему-то ощутил прилив бодрости. «Пусть мой отец потерпел неудачу, — подумал Том, ощупывая книгу, спрятанную под рубашкой, — но я стану Магистром ветра и отомщу за всех».

— Ночью, — пробормотал он, как бы рассуждая вслух, — небо становится прозрачным.

Тристам наморщил лоб. Утверждение Тома показалось ему глубоко ошибочным.

— Какое же оно прозрачное? — возразил он. — Оно черное!

— Это космос черный, — ответил Том, — а небо как раз нет. Если бы ночью атмосфера была непрозрачной, мы не видели бы звезд.

— Так что же, днем мы не видим космоса?

— Конечно нет! Солнце светит слишком ярко. Вместо того

чтобы видеть тысячи звезд, как это бывает ночью, мы видим только одну, самую близкую к нам — ту, которая наполняет небо синим цветом, которую мы называем Солнцем и которая нам кажется желтой.

— Но ты только что сказал, что Солнце белое!

— Белое, если смотреть на него из космоса, но когда смотришь с Земли, оно кажется желтым, потому что в нем уже нет синего цвета, наполняющего небо. Если из белого вычесть синий, получится желтый.

Тристам помолчал, размышляя над услышанным. Он не представлял себе, что звезды светят и днем, не думал, что они в это время попросту невидимы.

«Пусть я ничего не понимаю, все равно: мне удалось расшевелить Тома, а это главное!»

— Ты знаешь, что такое звезда? — продолжал Том. — Знаешь, что почти вся энергия Земли поступает от Солнца?

Тристам не отвечал. Теперь, когда Тому стало лучше, он не видел надобности и дальше говорить о науке. Согретый теплом работающего двигателя, он с удовольствием подставлял лицо свежему встречному ветру.

— А про гравитацию ты слышал? — гнул свое Том. — Без нее наша атмосфера не осталась бы на своем месте, вокруг Земли. Не было бы и неба, которое нагревается Солнцем. Хочешь, объясню, что такое гравитация?

— Э-э... вообще-то... Давай поговорим об этом попозже, ладно?

— Пойми: тиран все это знает. Мы должны знать больше, чем он!

— Думаешь? Ну да, ты прав... — поспешно согласился Тристам, опасавшийся, что Том оседлал любимого конька и теперь долго с него не слезет. — Но может быть... может быть, сейчас мы просто будем смотреть на звезды... и ничего не говорить?

Справа от них промчалась по небу падучая звезда.

— Видел? — воскликнул Тристам.

— Это осколок кометы упал в воду, — объяснил Том.

Тристам вздохнул, смиряясь с неизбежным... Однако, к его величайшему удивлению, Том больше не произнес ни слова.

Они вместе смотрели, как озаряют небо десятки, сотни падающих звезд. Уже в тот миг, как мелькнула первая, оба друга молча загадали желание. Потом они видели все новые и новые, и Том всякий раз загадывал одно и то же. Он ненавидел тирана больше всего на свете и думал, что есть только один способ победить заклятого врага: стать Магистром ветра, научиться

управлять облаками и направить всю их мощь против того, кто осмелился захватить в плен его отца. Тогда никто не упрекнет его в том, что он занял в воздушном мотоцикле чужое место.

У Тристама желание было другим, но не менее сильным: он хотел снова увидеть маму и Миртиль.

Лишь глубокой ночью усталые Тристам и Том заснули, убаюканные музыкой космоса и разморенные теплом своей механической стрекозы. Белый след, оставляемый ею в небе, все больше удлинялся: это значило, что вскоре поверхность Земли вновь скроется за слоем облаков.

Глава 3

Светало. Космос и звезды постепенно исчезали. Небо наполнялось светом и утрачивало прозрачность. Стало очень, очень холодно. И очень тихо: казалось, ничто не предвещало неприятностей. Том и Тристам спали. Они не видели, что на пульте управления уже давно мигает сигнальная лампочка. Это был указатель уровня горючего: в баке оставалось лишь несколько капель.

Стрекоза начала спуск к запрограммированному месту назначения и автоматически отключила подогрев, чтобы сэкономить хоть немного топлива. Лампочка погасла, и вместо нее запищал звуковой сигнал, разбудивший Тристама. Холод пробирал его до костей. Он осмотрелся.

Картина полностью изменилась. Океана больше не было видно, поверхность Земли была затянута кочковатым облачным слоем.

Над этой белой пеленой возвышались округлые верхушки других облаков — гораздо более крупных, похожих на высокие башни, горящие в оранжевых лучах рассвета.

Несмотря на адский холод и на прерывистый сигнал, явно предупреждавший об опасности, Тристам не мог отвести глаз от открывавшейся перед ним картины.

— Том! — стуча зубами, позвал он. — Посмотри! Просто дух захватывает!

Аппарат летел вблизи одной из белых башен, которую ветер медленно сносил в сторону. Кое-где ее стенки вздувались; в других местах, наоборот, прогибались внутрь.

— Эти облака прямо как живые! — прошептал Тристам. — Ты видишь? Они движутся, дышат.

У Тристама окоченели руки, и он обернулся к другу. Том, похоже, не хотел просыпаться: напрасно Тристам толкал его, тряс, щипал. Том не открывал глаз, его губы посинели. Холод сковал его тело и мозг. Он был без сознания!

Тристам привалил друга к себе, чтобы согреть. Стрекоза

продолжала подавать сигналы. Тристам напряженно смотрел по сторонам, надеясь увидеть какое-нибудь селение, но вокруг были только массы оранжевых капель, нависавшие над бело-серыми облачными холмами.

Вдруг он различил впереди странные облака, напоминавшие горы. Их было семь, и они располагались кольцом посреди широкой равнины. Все другие облака величественно плыли в струях ветра, а эти стояли неподвижно, словно застыли на месте. Стрекоза направилась прямо к ним, но восходящий воздушный поток неожиданно подбросил ее на несколько десятков метров.

Когда ветер стих, мотоцикл уже летел над равниной.

«Приближаемся к цели...» — подумал Тристам, глядя на мчащуюся вниз белую и плоскую поверхность облака. Она выглядела прочной, как в Миртильвиле.

Воздушный мотоцикл свернул влево. Он обогнул одну из застывших гор и лег на крыло, вписываясь в проем между двумя другими.

— Вот это да! — закричал Тристам, тараща глаза.

В пространстве между семью горами высились городские здания. На облачных склонах вокруг огромного — раз в сто больше, чем Миртильвиль, — города были разбиты террасные рисовые поля, среди которых виднелись небольшие деревенские домики на сваях.

Тристам приободрился, и его сердце забилося чаще, но тут звуковой сигнал смолк и двигатель перестал работать: бак был пуст. В ту же минуту справа и слева от пульта управления открылись отверстия, из которых выдвинулись две небольшие рукояти.

Тристам схватился за них и попытался выровнять мотоцикл, но тот, не слушаясь, стал камнем падать вниз. Спустя несколько мгновений стрекоза рухнула на рисовое поле, в нескольких сотнях метров от города. Мощный удар выбросил обоих мальчиков из кресел, и они упали в гущу зеленых метелок.

Почему облака белые?

Капельки воды и кристаллы льда, образующие облака, намного превосходят размерами молекулы газов, из-за которых небо окрашивается в синий цвет.

Проходя рядом с каплями или кристаллами, лучи всех цветов ведут себя одинаково. Они не разделяются и, продолжая совместное движение, выходят из облака точно такими же, как в него вошли.

Таким образом, днем небольшие облака окрашены в тот же цвет, что и свет, который их освещает. А это — белый цвет, цвет Солнца, когда на него смотрят из космоса.

Вечером, когда их освещает закатное солнце, облака становятся красными, оранжевыми, алыми, потому что до них могут дойти лучи только этих цветов.

Сквозь очень плотные облака свет не может проникнуть: такие облака темнеют, потому что их основания находятся в тени. Но даже во время самой сильной грозы верхние части облаков окрашены в ярко-белый цвет.

Глава 4

— Приходит в себя, — произнес женский голос.

Тристам открыл глаза. Он лежал на кровати, возле которой стояли трое: мужчина и две женщины. Потолок комнаты, где он находился, был выкрашен в темно-зеленый цвет. Стены тоже были зелеными, но более светлого оттенка.

Окон не было: комнату заливал мягкий свет электрических ламп. Одна из женщин, высокая брюнетка, наклонилась к Тристаму. Она выглядела озабоченной.

— Кто вы? — спросил мальчик. — Где я сейчас?

— В больнице, после аварии. Вот эти двое — Мари и Поль. Это они тебя вывели.

Тристам взглянул на мужчину и женщину, стоявших рядом. Мужчина, коротко подстриженный шатен, смотрел на него сквозь небольшие очки. Женщина была светловолосой, невысокого роста. На обоих были белые блузы, а на брюнетке, которая говорила с ним, — поблескивающий темный плащ.

Увидев, что в комнате нет второй кровати, Тристам забеспокоился:

— А где мой друг, где Том? Он здоров? Что с ним?

— Твой друг пострадал от холода сильнее, чем ты. Но не волнуйся, он здесь, и с ним все будет в порядке. Он уже приходит в себя. Его тоже лечат, в другой палате.

— Я могу его увидеть?

— Не сейчас, чуть позже.

— А вы — вы кто?

Высокая брюнетка остановила его жестом.

— Со временем узнаешь. Сейчас вопросы буду задавать я. Как тебя зовут?

— Тристам.

— А фамилия?

— Дрейк.

— Откуда ты?

— Из Миртильвиля.

— Как-как?

— Из Миртильвиля.

Поль и Мари обменялись взглядами и пожали плечами. Они явно никогда не слышали этого названия. Женщина в плаще достала из кармана блокнот и что-то записала.

— Где находится Миртильвиль?

— Э-э... не знаю, — признался Тристам. — Над вулканом, на высоте двух километров от земли.

Женщина нахмурилась и сменила тон.

— А ну соберись и говори все, что тебе велели заучить, не то дело кончится плохо, — процедила она сквозь зубы.

Обескураженный Тристам сел на кровати. Женщина, похоже, не собиралась шутить. А он — он не имел ни малейшего представления, что именно ей сказать...

— Я в самом деле не знаю... У меня никогда не было способностей к облаковедению, правда... Ну... ну, это просто такой городок на облаке, вот и все.

— А где сейчас пилот, который управлял вашей машиной?

Тристам опустил глаза: было стыдно, что он довел дело до аварии.

— Это я управлял, — выдавил он. Потом поднял голову и воскликнул: — Но мне никто не объяснял, как это делать!

Женщина бросила взгляд в сторону двери и, склонившись над его кроватью, вытащила что-то из кармана. От неожиданности Тристам вздрогнул: это был пакет, который ему вручила мама!

— Это твое?

— Отдайте! — закричал мальчик, пытаясь вырвать пакет у нее из рук.

Незнакомка тут же отпрянула, но крик Тристама не остался незамеченным: из коридора в палату ворвалась охранница, подозрительно оглядывая всех, кто тут находился. На ней была та же черная военная форма, что у солдат тирана, напавших на Миртильвиль. Высокая брюнетка успела спрятать пакет в карман.

— Поль и Мари были правы, — заметила она, направляясь к двери. — Ты оправился от удара на редкость быстро.

Тристам бросил на нее ненавидящий взгляд и заскрипел зубами:

— Отдайте, иначе я...

— Замолчи! — оборвала его женщина. — Через полчаса твои показания выслушает городской Совет. Скоро сюда придут полицейские, чтобы отвести тебя на заседание. Приготовься.

С этими словами она покинула палату. Поль и Мари подошли к своему пациенту.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Поль.

— Кто эта женщина?! — Тристам не мог успокоиться.

— Мэр города, — ответила Мари. — Она хотела поговорить с тобой до того, как ты предстанешь перед судом.

— Каким судом? — удивленно поднимая брови, спросил Тристам.

— Судом, который рассмотрит твоё дело. Постарайся набраться сил: отвечать на вопросы Совета очень утомительно.

— Мое дело? Но... в чём меня обвиняют?

Застывшая около дверей охранница внимательно слушала, стараясь не пропустить ни слова. Поль уронил на пол какой-то лёгкий медицинский инструмент. Нагнувшись за ним, он шепнул Тристаму:

— Видно, ты не простая птица, раз наша начальница пожелала увидеться с тобой лично. Старайся поменьше говорить и никому не доверяй. Особенно военным.

Мари молча кивнула, показывая, что согласна с Полем.

— Отойдите от подозреваемого! — рявкнула охранница.

Мари неторопливо повернулась к ней.

— А как прикажете его осматривать? На расстоянии?

— Тогда говорите громче!

— Я хочу видеть моего друга, — потребовал Тристам, в то время как Поль мял ладонями его туловище и руки.

— Сначала нужно, чтобы он пришёл в сознание, — возразила Мари. — Сейчас узнаю у его медсестры, как он себя чувствует.

Она бросила косой взгляд на охранницу.

— Но до судебного заседания ты его не увидишь, это точно. Одевайся, сейчас за тобой придут полицейские.

— Пожалуйста, скажите мне правду: где я нахожусь?

— В городской больнице — тебе же только что сказали.

— Но что это за город?

Поль и Мари выразительно посмотрели на Тристама, давая ему понять, что в присутствии охранницы нужно вести себя

осторожнее.

— Город? Белая Столица! — ответила Мари. — Ты что, от удара совсем потерял память?

«Ну все! — подумал Тристам. — Мы прилетели совсем не туда...»

— Как долго я спал? — поинтересовался он уже тихо.

— Три дня. А теперь тебе пора одеваться, — Поль протянул Тристаму его вещи. — Конвоиры явятся с минуты на минуту.

Когда все вышли из палаты, Тристам сбросил больничную рубашу и кое-как натянул свою одежду.

Поль и Мари вернулись в сопровождении полицейских в белых мундирах. На поясе у стражей порядка висели небольшие арбалеты. Мари несла в руке чашку.

— На, выпей, — сказала она.

— Что это?

— Укрепляющий напиток.

Тристам понюхал жидкость: в запахе не было ничего отталкивающего. Он отпил глоток. Настой оказался сладковатым, приятным на вкус. Он залпом опорожнил чашку.

— Подымайся! — бросил один из полицейских. — Он сможет идти?

— Думаю, сможет, — ответил Поль. — Только не слишком быстро.

Бережно поддерживая Тристама, он помог ему сесть на кровати и, наклонившись к его уху, прошептал:

— Твой друг сегодня утром пришел в себя, но он еще очень слаб. Его тоже ведут на заседание.

Тристам спрыгнул с кровати и воскликнул:

— Идемте же! Чего мы ждем?

Пораженные этим неожиданным приливом энергии, полицейские с подозрением поглядели на чашку, опорожненную Тристамом, который тем временем успел выскользнуть наружу. Они нагнали его в коридоре и, окружив, повели мимо длинных стеклянных шкафов, лавируя между врачами и медсестрами.

— Не пытайся бежать, — посоветовал Тристаму начальник конвоя. — И не вздумай хитрить со мной, а то пожалеешь.

Но никакого желания бежать у Тристама не было. Он хотел только одного: поскорее увидеть Тома.

Охранница, вышедшая в коридор, проводила их взглядом, потом вернулась обратно в палату. Она понюхала чашку и стряхнула в рот несколько оставшихся на дне капель, как будто надеялась, что напиток подействует на нее так же чудодейственно. Но ничего не произошло. Волшебное снадобье было обычным травяным настоем.

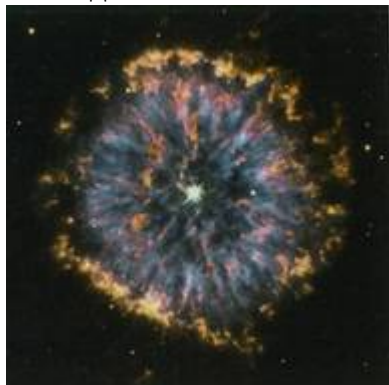
— Чудной мальчишка, — пробурчала она, снова выходя в коридор. — Надо доложить снегобою.

Небесные звезды зарождаются внутри гигантских облаков материи, которые называют туманностями. На этой фотографии — две такие туманности. Та, что справа (зелено-оранжевая), находится от нас на расстоянии 9000 световых лет. Та, что слева (синяя), — еще дальше, на расстоянии 20000 световых лет.

Иными словами, свет, излучаемый туманностью справа, прежде чем попасть в объектив фотоаппарата, двигался 9000 лет, а свет, испускаемый туманностью слева, — 20000 лет. Столько времени ему потребовалось, чтобы достигнуть Земли. В центре

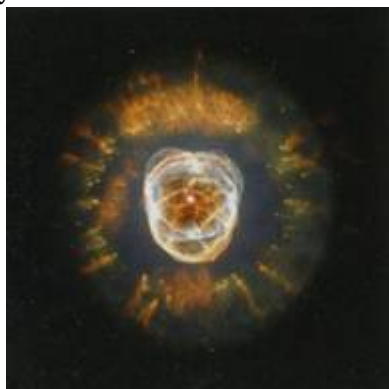
этих туманностей можно различить розовый или голубоватый свет совсем молодых звезд.

Планетарная туманность NGC 6751

Планетарная туманности «Кошачий Глаз»

Планетарная туманность «Эскимос» находится на расстоянии

5000 световых лет от Земли (10000 лет, назад эта звезда напоминала Солнце)

Туманность «Кошачий Глаз», сфотографированная с максимально близкого расстояния

Возникнув, звезды преобразуют атомы водорода (совсем крохотные; в более крупные атомы гелия, углерода или кислорода. Эта реакция, происходящая в сердцевине звезд, называется ядерным синтезом. Она высвобождает так много энергии, что заставляет звезды светиться.

Приближаясь к концу своего существования, звезды часто взрываются и в ходе этого колоссального взрыва выбрасывают в космическое пространство произведенные ими атомы. Мы видим на снимках некоторые планетарные туманности и то, что остается от звезд, которые были этими туманностями порождены: светящиеся точки в центре взрыва.

В нашей Вселенной звезды собираются в гигантские семейства, которые называют галактиками. Галактики могут содержать в себе несколько сотен миллиардов звезд. Все звезды, которые мы видим ночью на небе, принадлежат к той же галактике, что и мы. Она называется Млечный Путь. Мы никогда не покидали нашу галактику, но нам удалось сделать фотографии других галактик, существующих во Вселенной.

На этом снимке мы видим одну из них — галактику Гончих Псов.

Мы видим здесь звезду, которая знакома нам лучше других. Это наша звезда — Солнце. Как и 300 миллиардов других звезд, она входит в состав Млечного Пути. Ее свету требуется восемь с половиной минут, чтобы дойти до нас. На этой фотографии можно видеть миллиарды тонн материи, выброшенной с поверхности Солнца в космическое пространство.

В своей сердцевине Солнце преобразует водород в гелий. Температура там достигает 15 миллионов градусов Цельсия. На поверхности Солнца, удаленной от его центра на 700000 км, температура составляет 5500°C.

Здесь, как и на предыдущей фотографии, мы видим, что поверхность Солнца далеко не такая спокойная, как можно подумать.

Солнце постоянно излучает в сторону Земли различные виды радиации и некоторые другие частицы, несущие сверхвысокую энергию. От большей части этих смертоносных снарядов нас защищает магнитный щит, который называется магнитосферой. Здесь он изображен синим цветом, но надо помнить, что перед нами не фотография, а условный рисунок. На самом деле магнитосфера невидима для глаза, и Земля находится от Солнца гораздо дальше.

Кроме магнитного щита, Землю защищает только атмосфера. На этом снимке, сделанном из космоса, хорошо видно, как невелик атмосферный слой — тоненький синий поясик, отделяющий Землю от космоса.

Планетарным климатом называется энергетическое равновесие, которое установилось на уровне нашей атмосферы

между Землей и Солнцем.

Среди лучей Солнца, проникающих сквозь магнитный щит, есть лучи видимого света.

Этот свет нагревает поверхность нашей планеты, заставляет испаряться воду, а водяной пар, поднимаясь в небо, превращается в облака.

Облака, сносимые ветром, перемещаются из одного места в другое и возвращают Земле в виде дождевых осадков ту воду, которую выпарило Солнце.

Если интересоваться тем, что происходит на небе, и почаще на него смотреть, можно заметить, что некоторые облака имеют причудливую форму.

Облако, на котором родился Тристам, отчасти напоминает одно из этих двух облаков, расположенных друг над другом. Такие облака называют чечевицеобразными. Нередко их можно видеть над горами и вулканами. Они принадлежат к разряду высококучевых облаков.

Виды небесных облаков

Низкие облака (высота от 0 до 2000 метров)

Кучевые

Обычно эти облака имеют плоское основание, а их верхняя часть напоминает цветную капусту. Они могут быть совсем крохотными (при ясной погоде) и очень большими (из больших кучевых облаков может выпадать сильный дождь, но такие ливни, как правило, бывают короткими). Кучевые облака всегда четко отделены друг от друга.

Слоистые

Серые облака, занимающие огромное пространство, а иногда — касающиеся земли (в этом случае их называют «туманом»). Выделить основание у таких облаков трудно. Они могут быть источником слабого дождя или снега. Очень темными они бывают только тогда, когда небо над ними затянуто другими облаками.

Слоисто-кучевые

Напоминают скопление кучевых облаков, которые набухли и теснятся как бы на растянутом в воздухе невидимом полотнище. Иногда слипаются в единую массу и полностью скрывают небесную синеву. Из них может выпадать слабый дождь или снег.

Средневысокие облака (между 2000 и 5000 метров)

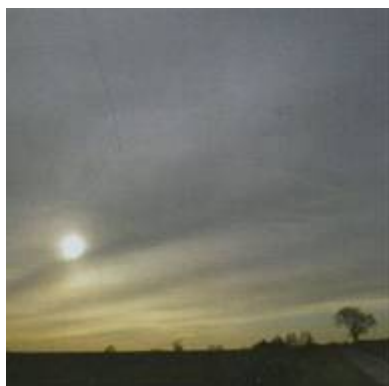
Высококучевые

Размерами уступают слоисто-кучевым; более крупные и

темные, чем перисто-кучевые. Часто предвещают грозу, но из них самих дождь выпадает редко. Они состоят из капелек воды, иногда — из кристаллов льда, и образуют в небе бело-серые пласты или кучки.

Высокослоистые

Те же слоистые облака, только расположенные более высоко. Обычно составляют единый сплошной слой, затягивающий все небо. Они появляются, когда огромная масса теплого воздуха поджата снизу скользящим под ней холодным воздухом. Образуются из капелек воды и кристаллов льда. Высокослоистые облака светлее слоисто-дождевых и темнее перисто-кучевых. Выглядят особенно красиво, когда солнце спускается к горизонту и подсвечивает их снизу красным. Могут превращаться в слоисто-дождевые облака.

Слоисто-дождевые

Бесформенные и плотные темно-серые облака, образующие слой большой протяженности. Несут в себе дождевые осадки. Могут заволакивать небо не на один день.

Перистые

Состоят из кристаллов льда, образующих длинные белые и просвечивающие пряди, которые иногда называют «волосы ангелов». Эти кристаллы часто падают вниз, вычерчивая под перистыми облаками следы в виде запятых. Но до земли не долетают, потому что испаряются много раньше. Когда в небе появляются перистые облака, а под ними — облака других видов, это означает, что в течение ближайших суток возможны осадки.

Перисто-кучевые

Небольшие комочки, плавающие высоко в небе. Появляются ненадолго. Всегда белого цвета, даже в нижней части, потому что плотность их не так велика, чтобы они могли отбрасывать тень. Состоят из кристаллов льда. Когда такие облака высыпают на небе в большом количестве и начинают загустевать, это означает близкую грозу.

Перисто-слоистые

Иногда очень высоко в небе появляется пелена тончайших, просвечивающих облаков, покрывающая огромное пространство. Это перисто-слоистые облака. Они состоят из кристаллов льда. Когда сквозь них светит Солнце или Луна, нередко — как, скажем, на этой фотографии, — можно видеть ореол, который образуется вокруг небесного тела.

Кучево-дождевые

Это самые большие облака. Они могут иметь более 10 километров в высоту. Из них бьют молнии, хлещут проливные дожди, сыплется град. Кучево-дождевые облака поднимаются так высоко, что их верхние части, состоящие из кристаллов льда, могут достигать высоты, на котором температура воздуха повышается (там начинается тропопауза). Когда это происходит, верхушка такого облака растягивается во все стороны и придает ему форму наковальни.

Кучево-дождевое облако, растущее в размерах

Дождь, падающий из небольшого кучево-дождевого облака

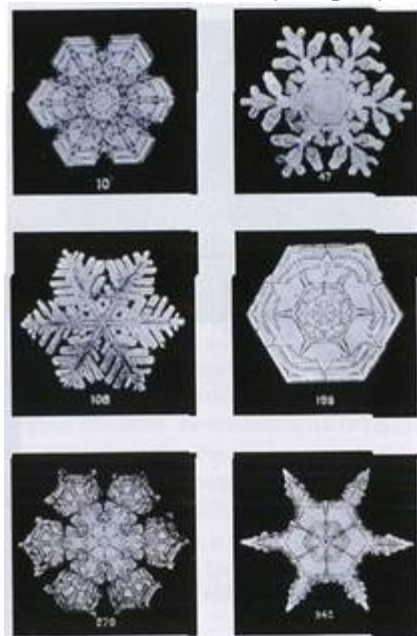
Зрелое кучево-дождевое облако с верхушкой в форме наковальни

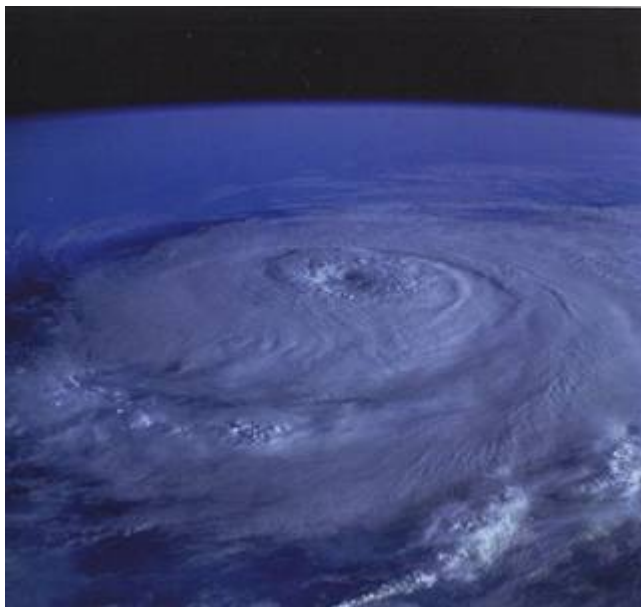
Громадное кучево-дождевое облако, вид из космоса

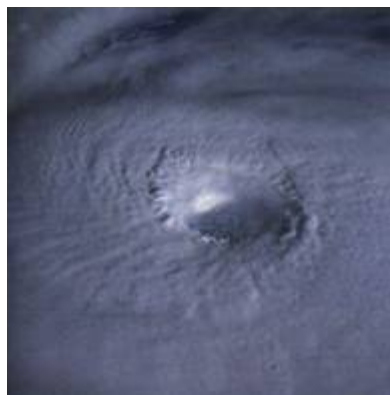
Кучево-дождевые облака могут быть причиной гроз и молний. На этой фотографии мы видим сильную грозу над городом.

Вот несколько образцов кристаллов льда. Это не рисунки, а фотографии.

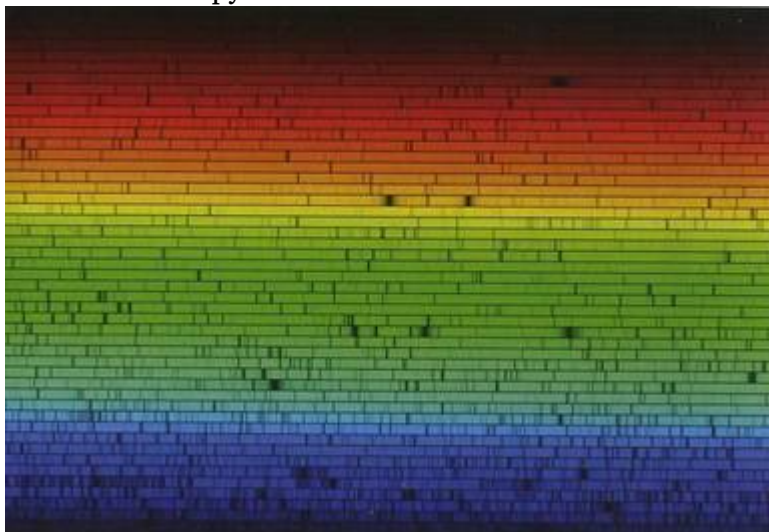
Циклоны — наиболее мощные метеорологические явления. Они могут охватывать площадь в несколько тысяч квадратных километров.

Глаз циклона — зона полного штиля, но стенки этой зоны, напротив, являются наиболее бурными областями циклона. С земли над смещающимся глазом циклона обычно можно видеть синее небо, но нужно быть крайне осторожным, потому что эта синева — предвестье близкого урагана, который будет чрезвычайно сильным и налетит с неожиданной стороны, прямо противоположной той, откуда в настоящую минуту дует ветер.

На этом снимке, сделанном из космоса, можно видеть, что в действительности солнечный свет имеет белую окраску. Здесь же виден циклон на поверхности Земли. Он порожден совокупным действием двух факторов: тепла, излучаемого нашей звездой, и вращения Земли вокруг собственной оси.

Перед нами весь видимый свет, излучаемый Солнцем: так называемый солнечный спектр. Небольшие отрезки черных линий

указывают на отсутствующие цвета (кусочки фиолетового, синего, зеленого и т. д.)

Благодаря этому мы и знаем состав нашей звезды, ведь атомы Солнца поглощают определенные цвета — именно те, что не появляются в спектре. Все существующие в природе атомы характеризуются определенными цветами, которые эти атомы поглощают, — таким образом, можно, глядя на недостающие цвета, определить атомы, присутствующие в источнике света.

При сравнении спектров далеких звезд со спектром Солнца смотрят, куда смещены их черные линии: в сторону красного или в сторону синего.

По этому смещению ученые могут вычислить скорость приближения или удаления звезд.

Закат Солнца, вид из космоса

Белое пятнышко в правой части фотографии — космический телескоп Хаббл. Благодаря этому телескопу люди впервые в истории человечества получили снимки далеких звезд и галактик, затерянных у пределов Вселенной.

Когда дверь больницы открылась и выпустила конвой наружу, Тристам невольно зажмурился от яркого света. Вершины облачного семигорья, окружавшего город, сверкали такой чистой и ослепительной белизной, что ему пришлось идти за полицейскими с закрытыми глазами. Так, не видя ничего вокруг, он проследовал через контрольно-пропускной пункт, миновал дежуривших на нем солдат. Теперь его вели по центральным улицам.

Он приоткрыл глаза и, увидев величественные здания, залюбовался архитектурой: арками и высокими окнами, балконами и резными водостоками. Из бесчисленных печных труб в небо поднимались густые клубы дыма.

Прохожие косились на Тристама, шагавшего с запрокинутой головой: в обтрепанной одежде, под конвоем, он, видимо, походил на преступника.

Постепенно и Тристам стал обращать внимание на горожан, одетых в мягкую и теплую одежду, но не замечал их косых взглядов. Он вспомнил рассказы мамы и представил себе, что она идет рядом, разглядывая вместе с ним этот город, ничем не напоминавший его родной Миртильвиль. В душе у него забрезжила надежда: может, достаточно будет рассказать городским властям правду, и они ему помогут?

Тристам ускорил шаг: нужно было как можно скорее найти Зельду Хизер и отправиться на поиски Миртиль, мамы, родителей Тома...

«Люди, построившие такой прекрасный город, наверняка очень сильные и добрые», — сказал себе он.

Полицейские смотрели на него с удивлением: подозреваемый вел себя странно. Обычно преступники не спешили предстать перед городским Советом!

Они остановились перед мрачным, зловещим домом — единственным из городских зданий, не имевшим на фасаде ни одного окна. Его крыша ошетилилась десятками дымовых труб — ни дать ни взять пушки, нацеленные в небо. Оптимизм Тристама мигом улетучился. Он замедлил шаг... Но переживания арестанта никого не интересовали, и полицейские решительно втолкнули его в просторный шумный вестибюль.

Там, разбившись на небольшие группы, оживленно беседовали сотни людей. Мужчины были в шляпах и с тросточками, женщины — в строгих платьях. Тристам почувствовал себя совсем маленьким среди таких важных господ

и дам, глядевших на него с явным неодобрением.

Внезапно публика в вестибюле притихла. Тристам обернулся: в дверях появилась кучка оборванцев, их глаза сверкали, а разбойные физиономии внушали страх; они галдели и оживленно жестикулировали. Конвой, сопровождавший Тристама, ускорил шаг.

— Да где же, в конце концов, полиция? Зачем мы платим налоги? — воскликнул какой-то мужчина, взбешенный тем, что грязные босяки проникли в здание суда.

— Уже третий раз на этой неделе!

— Кто-нибудь наведет здесь порядок?!

Непрощенные гости смешались с толпой; ситуация явно накалялась. Вдруг один оборванец выхватил из-за голенища нож и метнул его в дальнюю стену. Почтенные дамы и господа с криками попадали на пол. Нож пролетел над их головами и вонзился в портрет, висевший на другом конце зала. Торопливо привстав на цыпочки, Тристам увидел, что лезвие вошло в челюсть изображенного на портрете мужчины в короне.

— Смерть тирану! Да здравствует Земля! — прокричал человек, метнувший нож.

Тристаму не удалось разглядеть дальнейшее, потому что вестибюль охватила паника. Кто-то из его конвоиров пытался задержать нарушителей порядка; другие потащили было мальчика к боковой двери, но их смяла толпа, ринувшаяся к выходу. Тристама сбили с ног.

— Лежи и не поднимайся! — крикнул ему один из полицейских.

Тристам закрыл руками голову, но бегущие спотыкались о него, и он не мог защититься от ударов. Спустя несколько мгновений вестибюль опустел. Полицейский помог Тристаму подняться.

— Что это было?! — Тристам с трудом приходил в себя, одежда на нем была разодрана в клочья.

Какой-то солдат в черном мундире окинул его недобрым взглядом и сплюнул на пол.

— Со всеми вами надо разделаться раз и навсегда!

Тристам в испуге попятился. Полицейские, остававшиеся рядом с ним, встали перед солдатом, как бы оберегая своего подконвойного.

Солдат мрачно посмотрел на них и, ухмыльнувшись, пошел прочь:

— Ну ничего, скоро вы попляшете! После того, что произошло, вам недолго осталось!

Никак не отреагировав на выходку солдата, полицейские

повели Тристама в дальний конец вестибюля, откуда веером расходились коридоры. Тем временем публика стала втекать обратно. Несколько горожан собрались перед поврежденным портретом.

— Они покусились на короля! — воскликнула какая-то женщина. — Это неслыханно!

— Ну, не стоит преувеличивать, — заметил кто-то, — это все-таки не его величество, а лишь портрет.

— Что вы, что вы! — возмутился другой горожанин, подходя ближе. — Как можно говорить такие вещи?

— Слава богу, солдаты схватили этих дикарей.

— Да здравствует король!

Полицейский отворил одну из дверей, и его напарник толкнул Тристама внутрь. Он очутился в просторном помещении, стены которого были отделаны светлым деревом. Это был зал судебных заседаний. У дальней стены за большим столом сидели шесть человек, одетых в зеленые тоги, — по-видимому, члены городского Совета. Среди них Тристам увидел брюнетку, присвоившую его пакет, мэра города.

— Тристам Дрейк, займи свое место, — приказала она. На скамье подсудимых между двумя стражниками уже сидел съездившийся мальчик с бессильно поникшими плечами. Тристам подбежал к нему.

— Том! Как ты?

— Мне холодно, — ответил Том, дрожа.

Лицо его было белым как снег.

— А ну тихо! — прикрикнул охранник. — Сядь и помалкивай!

Тристам быстро сел на скамью и придвинулся к Тому. Брюнетка надела очки, откашлялась и позвонила в колокольчик. Звучным голосом она начала зачитывать бумагу, которую ей передал один из членов Совета.

— Три дня назад летательный аппарат типа «стрекоза» потерпел аварию в северной части города, в квадрате номер 24. Аппарат украшен гербом короля. Крестьянин обнаружил рядом с разбившейся машиной двух молодых людей, присутствующих сейчас в зале. Они лежали на земле и были без сознания.

«Она сказала „короля“! — ужаснулся Тристам, чья тревога нарастала с каждой минутой: слишком уж скверный оборот принимали события. — „Короля“, а не „тирана“! Мы пропали!»

Кровь прихлынула к его лицу. Только теперь до Тристама дошло: все эти люди — на стороне тирана! Он бросил взгляд на Тома, который совсем сник.

— Так-так, госпожа мэр, — вмешался какой-то мужчина, только что вошедший в зал, — вы опять начинаете процесс без представителя короля?

Тристам и Том посмотрели на вошедшего. Незнакомый господин был в черном мундире и черном плаще, с вытканными на нем белыми облаками, из которых валил густой снег. Он обогнул стол и занял пустовавшее до сих пор место рядом с женщиной-мэром.

— Разве вы забыли условия нашего соглашения?

— Не забыла, — холодно ответила женщина. — Но вы пришли с опозданием, господин снегобой.

Мужчина в плаще покосился на часы, висевшие над дверью, и его лицо скривилось в самодовольной ухмылке.

— Совершенно верно. Я опоздал на десять минут. А потратил

я их на то, чтобы расставить в городе дополнительные военные посты.

— Как вы смеете? — возмутилась брюнетка, глядя мужчине в лицо. — Мы не входим в состав королевства Срединных Облаков!

Тот отозвался с ледяным спокойствием:

— Пока еще нет, госпожа мэр, пока еще нет... Но на вашем месте я бы не стал повышать голос. Мне приходится заниматься этими пустяками только из-за того, что вы сами ни на что не способны. Ваша полиция не может навести порядок даже здесь, в так называемом суде! Уверяю вас, подобное безобразие больше не повторится. Я лично буду обеспечивать безопасность на территории города. Это отвечает общим интересам, и вашим тоже.

Ответа не последовало.

— А теперь займемся делом! Вершите правосудие по королевским законам! — приказал мужчина.

С трудом скрывая негодование, женщина и на это ничего не ответила. Потом ее черты разгладились, она опустила голову.

— Итак, — продолжил мужчина, указывая крючковатым пальцем на Тристама и Тома. — Эти два шалопада одеты весьма странно. Кто они? Эмигранты? Крестьяне?

Уставив глаза в лежащие перед ней бумаги, брюнетка по-прежнему не подавала голоса. Ей потребовалось еще некоторое время, чтобы взять себя в руки.

— Да, крестьяне, точнее — крестьянские дети. Были обнаружены возле одного из ваших летательных аппаратов. По их словам, о запрете приближаться к аппаратам они никогда не слышали.

Тристам и Том ошеломленно посмотрели на женщину: что она мелет? по каким таким «словам»? Да они и рта не успели раскрыть...

— Говорят, после того как их нашли, они проспали целых три дня. Причина?

— Они подрались между собой и избили друг друга до полусмерти, — продолжала лгать женщина. — Мы дали больным снотворное, чтобы поставить их на ноги до суда.

— Вечно вы транжирите лекарства! — бросил мужчина. — Они украли что-нибудь?

— Нет, у них в карманах ничего не было.

— И каков же ваш приговор?

— Пусть посидят ночь в тюрьме, — ответила женщина, — это научит их уважать законы.

Тристам и Том вскочили со своих мест.

— За что?! Вы шутите?

— ЗАТКНИТЕ ИМ РОТ СИЮ ЖЕ МИНУТУ! — приказала женщина.

— Постойте! Вы просто с ума с... с-с-с...

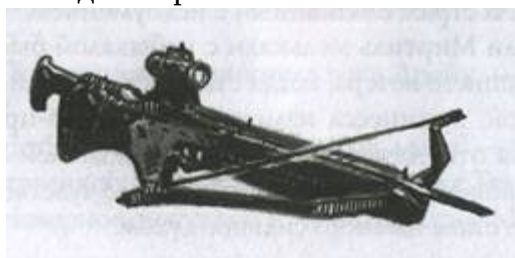
— На пом-...м-м-м...

Больше они не успели ничего сказать: охранники в мгновение ока заткнули обоим рты кляпами и надели на них наручники.

— Вот как, они еще и брыкаются? Хорошо, мы уйдем вашу прыть: трое суток тюрьмы! — приказал снегобой. — И дайте каждому по экземпляру «Королевских законов» — пусть выучат наизусть.

— Трое суток тюрьмы, — согласилась женщина-мэр, стукнув по столу молоточком. — Увести.

— Следующее дело! — объявил мужчина в плаще, в то время как охранники выводили Тристама и Тома из зала.

Тюрьма, со слепыми, без единого окна, стенами, размещалась глубоко в недрах облака, на котором была построена Белая Столица. Оказавшись в камере, напуганные Тристам и Том какое-то время молча сидели на кровати, отведенной им на двоих, — в действительности это были обычные дощатые нары, прикрепленные к стене с помощью металлических кронштейнов. Когда глаза привыкли к слабому свету, сочившемуся из зарешеченного дверного окошка, друзья заметили, что они в камере не одни.

На других нарах лежал дряхлый старик. Он был очень худ, кожа его казалась прозрачной. За все то время, что дети находились в камере, он не шелохнулся.

— Ты как думаешь — он мертвый? — прошептал Тристам.

— Нет, дышит.

Лампочка в коридоре начала мигать и почти сразу погасла; камера погрузилась в темноту. Друзья прижались друг к другу. Тристам не сводил глаз со спящего старика.

— Может, о нем забыли? — предположил Том. — Может, нас тоже бросят здесь и забудут?

— Мы прилетели куда-то не туда... — протянул Тристам.

— Я уже понял! Ты видел? У человека в плаще — там, в суде, — на спине была такая же вышивка, как у типа, который арестовал твою мать!

— Видел.

— Это военный из элитного подразделения армии тирана. Отец говорил мне о них. Их называют снегобаями.

— Я так и подумал... — Тристам опустил голову. — Мы угодили в один из городов тирана.

— Не уверен! Ты слышал разговор между человеком в плаще и этой женщиной?

— До чего же она противная! — воскликнул Тристам. — Сажать в тюрьму детей — кем для этого надо быть, а? Кроме того, она забрала пакет, который мне дала мама.

«И мою книгу», — с грустью подумал Том. С тех пор как он очнулся в больнице, эта пропажа не давала ему покоя. Ведь трактат Санберна был единственным средством узнать, как победить тирана! Когда Том вспоминал, что книги у него больше нет, он готов был расплакаться. Впрочем, после суда, где женщина-мэр держалась довольно независимо и нисколько не подпевала снегобою, в нем затеплилась слабая надежда, что драгоценный трактат все-таки удастся вернуть.

— Снегобою, мне кажется, — задумчиво сказал он, — подчиняются только солдаты. А полиция вся из местных. Похоже, им не так уж нравится присутствие чужаков.

Тристам вспомнил происшествие в вестибюле суда. Он мог бы поклясться, что полицейские защитили его тогда от враждебно настроенного солдата. Как обычно, Том был точен в своих оценках.

— Трис!

— Ау?

— Что было в пакете, который тебе дала мама?

— Не знаю. Я его не открывал. А что?

Том не ответил, потому что в эту минуту старик зашевелился на своих нарах и сел. У него было изможденное лицо и суровый взгляд.

— Здравствуйте, — сказал вполголоса Тристам, неуверенно наклоняя голову.

Но немигающий взгляд старика, казалось, был устремлен сквозь них.

«Вот тебе на! Он нас не видит! — подумал Том. — Чего доброго, он вообще псих!»

Внезапно глаза старика вспыхнули, как если бы в глубине запылал таившийся там огонь. С силой, которую трудно было заподозрить в столь тщедушном теле, он вскочил с нар, приложил руки к ушам и начал поворачиваться на месте.

— Молчите, молчите! — приказал старик. — Это он! Мунди. Слышите? Вот он, вот!

Тристам и Том прижались к стене. У старика был сиплый голос, как у человека, который давно ни с кем не разговаривал. На лице его застыло выражение безумия.

— Вы слышите? — повторил он. — Правда? Вы слышите Мунди?

Друзья, уверенные, что старец сошел с ума, испуганно переглянулись.

— Давай притворимся, будто мы слушаем, — шепнул Тристам.

Они приложили руки к ушам, подняли глаза к потолку и сделали вид, что вслушиваются.

В тюрьме царило спокойствие, но тихо в ней не было.

Со всех сторон доносились какие-то звуки. В дальнем конце коридора глухо отдавались шаги охранников, сквозь стены просачивались обрывки невнятных разговоров или перебранок других заключенных. А еще на этой глубине со свистом гулял ветер, почти полностью заглушая любой другой шум.

Тристам с испугом следил за стариком: судя по всему, тот слышал звуки, которых не существовало.

— Ну же, ну! — настойчиво твердил старик, как будто и сам

начинал сомневаться. — Вот теперь! Слышите?

— Да... — почти беззвучно шепнул Том, сидевший с закрытыми глазами. — Кажется, слышу что-то...

— Я же вам говорил! — воскликнул старик.

— Что именно ты слышишь? — спросил Тристам.

— Тс-с... — прервали его старик и Том.

Обиженный Тристам закрыл глаза, старательно вслушиваясь. Но сосредоточиться было трудно: он то и дело снова приоткрывал глаза, наблюдая за лихорадочно возбужденным стариком.

Вдруг в гудении ветра ему удалось различить нежную, умиротворяющую мелодию. Еле слышные звуки проносили сквозь толщу стен радостное настроение: кто-то помогал старому человеку справиться с его тоской.

— Воздух и ветер, все дело в них, — прошептал Том. — Звук распространяется в воздушной среде, а ветер способствует его распространению. В космосе мы ничего не слышим.

— Помолчи минутку, — перебил друга Тристам.

— Это я его научил... — с гордостью объявил старик, — Он всегда был очень одарен. Теперь он играет лучше меня.

— Это флейта? — догадался Том.

— Флейта. Это мой Мунди. Он для меня играет.

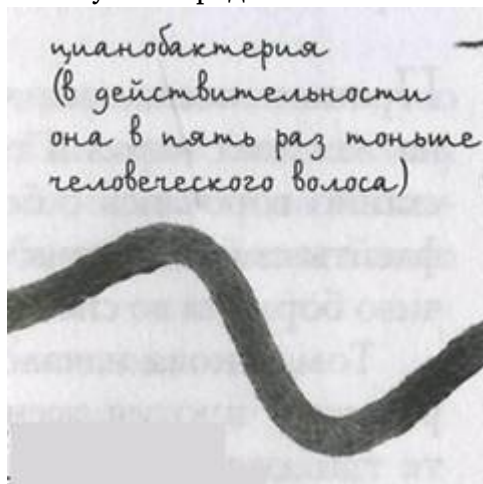
Кислород

Когда три с половиной миллиарда лет назад на Земле появились первые живые организмы, в атмосфере не было кислорода.

В течение сотен миллионов лет эти первые организмы эволюционировали и наконец превратились в особый род бактерий, которые существуют и сейчас. Бактерии эти называются

цианобактериями. У них есть уникальная способность: они в состоянии обеспечивать себя энергией, расщепляя молекулы воды. В ходе этого процесса цианобактерии выбрасывают в атмосферу кислород.

Вначале кислород, произведенный цианобактериями, быстро поглощался океаном и мало влиял на состав атмосферы. Это дало другим живым организмам время, чтобы, эволюционируя, найти формы защиты от нового газа. А защищаться было жизненно необходимо, поскольку кислород — газ токсичный и агрессивный.

Прошло время, и океан больше не мог вбирать и скапливать кислород, выработанный цианобактериями. Тогда кислород начал наполнять атмосферу Земли.

Сегодня окружающий нас воздух содержит примерно такое же количество кислорода, как миллиард лет назад, и человеческие существа, подобно другим животным, в настоящий момент приспособились к этой ситуации. Наши организмы не просто научились защищаться от этого агрессивного газа, но и стали от него зависеть: когда мы дышим, наши тела улавливают кислород, содержащийся в воздухе, и затем используют его, чтобы превращать пищу в энергию.

Тем не менее кислород сохраняет определенную токсичность, и многие ученые размышляют над тем, как противодействовать одному из самых очевидных разрушительных эффектов, которым обладает этот газ: старению наших организмов.

Прошло несколько часов. Тристам и Том лежали на жестких нарах в темной камере без окон, непрестанно ворочаясь с боку на бок. Лишь только напев флейты смолк, старик сразу задремал, что-то неразборчиво бормоча во сне.

Тома снова начало знобить; Тристама же разбирал гнев против женщины-мэра. Даже если бы за те три дня, что они провели в новом месте, они нашли бы Белый Городок, а в нем — Зельду Хизер, их миссию можно было считать проваленной. У них больше не было пакета, который дала мама. И теперь им придется выпутываться самим, без посторонней помощи.

— Вот гадина! — в который раз восклицал он, не понижая голоса. — Да никакой она не мэр — просто дура набитая!

Старик открыл глаза и приподнялся на нарах.

— Что он сказал? — спросил он у Тома, тоже привставшего.

— Нужно быть совсем чокнутой, чтобы вот так, ни в чем не разобравшись, засадить нас в тюрьму!

— Какой неугомонный мальчик! О ком ты говоришь? — повторил он свой вопрос, глядя на Тристама.

На этот раз старик не казался взволнованным. Но он словно силился вспомнить что-то, что могло бы прояснить слова Тристама.

— О мэре этого чертова города!

Старик нахмурился.

— Как вы здесь оказались? — спросил он со странным блеском в глазах.

Но тотчас выставил ладони вперед, показывая, что друзья не обязаны ему отвечать. Потом, склонив голову набок, он уставился в потолок, как будто снова пытался что-то расслышать. А может быть, он действительно был не в себе.

— Мунди еще играет? — спросил он.

Тристам и Том покачали головами.

— Близок день, когда я перестану его слышать.

— Почему? — робко поинтересовался Тристам.

— Мой слух слабеет. Да и на рассудок свой, боюсь, я не могу полагаться так, как раньше. Что же, лучшего я не заслуживаю. Да, я сам виноват в том, что оказался здесь.

— Правда? — спросил Тристам. — В чем ваша вина?

Том толкнул его локтем в бок, шепнув:

— Замолчи, идиот! Он опять распахнется!

Но старик не обиделся: ему явно хотелось поговорить.

Плечи его поникли, воспаленные глаза слезились. Он с

трудом шевелил губами:

— Я уже не отличаю собственных воспоминаний от того, что мне когда-то рассказывали. По-моему, я расстался с людьми очень давно.

Он поднял вверх ладони, сложенные ковшом.

— Когда плачешь, — продолжал он, — видны звезды, даже днем, даже здесь, в тюрьме. Они прекрасны — вы же не станете спорить? Да, звезды великолепны. И они вмещаются в мои ладони! Посмотрите, сколько их там! Как в небе над Белым Городком.

Том и Тристам вскочили с нар.

— Вы знаете Белый Городок? — воскликнули они хором.

Старик растерянно посмотрел на них. Мало того, что ему трудно следовать за ходом собственных мыслей, так эти двое еще и сбивают его. Если так, разговор едва ли заладится...

— Мы не здешние, — объяснил Тристам. — Мы ищем Белый Городок. Вы знаете, где он находится?

— А разве его больше нет? — спросил старик и сам спохватился, — ну да, верно! Его больше нет. А я и позабыл. Белого Городка не существует. С ним покончено.

Старик продолжал сквозь слезы. Он не сводил глаз со своих ладоней, словно и вправду держал в них звездное небо.

— Это было чудесное место. Да, чудесное. Тихий поселок на границе с королевством Срединных Облаков. А над ним — огромное небо и много, много звезд. Но этого места больше нет, его погубили, как и Землю.

Он потер лоб, словно припоминая что-то важное.

— И виноват в этом тиран. Хотя началось-то все с мятежей. Да, да, я помню... Но еще раньше король Севера проиграл битву. Ох, как же давно это было... Король — молодец, он тогда не сдался, решил действовать иначе — поднял восстание в королевстве тирана! Так-то! Тиран чуть не лопнул от злости! Ну да поделом ему... Да вот беда: к нам в поселок из-за этих беспорядков наехали тамошние толстосумы — сбежали из Срединного королевства. Испугались за своих близких. И за себя тоже, но больше всего — за свои богатства. Вот ведь какая история... Э, да что там... Тряслись за свое добро, трусы! Приехали, и — раз-два-три! захватили весь городок... Построили на его месте большой город для себя, для богачей. Белый Городок исчез. Он стал Белой Столицей.

— Народ восставал против тирана? — прошептал Том. — Это правда?

Старик пристально посмотрел на мальчика.

— Еще какая! Послушайте, да откуда вы приехали? Вы

думаете, король Северных Облаков мог смириться с поражением? Да ни за что! Правда, королевство у него маленькое, но сам-то он не из тех, кто отступает. Даже в плену он сопротивлялся! После Великого поражения король продолжал борьбу. Настоящий герой! Но потом он куда-то исчез, и тогда... тогда все кончилось!.. Никто больше не хотел сражаться с тираном, ни один человек. А тиран ополчился на Белую Столицу: он хотел вернуть богачей обратно. Он послал своих снегобоев, чтобы запугать мэра, не нынешнего — прежнего. Тиран требовал денег, огромных денег, и беспрекословного подчинения. Но мэр ответил отказом! Решительным отказом! Он не покорился деспоту, отважный человек!

— А что произошло потом? — с расширенными глазами спросил Тристам.

— Э, да вы совсем ничего не знаете! — удивился старик.

— Богачи, наверное, испугались? — неуверенно предположил Том.

— Ясное дело! Еще как испугались. Они были готовы отказаться от свободы, лишь бы ничем не рисковать! Дурачье... Принялись петь хвалы тирану. «Да здравствует король» — на все у них был один ответ. Да здравствует король... Они и не думали сражаться против летающих крепостей, против воздушных патрулей. Глаза-то у них были, да видеть они ничего не видели, слепцы. Болваны... Все, все, от первого до последнего.

Старик встал с нар и распрямился: он снова пришел в крайнее возбуждение. Друзья на всякий случай отодвинулись подальше.

— Болваны... — повторил старик, ходя по камере кругами. — Они сместили мэра и упрятали его в тюрьму. Выгнали коренных жителей из их домов, поселили за горой и заставляют работать на себя на своих рисовых плантациях. Рабовладельцы, настоящие рабовладельцы!

— А что стало с бывшим мэром? — спросил Тристам.

— Он теперь никуда не годный старик. Его гложет тоска, ест поедом. Он ведь не смог защитить свой народ.

Старец на мгновение замолчал. Его лицо было печальным и мудрым — так светятся лица людей, посвятивших свою жизнь заботам о других.

— Если кто-то управляет королевством, городом или войском, опираясь на страх, — добавил он, — это либо продажный человек, либо умалишенный. Иначе не бывает. Мэр это знал. Но ему не удалось избавить новых жителей от страха. Он потерпел неудачу. Значит, он заслуживает своей теперешней участи. У него почти не осталось радостей в жизни — только внук

и его флейта. Он очень любит слушать в своей тюремной камере, как мальчик играет.

Том и Тристам переглянулись и вновь уставились на старика.

— Он сидит в этой тюрьме? — спросил Тристам.

— Это вы? — сказал Том. — Вы были раньше мэром этого города?

— Да, по-моему, я. Но я здесь уже так долго... Я не совсем уверен в этом.

— Вы знакомы с Зельдой Хизер? — продолжил Том.

— С Зельдой?... Да, она хитрая: умеет надевать на себя маску... Ничего не подделаешь: приходится изображать покорность... Притворяться. Зато она разрешает моему Мунди играть! Это она теперь стала мэром города.

— Как? — воскликнули двое друзей. — Не может быть!

Старик снова улегся на нары и завернулся в ветхое одеяло. Тристам и Том больше не смогли добиться от него ни слова; бедняга совсем обессилел и вскоре заснул. Может быть, прежний мэр слышал во сне флейту своего внука.

— Ты думаешь, он правду говорит? — прошептал Тристам.

— А почему нет? Видно же было, что она неладит с этим снегобоем!

— Но зачем она посадила нас в тюрьму?

— Может быть, не было другого выхода, может быть, она хотела...

— Тише! — прервал его Тристам. — Ты слышишь?

В коридоре послышались глухие шаги. Лязгнули засовы, и дверь камеры отворилась. Вошли двое полицейских.

— Вставайте, — обращаясь к Тристаму и Тому, негромко приказал один из них.

— Мы свободны? — воскликнул Том.

— Могли бы отпустить нас и раньше! — добавил Тристам.

Полицейский приложил палец к губам.

— Вы пойдете с нами. Старайтесь не шуметь, — сказал другой, защелкивая наручники на их запястьях.

— Куда вы нас ведете? — спросил Тристам.

— Вас хочет видеть госпожа мэр.

Старик спал и не заметил, как его товарищи по несчастью покинули камеру.

Глава 8

С прохладным и сыроватым рассветным воздухом смешивался густой дым, валивший из печных труб. На всех перекрестках в центре Белой Столицы были расставлены люди снегобоя. Они походили не столько на стражей порядка, сколько на оккупационные войска.

Тристам и Том в наручниках шли по улицам между двумя конвоирами. «В ближайшие часы снегобой возьмет тюрьму под свой контроль, — объяснил им один из них. — Госпожа мэр приказала забрать вас оттуда до того, как это произойдет. Мы отведем вас в тайное укрытие. Ведите себя так, будто вы заключенные. И поменьше говорите».

После происшествия в суде некоторые торговцы закрыли витрины своих магазинов дощатыми щитами. Тристам и Том с любопытством разглядывали те витрины, на которых щитов не было и где стояли манекены в шелках и кашемире, с красивыми драгоценными камнями на шеях, рассыпавшими цветные блики. Внутри других магазинов в ярко освещенных залах выстроились рядами ультрасовременные камины. Туристические агентства заманивали клиентов «сногшибательными солнечными

закатами».

Особое внимание Тристама привлек магазин, возле которого в открытом ангаре стояли воздушные мотоциклы. Новенькие, с иголки, фюзеляжи сверкали зеркальным блеском. Заглядевшись, Тристам остановился, но долго любоваться ему не довелось: конвоир схватил его за плечо и подтолкнул вперед.

На одном из блокпостов полицейские вытянулись по стойке «смирно» и предъявили свои пропуска дежурившему солдату. Тот с подозрительным видом изучил их, придирчиво оглядел Тома, потом Тристама.

— Куда вы их ведете?

— На принудительные работы, — ответил один из полицейских.

Часовой с откровенным отвращением взглянул на арестованных и махнул рукой, пропуская конвой в жилые кварталы.

Горожане еще спали в своих роскошных многоэтажных особняках, окруженных высокими деревьями, идеально подстриженными газонами и цветочными клумбами. Эти сады были гораздо красивее, чем садик у дома Бригтсов, за которым ухаживала Миртиль, однако Том смотрел на них вполглаза. Его заинтересовали отверстия в земле: оттуда вырывались клубы пара, который, поднимаясь, бесследно растворялся в воздухе.

— Придется немного пройтись, — шепнул конвоир, кивком головы показав на военный патруль. — Нужно убедиться, что за нами не следят.

Они некоторое время петляли по улицам, пока не вышли к подножию одной из семи облачных гор. Ее склоны были покрыты широкими рисовыми полями. Между ними вились дороги, которые уходили вверх к небольшим поселкам. Дома в этих поселках были на сваях.

Им пришлось то карабкаться вверх, то спускаться вниз по раскисшим дорожкам, оставить за спиной не одно рисовое поле и не один поселок, прежде чем полицейские сочли, что опасности нет.

Тогда они направились к маленькой деревушке на бугре, высившемся над городом. Конвоиры остановились перед самым неказистым из всех виденных ими домов — двухэтажной развалюхой без свай, с просевшим нижним этажом и открытой террасой наверху.

— Заходите, — велел один из полицейских.

Внутри дом выглядел еще хуже, чем снаружи. Стены подгнили, пол превратился в болото, чавкавшее под ногами. Мебели не было, только в дальнем конце пустой комнаты у стены стояла лесенка. На второй этаж надо было подниматься через люк в потолке.

— Ну и ну! — воскликнул Том. — Ничего себе домик!

— Тише ты! — шикнул на него конвоир.

Второй подошел к грязному окну, потом к другому, убеждаясь, что за ними никто не следит.

— Все в порядке, — объявил он. — Бояться нечего.

Тристам и Том с удивлением смотрели, как тот опустился на колени прямо в противную жижу и принялся расчищать пол голыми руками. Нащупал под слоем зеленоватой ряски квадратную крышку, потянул за кольцо и склонился над отверстием, светя туда карманным фонариком. С явным удовлетворением он отпустил крышку, забросал ее водорослями и направился к лесенке.

— Идите сюда! — приказал он.

Друзья не двинулись с места.

— Ну нет! Мы не жабы! — возразил Тристам. — Мы здесь не останемся!

— Уж лучше в тюрьму вернуться, — подхватил Том.

— Что там внизу? — хмуро спросил Тристам.

— Подземный ход в Новый Городок, — ответил полицейский, вернувшийся к окну. — Госпожа мэр хочет, чтобы мы вас отвели туда, но не раньше завтрашнего дня.

— А почему не пойти по улице? — спросил Тристам.

— В деревушке нас сразу заметят и дадут знать снегобою — как в тот день, когда вас отвезли в больницу.

— Ваш мэр... — начал Тристам. — Как зовут эту женщину?

— Госпожа Хизер, — ответил полицейский, поднимаясь по лесенке на второй этаж. — Она оставила для вас книгу наверху.

Глаза Тома вспыхнули, и он бросился к лесенке.

В комнатке на втором этаже царили чистота и порядок. Небольшое слуховое окно выходило в переулок; раздвижная дверь вела на террасу. На полу лежали три старых матраса; в углу рядом с электрической рисоваркой, бутылками с водой и

аккуратно сложенной стопкой рубашек и брюк были свалены мешки, наполненные рисом. Припасов было заготовлено по крайней мере на месяц.

Когда все поднялись наверх, охранники втянули лесенку за собой и сняли с мальчиков наручники.

Переодевшись в обычную одежду, Тристам подошел к окошку. Матовое стекло искажало ландшафт, но все же картина открывалась впечатляющая. До самого горизонта простиралась Белая Столица, поддерживаемая несколькими ветряными станциями, которые прятались где-то под облаком. Тристам взялся за дверь, собираясь выйти на террасу.

— Даже не думай! — остерег его полицейский, не поворачивая головы. — Сиди смирно и не двигайся, пока мы тебе не скажем, понял?

Полицейские расположились рядом с люком и достали игральные карты. Напротив них, привалясь к мешкам с рисом, сидел Том, с головой ушедший в книгу, которую оставила ему женщина-мэр. Все остальное перестало его интересовать.

— Что ты читаешь? — спросил, подойдя к другу, Тристам.

— Книгу, — рассеянно ответил Том, поворачиваясь к нему спиной.

— Это твоя книга?

— М-м-м...

— Слушай, нам нужно вместе подумать! Как мы будем искать мою маму и Миртиль? Твоих родителей?

— М-м-м...

— И что говорить этой Зельде Хизер?

— М-м-м...

Тристам посмотрел на полицейских.

— Нам оставили только книгу? Это все? — спросил он, думая о пакете, который дала ему мама. — Там больше ничего не было?

— Нет. Мы бы тебе сказали...

Не отрывая глаз от карт, второй полицейский добавил:

— Может, помолчишь немного, а?

Земная атмосфера

Земля — третья по порядку планета, если считать от Солнца. Она имеет форму шара, слегка сплюснутого в районе полюсов. Средний диаметр Земли составляет 12742 км.

Поверхность Земли окружена тонким слоем газа, который называют атмосферой.

99,9 % массы нашей атмосферы содержится внутри слоя

толщиной 50 км, считая от поверхности Земли.

Атмосфера:

— поглощает смертоносные лучи, испускаемые Солнцем или приходящие из космоса;

— позволяет сохранять среднюю температуру на поверхности земного шара на уровне 15 °С;

— разрушает небольшие метеоры, не давая им врезаться в землю (метеор, размеры которого достаточно велики, чтобы достигнуть Земли, называется метеоритом).

Без воды в жидком виде и без той защиты от космических лучей, которую обеспечивает атмосфера, жизнь на Земле в известных нам формах была бы невозможной.

Атмосфера в обезвоженном виде (то есть за вычетом воды) содержит:

- 78,084 % азота,
- 20,946 % кислорода,
- 0,93 % аргона,
- 0,036 % углекислого газа,
- 0,002 % других газов.

Водяной пар, содержащийся в нашей атмосфере, практически полностью заключен в ее нижнем слое, который называется тропосферой. Именно здесь формируются облака.

Наступила ночь, за окнами стояла глубокая тишина. Тристам уснул. Рядом с ним, с раскрытой книгой на животе, спал, погруженный в грезы о будущем, Том.

В глубине комнаты, растянувшись на матрасе, храпел один из полицейских. Второй сидел на лесенке, стоявшей теперь возле люка. Предполагалось, что он будет следить за детьми, но и его сморила дрема.

Во сне Тристаму являлись картины мирной жизни в Миртильвиле.

Он видел свой дом среди полей, в стороне от городка. Но вот облако, на котором стоял дом, стало уменьшаться в размерах — бесшумно, неумолимо. Он видел, как рисовые плантации, полоса за полосой, обваливаются в пустоту.

Потом сон превратился в настоящий кошмар: дома Миртильвиля рушились один за другим; его мать и Миртиль металась по улице, ища укрытия, которого не было. В какой-то момент мама подняла на Тристама глаза, как если бы могла его видеть сейчас, и, показывая на Миртиль, прошептала: «Спаси ее!»

И тут их дом провалился сквозь облако и упал на остров внизу, превратившись в груды щепок.

Весь в поту, тяжело дыша, Тристам рывком сел на своем матрасе. Что-то больно сдавило ему грудь, голова кружилась; он не сразу понял, где находится. Во сне ему открылась возможность ужасного исхода: а вдруг его матери не удалось вырваться из рук врага?

Убедившись, что Том и двое полицейских спят как убитые, он на цыпочках подошел к раздвижной двери, отодвинул ее и проскользнул на террасу. Город был ярко освещен, и это мешало различать звезды. Над крышами плавал густой туман, сливавшийся, по-видимому, с дымом печных труб. Тристам никак не мог успокоиться. На лбу у него блестели капли холодного пота. «Миртиль, мамочка, — думал он, — где бы вы ни были, я вас спасу».

Забыв про все запреты, он осторожно закрыл за собой дверь террасы и бесшумно сполз по стене домика вниз. Поблизости не было ни единой души. Тристам почувствовал, как к нему возвращается спокойствие. Он был свободен.

Решив воспользоваться ночной темнотой, он стал спускаться в город. Дороги патрулировали военные, но они издали выдавали себя светом ручных фонариков, и Тристам всякий раз успевал спрятаться.

Он узнавал дома, мимо которых они шли накануне. Однако чем дальше он уходил, тем чаще ему встречались патрули.

«Нет, до центра города мне, пожалуй, не дойти», — подумал он.

Справа Тристам заметил холм, полностью погруженный в темноту. Ни одного пугающего луча — значит, солдат там нет. Держась в тени домов, он свернул в ту сторону и через несколько минут оказался у подножия холма. Он начал подниматься вверх по склону.

Только на гребне он понял, почему здесь не было домов. Другой склон холма представлял собой отвесный обрыв, нависавший над жилыми кварталами. Усевшись недалеко от края, Тристам смотрел на тысячи уличных фонарей, горевших внизу. Плутание в темноте и прохладный вечерний воздух успокоили его.

Небо над белыми горами было ясным, но звездный свет не мог пробиться сквозь слой загрязненного воздуха, колыхавшегося над городом. Видны были только самые яркие звезды. Тристам вспомнил слова старика, с которым они встретились в тюрьме: «Раньше в небе было много звезд».

Он представил себе мир, в котором больше нельзя любоваться звездами.

«Такого просто не должно быть!» — сказал себе Тристам и поклялся сделать все, чтобы этого не произошло. Он встал и подошел к обрыву.

— Мы с Томом найдем Миртиль! — крикнул он, обращаясь к спавшим в своих домах горожанам. — Мы покончим с тираном, и вы увидите звезды!

В это мгновение над белой горой напротив него показался краешек оранжевого диска. Взошла луна. Она была большой, почти полной, и от этого зрелища у Тристама потеплело на душе. Он снова сел и с восхищением смотрел, как луна, поднимаясь все выше, меняет цвет.

В памяти всплыли слова мамы: «Чтобы сделать мир лучше, нужно быть очень мужественным и отважным». Он сидел над обрывом, стараясь собрать все свое мужество, как вдруг заметил, что внизу на одной из улиц мелькнула какая-то тень.

Тристам решил, что ему почудилось, но через несколько мгновений та же тень скользнула чуть дальше.

Кто-то бежал по улице.

Кто-то, у кого на спине висел большой рюкзак; кто-то, у кого не было фонарика.

«Это не солдат», — с удивлением подумал Тристам.

Тристам внимательно следил за тенью. Она двигалась прямо на военный патруль.

«Там ему не проскочить!» — беспокоился Тристам.

Но человек с рюкзаком, наверное, и сам это знал: он вскарабкался по стене и, словно черная кошка, перепрыгивая с крыши на крышу, за считанные минуты добрался до центра города, так никем и не замеченный.

Тристам улыбнулся, восхищаясь его ловкостью.

Вскоре черная фигура скрылась из виду, растворившись в мареве огней. Тристам продолжал внимательно всматриваться в крыши подсвеченных зданий, надеясь обнаружить незнакомца. Но того нигде не было видно.

«Куда он мог деться?» — удивлялся Тристам, и тут до его слуха долетела мелодия, которая, казалось, рассеивала грязный туман.

— Так это Мунди! Флейтист! Надеюсь, дед его услышит...

Тристам попытался определить, откуда доносятся звуки, но не успел: воздух разорвали пронзительные свистки, мелодия стихла. Внизу засновали патрульные, бравшие центр города в кольцо.

И вот флейтист появился снова. Он пробирался по крышам обратно, но на этот раз за его продвижением следил не только Тристам: десятки солдат с криками бежали по улицам, чтобы перехватить смельчака, как только он спрыгнет на землю. Глядя вниз с обрыва, Тристам чувствовал, как у него колотится сердце, словно солдаты гнались за ним самим.

Миновав центральные кварталы, Мунди соскользнул на землю под самым носом у патруля и бросился наутек. Он бежал быстрее преследователей, однако солдат было слишком много, и отовсюду высыпали все новые и новые! Минута-другая, и они окружают Мунди со всех сторон! И флейтист направился к единственному месту, где солдат не было, — холму, откуда за ним наблюдал Тристам.

Что делать? Тристам испуганно огляделся: спрятаться было негде. Не везет так не везет! Злосчастный беглец мчался вверх по склону со скоростью ветра! Теперь их разделяли каких-нибудь полсотни метров. За спиной Мунди солдаты на ходу заряжали свои арбалеты.

— БЕРЕГИСЬ! — крикнул Тристам. — ОНИ БУДУТ СТРЕЛЯТЬ!

— Ты кто?! — выдохнул Мунди.

— Друг вашего мэра!

— Зачем ты здесь? У тебя есть парашют?

— Есть — что?

— Стоять! Ни с места! — прогремел голос патрульного; десяток арбалетов нацелился на детей.

В ту же секунду Мунди сгреб Тристама в охапку и прыгнул вместе с ним с обрыва головой вниз, как будто нырнул.

— НЕ-Е-ЕТ! — падая в пустоту, завопил Тристам.

— Стреляйте, чего вы ждете!

Вокруг них засвистели стрелы.

— Держись крепче! — крикнул Мунди.

— Мы разобьемся! — у Тристама перехватило дыхание.

Мунди потянул за две тесемки, свисавшие из рюкзака. За его спиной, расправляясь, вырос складной парашют. Ветер надул крыло и упруго затормозил падение.

Когда Тристам осознал, что произошло, парашют, недостижимый для стрел, уже скользил в прохладном ночном воздухе над пригородными домами.

Они приземлились где-то в предместье, на изрядном расстоянии от холма.

— Ну что стоишь? — проворчал Мунди, складывая парашют. — Ступай домой, да поскорее. Сейчас по всему городу начнутся облавы.

Но Тристам не собирался расставаться с новым знакомым так быстро. Несмотря на шрам на правой щеке, этот светловолосый мальчик с темными глазами казался ему почти ровесником.

— Ты научишь меня летать на парашуте? — спросил Тристам, широко улыбаясь.

— Проваливай, тебе сказали! — прикрикнул Мунди. — Я только что чуть не погиб из-за тебя.

— Вот уж нет! Это я из-за тебя чуть не погиб.

Мунди уложил парашуту в свой огромный рюкзак и перебрал его за плечо.

— Ты знаешь, как вернуться в убежище? — спросил он.

Тристам осмотрел соседние холмы: все вокруг было незнакомым. Он давно перестал ориентироваться, но не хотел признаться в этом Мунди, который разговаривал с ним свысока.

— Это где-то там... — он неопределенно махнул рукой. — Постой... А откуда ты знаешь, что я прячусь?

— Я знаю, кто ты, — отозвался Мунди. — Госпожа Хизер рассказала нам о тебе и о твоём друге. Ты не имеешь права шляться по улицам! Люди из-за тебя жизнь рискуют!

— Кто рискует жизнью? — удивился Тристам. — Зачем?

Мунди бросил на него странный взгляд.

— Не знаю, — немного помолчав, ответил он. — Да это и не моё дело. Ты умеешь ходить незаметно — так, чтобы тебя никто не видел?

— Конечно. Всю жизнь так хожу.

— Тогда пошли, я провожу тебя. Если пойдёшь туда, куда показал, вряд ли попадёшь к себе.

Сначала они крались по темным улицам, потом пришлось лезть на крыши и, прячась за трубами, прыгать с дома на дом. Потом они опять спустились и быстро прошли какими-то пустынными крытыми переходами, где Мунди чувствовал себя как рыба в воде. Тристам старался не отставать, но иногда флейтисту все же приходилось замедлять шаг и ждать его.

Минут через двадцать Мунди остановился у подножия одного из холмов и тронул Тристама за руку. Отсюда начинались рисовые поля.

— Твое убежище там, наверху. Узнаешь теперь?

Тристам поднял глаза и увидел деревушку, проступавшую на фоне серых облаков.

— Да, — кивнул он, различив единственный домик без свай. — Спасибо.

— Ты Тристам или Том?

— Тристам.

Он колебался: может быть, надо сказать Мунди, что они

видели в тюрьме его деда и что тот не совсем здоров...

Несколько мгновений длилось неловкое молчание; наконец Тристам решил, что лучше не скрывать правду.

— Знаешь... — начал он, поворачиваясь к Мунди.

Но Мунди уже исчез.

Тристам пожал плечами и стал подниматься на холм. Вскоре он уже был возле домика без свай. Он влез на террасу и проскользнул в комнатку. Там и полицейские крепко спали. Тристам улегся рядом со своим другом.

«Я летаю уже второй раз, а как это делается, не знаю, — подумал он, засыпая. — К следующему разу хорошо бы научиться».

Наутро, как только мальчики проснулись, полицейские повели их вниз, в подземный ход. К счастью, в тесном тоннеле, по которому пришлось продвигаться гуськом, было чисто и сухо.

— Долго еще? — спросил Тристам, когда они прошли метров десять.

— Тс-с! — шепнул конвоир. — Тише!

В молчании они пробирались вперед, освещая дорогу дрожащими лучами карманных фонариков. Чем дальше они шли, тем громче становился странный шум, вскоре совсем заглушивший их шаги. Как будто тысячи капель стучали снаружи в стенки тоннеля. Этот мощный гул, в котором сплетались, не сливаясь, все мыслимые ритмы, действовал на Тристама как сильнейшее снотворное. Он едва передвигал ноги, засыпая на ходу и с трудом преодолевая желание немедленно растянуться на полу.

— Это дождь, — важно объявил полицейский, шедший первым. — Здорово, да? У нас ведь не просто облако, а дождевое! И из него временами падает дождь! Классная штука! Наш предыдущий мэр этим очень гордился. «Там, внизу, от дождей растения идут в рост», — всегда повторял он. А этот снегобой и с дождями хочет покончить...

Вспомнив старика в тюрьме, Том стал расспрашивать полицейских о летающих крепостях и воздушных патрулях.

— Дрянь порядочная, вот что это такое, — обернулся первый полицейский. — Тиран, наверное, бесится от того, что перестали строить крепость к востоку от Белой Столицы. С патрулями у него тоже, видно, что-то не ладится... В последнее время их почему-то стало меньше!

— Да ладно, Роб, — возразил другой полицейский, — тиран нас совсем не боится. Он знает: если начнется какая заваруха, здешний снегобой передавит всех, как мух. И провокацию подстроит без зазрения совести, лишь бы поизмываться над людьми и власть показать. От него чего угодно можно ждать!

— Это точно! — продолжил первый. — Похоже, это снегобой устроил недавний спектакль в суде — с ножом, всаженным в портрет. И воспользовался этим, чтобы ввести в город войска.

— Да, все так говорят. Ну если подручные такие мерзавцы, то представляю себе, каков сам тиран! Вот увидишь, нам тоже прикажут величать его «королем». Не мытьем, так катаньем нас дожмут, это ясно... И, похоже, скоро...

— Но не все же ему покорились, не забывай.

— Верно, верно. Да только нас не так много...

В том, что говорили полицейские, было мало утешительного, и Том больше не задавал вопросов. Он представил себе истязания, которым тиран мог подвергать сейчас его родителей, Миртиль и захваченных в плен жителей родного городка. А еще он думал о том, как велико число несогласных, к которым принадлежат двое конвоиров, — хватит ли у них сил, чтобы спасти остальных и свергнуть деспота? Том внимательно посмотрел на долговязого тощего Роба, шагавшего впереди с невозмутимым видом человека, уверенного в правильности того, что он делает.

Спустя четверть часа подземный ход кончился: они уперлись в дверь, которая вела в подвал какого-то дома. Все еще клевавший носом Тристам вылез следом за Томом и полицейскими наружу.

Они находились в верхней части поселка, разместившегося на противоположном склоне горы. Даже в сравнении с Миртильвилем поселок этот был невелик. «Армию здесь не спрячешь», — с легким разочарованием подумал Том.

За домами виднелась равнина, над которой Тристам и Том пролетели перед тем, как разбилась их стрекоза. Далеко в небе плыли гигантские облака, подгоняемые ветром, который здесь, в поселке, почти не чувствовался. Еще несколько мгновений, и в

Новый Городок из-за их ватных верхушек должны были хлынуть лучи утреннего солнца.

«Странное место!» — подумал Том. Здесь не было ни особняков, ни садов, ни многоэтажных зданий, ни печных труб на крышах, — только скромные домики с ветряками, совсем как в Миртильвиле.

На улице начали показываться люди; они расходились по тропинкам, опоясывавшим белую гору. Денис, второй полицейский, объяснил, что все жители поселка трудятся на рисовых полях и ветряных установках, обслуживающих Белую Столицу.

Мальчики со своими конвоирами спустились по главной улице и остановились у последнего дома, за которым простиралась белая равнина. На крыльце дома сидели несколько полицейских. Среди них Тристам, к своему величайшему удивлению, увидел Мунди. Он обрадовался, но на всякий случай сделал вид, что они не знакомы. Мунди тоже обратился к нему так, будто видел в первый раз.

— Входи! — велел он. — А ты, — Мунди указал на Тома, — подожди здесь.

Друзья переглянулись, и Тристам исчез за дверью домика. В эту минуту солнце наконец прорвало облака.

Том уселся на пороге рядом с Мунди, смотревшим на небо. По небосводу промчалась падучая звезда.

— Плохое предзнаменование! — вздохнул флейтист.

— При чем тут предзнаменования? — возразил Том. — Это самый обычный камень: он, возможно, отделился от хвоста кометы, влетел в атмосферу и там сгорел. Падающих звезд и днем много, но виднее они ночью. А когда солнце светит, видны только самые крупные... Вот и все.

Мунди смерил Тома взглядом.

— Давно не встречал таких, как ты.

— Каких? — спросил Том, не зная, радоваться ему или обижаться.

— Тиран не хочет, чтобы мы интересовались звездами, планетой, где мы живем, — вообще чем бы то ни было. Редко случается разговаривать с людьми вроде тебя, которые во всем этом разбираются.

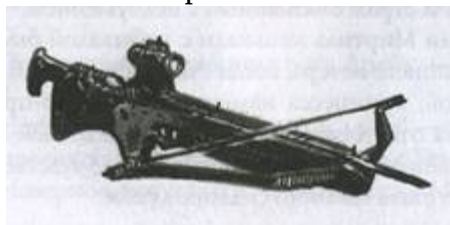
— Вот как? — удивился Том. — А почему тирану это мешает?

— Образованных людей намного труднее обманывать. А тиран хочет всех водить за нос. И ему это неплохо удастся: уже сейчас полно невежд, верящих, что он всюду радеет об их благополучии и удовольствиях. Они не понимают: тиран только

утверждает свою власть и ради этого губит планету.

— Мы это понимаем, — заявил Том. — Мы с Тристамом все изменим, мы постараемся спасти Землю.

— Правда? Давайте-давайте, она того стоит! — усмехнулся Мунди. — И с чего же вы собираетесь начать?

Солнце

Возраст: 4,6 миллиарда лет.

Диаметр в экваторе: 1,4 миллиона километров (в 110 раз больше диаметра Земли).

Температура на поверхности: 5500 °C.

Температура в центре: 15000000 °C.

Давление в центре: в 250 миллиардов раз больше, чем давление на поверхности Земли.

Масса: в 333000 раз больше массы Земли.

Расстояние от Солнца до Земли: 149,6 миллиона километров.

Солнце — это звезда.

Звезды представляют собой шары раскаленной материи с такой плотной и горячей сердцевиной, что находящиеся в ней атомные ядра прилипают друг к другу и соединяются в результате реакции, которая называется ядерным синтезом. При этом небольшие атомы превращаются в более крупные; одновременно высвобождается огромное количество энергии — в частности, световой.

Чтобы достигнуть поверхности Солнца, свет, исходящий из сердцевины, должен пересечь все его слои.

Первый слой называется лучистой зоной. Чтобы миновать эту зону, свету нужно около миллиона лет.

Далее следует конвективная зона: в ней, словно в кастрюле с кипящей водой, мощные всплески раскаленной плазмы переносят тепловую энергию к поверхности.

Наконец, видимая поверхность нашей звезды называется фотосферой. Отсюда в космос исходят свет и другие виды излучений, которым удалось вырваться из солнечного ядра.

Чтобы дойти от Солнца до Земли, свету нужно примерно

восемь с половиной минут.

Ежесекундно Солнце превращает 600 миллионов тонн атомов водорода в атомы гелия. Если бы энергия, высвобождаемая Солнцем за одну секунду, могла быть полностью уловлена, ее хватило бы на нужды Земли в течение сотен миллионов лет.

Распределение солнечного излучения:

- видимый свет (все цвета от фиолетового до красного): 50 %;
- инфракрасный и близкий к нему (невидимый): 40 %;
- ультрафиолетовый (невидимый, очень опасный): 10 %.

Максимум солнечного излучения располагается вокруг желтого цвета.

Опасные ультрафиолетовые лучи поглощаются озоном, который содержится в земной атмосфере.

Тристам толкнул дверь и остановился у порога. Прямо перед ним была лестница, которая шла на второй этаж; несколько ступенек вели вниз, к запертой на засов двери подвала. Слева была кухня, справа — большая гостиная, залитая ярким утренним светом.

— Входи, Тристам Дрейк, — позвал женский голос.

Мальчик сделал несколько шагов и остановился в нерешительности. Перед ним стояла Зельда Хизер.

— Не бойся. Подойди ближе.

Тристам удивился: это была та же женщина, которую он видел в больнице и в суде, но теперь она казалась совсем другой, более спокойной, уверенной в себе. В ее глазах светились решимость и ум, напомнившие Тристаму его мать.

В гостиной было уютно. Возле невысокого стола, заваленного географическими картами и чертежами, стояли два дивана. На одном из них с усталым видом сидел очень бледный, темноволосый, небритый человек, одетый в белый полицейский мундир. На вид мужчине было лет тридцать. От его погасшего взгляда становилось не по себе.

— Это лейтенант Вакинг. Он возглавляет полицию Белой Столицы. Мой главный советник.

— Возглавлял, — поправил ее мужчина. — Снегобой отправил меня в отставку.

Зельда неодобрительно взглянула на него, потом улыбнулась Тристаму.

— Вам с другом нелегко пришлось, — продолжала она. — Мне очень жаль, что все так вышло! Было бы куда приятнее встречать вас не в больнице. Да и лишние разговоры о вашем появлении тоже были ни к чему — в нашей-то ситуации... А теперь попытайся, пожалуйста, вспомнить все до мелочей и расскажи, как вы попали к нам.

Лейтенант тем временем погрузился в изучение свитка, лежавшего на столе. Казалось, все, о чем может рассказать Тристам, его нисколько не интересует.

— Вы Зельда Хизер? — на всякий случай удостоверился Тристам.

— Да, меня зовут именно так.

— Моя мать просила найти вас и вручить вам тот пакет, который вы нашли в нашей стрекозе.

Тристам покосился на лейтенанта, по-прежнему сидевшего с отсутствующим видом.

— Говори смело, — сказала Зельда Хизер. — Ты можешь доверять ему.

Но Тристаму больше нечего было сказать. По правде говоря, он надеялся, что это Зельда ему что-нибудь объяснит, скажет, например, что ему делать дальше...

Внезапно он вспомнил, о чем его просила во сне мама.

— Вы должны помочь нам спасти Миртиль.

— Миртиль? — удивленно переспросила женщина.

— Дочь короля Севера, — продолжал Тристам. — Тиран похитил ее. Нужно найти ее и спасти! А потом мы спасем мою маму.

Зельда нахмурилась. Вакинг вышел из оцепенения.

— Откуда ты знаешь, что Миртиль взяли в плен? — подозрительно спросил он.

— Так мы же видели! — Тристам очень старался, чтобы лейтенант ему поверил. — Когда мы с Томом улетали, сверху было видно, как летчик тирана увозит Миртиль на стрекозе, а потом...

— Постой, постой, — прервала его Зельда. — Никто не сомневается в твоих словах, но рассказывай по порядку, с самого начала.

Тристам рассказал все, мешая главное с второстепенным. Его слушали молча, не перебивая.

— Как вы думаете, — спросил он, кончив свою историю, — они могут что-нибудь сделать моей маме, Миртиль, всем остальным?

— Не знаю как насчет твоей матери и других жителей Миртильвиля, — запнувшись, сказала Зельда Хизер. — Может быть, им удастся спастись.

— А Миртиль?

Бывший начальник полиции вопросительно посмотрел на мэра. Зельда кивнула. Он развернул свиток, который держал в руках, и протянул его Тристану.

— Прислали сегодня, — сказала Зельда — Как раз перед твоим приходом мы говорили об этом с лейтенантом.

На листе был напечатан портрет Миртиль. Талантливому и прилежному художнику удалось передать тревожное выражение ее лица. Под портретом было написано:

По приказу Его Величества короля, Миртиль из королевства Северных Облаков, лишенная прав престолонаследия, будет предана казни на подкидной доске вместе с четырьмя другими изменниками 12 марта в полдень, на главной площади Синти Тауна.

Да здравствует король!

У Тристама заняло под ложечкой.

— Что это — казнь на подкидной доске?

— Ей завяжут глаза и заставят идти по доске, закрепленной на краю облака.

— Ну, это не так уж и страшно, — облегченно вздохнул Тристам.

— Когда она дойдет до конца доски, то начнет падать, — добавил лейтенант.

— Что-о?

— Это очень жестокая казнь, — удрученно проговорил Вакинг. — Человек падает долго, и перед ним успевает пройти все его прошлое. Долгий путь к неизбежной смерти... похоже на самую жизнь...

Зельда метнула в него испепеляющий взгляд.

— Прекратите молоть чепуху! Сегодня восьмое марта. У нас есть четыре дня, чтобы действовать. Нужно составить план.

— Если бы все упиралось в план... — вздохнул Вакинг. — Потребуется сутки, чтобы добраться до Синти Тауна, и по меньшей мере еще одни сутки, чтобы приготовить операцию на месте. Если мы пошлем туда спецгруппу, она должна вылететь не позже завтрашнего дня.

— Должна — значит, вылетит.

— Впрочем, безумцы, которые согласятся пойти на это

самоубийство, могут покончить с жизнью прямо здесь. Меньше хлопот.

— Я полечу туда, — заявил Тристам, стиснув кулаки. — Никто мне не помешает!

— Ну, это мы посмотрим, — возразила Зельда. — Что касается вас, лейтенант, то советую приступить к разработке операции немедленно, потому что вы включены в состав спецгруппы.

Она повернулась к Тристаму.

— Твой пакет там, — сказала она, указывая на стол возле окна, — береги его как зеницу ока... И вот что еще: не вздумай выходить из дома! Я знаю, что ты убежал сегодня ночью. Больше этого не делай! Твоя жизнь куда дороже, чем ты можешь вообразить.

С этими словами она вышла. Тристам встал, чтобы взять пакет, но лейтенант остановил его движением руки.

— Итак, ты хорошо знал дочь короля Севера...

Тристам кивнул. Бывший начальник полиции говорил тоном профессионального следователя, желающего убедиться, что подозреваемый говорит правду.

— Значит, ты многое знаешь! И ты, похоже, вполне сообразительный парень.

Тристам собрался было кивнуть опять, но под инквизиторским взглядом лейтенанта ему стало не по себе.

— Стало быть, Миртильвиль находился под управлением знаменитого полковника Бриггса. Это ведь тот самый полковник, который сражался плечом к плечу с королем Севера, верно?

Тристам кивнул, подумав, что лейтенант туговато соображает: он же рассказывал о полковнике минуту назад!

— Между нами, все, что ты говоришь, — полная чушь, — отрывисто заключил лейтенант, сверля Тристама темными глазами. — Не могу поверить, что полковник не сумел защитить принцессу или спрятать ее в безопасном месте. А ты как думаешь?

— Я? Не знаю. Может быть, он не ожидал нападения.

— Ну да, эта возможность существует, спору нет... Маловероятно, но не исключено, — заметил Вакинг со скептической гримасой.

Не находя лучшего объяснения, Тристам молчал.

— Нет, это абсолютно неправдоподобно, — поразмыслив, заключил лейтенант. — Но вернемся к твоему рассказу. Ты говоришь, вам с сыном полковника удалось ускользнуть?

— Да.

— Благодаря твоей матери, которая поддерживала частые

контакты с полковником?

— Да.

— Что ж, — сказал Вакинг, немного помолчав с бесстрастным выражением лица, — все это чрезвычайно странно! Но мы должны подумать о Миртиль, верно?

Тристам чуть не поперхнулся от удивления: он мог бы поклясться, что лейтенант ему подмигнул.

— Только не жди чудес, — продолжил отставной начальник полиции, вставая с дивана. — Хотя я и эксперт по подготовке безнадежных спецопераций... Особенно если дело происходит в моем родном городе.

По-видимому, перспектива схватки с врагом, который тысячекратно превосходил его силами, пробудила лейтенанта от спячки.

— Этот дом принадлежит мне, — сказал он, направляясь к выходу. — Чувствуй себя здесь свободно, как в своем собственном. Я скоро вернусь.

Впрочем, после этого Вакинг не только не вышел, но, напротив, остался в комнате. Он мялся в нерешительности и, казалось, готовился сказать что-то важное. Тристам ждал, не двигаясь с места.

Наконец лейтенант проговорил:

— Пожалуй, я поторопился, беру свои слова обратно. Ты все-таки не у себя дома, а у меня. Так что ничего здесь не трогай.

Как только за лейтенантом закрылась дверь, Тристам подбежал к столу у окна. Пакет, который забрала у него Зельда, лежал там, вскрытый. Тристам увидел ленту с прикрепленным к ней прозрачным кристаллом. Внутри кристалла переливался радужный свет. У Тристама забило сердце: это был кулон его матери!

Вращение Земли

Земля совершает вращение двоякого рода: она вращается вокруг собственной оси, что приводит к чередованию дней и ночей, и вокруг Солнца, что приводит к смене времен года.

Вокруг собственной оси Земля вращается наподобие волчка, совершая полный оборот за 23 часа 56 минут и 4 секунды. Этот период называется звездными сутками. Если заметить положение звезд на небе в определенное время дня, то спустя звездные сутки оно будет точно таким же.

Вследствие этого вращения человек, находящийся на экваторе (и остающийся неподвижным по отношению к земле) в

действительности вращается вокруг земной оси со скоростью 1674 км/час. Чтобы использовать эту даровую скорость, для пуска ракет стараются выбирать место как можно ближе к экватору. Если пускать ракету вдали от экватора, потеря в скорости будет велика.

Нью-Йорк вращается вокруг земной оси со скоростью примерно 1275 км/час.

Париж и Лондон — примерно 1070 км/час.

Полюсы остаются практически неподвижными.

Но как бы ни менялась эта скорость — от близкой к нулю на Северном полюсе до 1674 км/час на экваторе, — она ничтожно мала в сравнении со скоростью движения Земли вокруг Солнца.

Звездный год — это время, которое нужно Земле для того, чтобы совершить оборот вокруг Солнца и вернуться на то же место. Он соответствует 365,25 суток, если считать, что в сутках 24 часа (если же считать в звездных сутках, то в году их насчитывается 366,27).

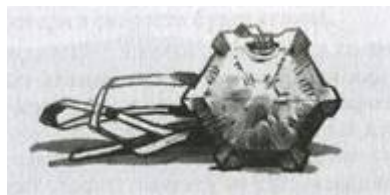
Средняя скорость вращения Земли вокруг Солнца составляет примерно 107000 км/час, что в десять раз превышает скорость ружейной пули. Она одна и та же для всех, кто находится на Земле.

С помощью калькулятора ты можешь сам вычислить скорость твоего вращения вокруг земной оси, где бы ты ни находился.

Набери в интернете название твоего города и слово «широта». Так ты узнаешь широту того места, где находишься.

Узнай косинус этой широты (набери на калькуляторе число, которое ты узнал в интернете, и нажми функцию $\cos$).

Умножь результат на 1674. Полученное число и есть скорость твоего вращения вокруг земной оси, измеренная в километрах в час.

Глава 13

Когда в гостиную вошел Том, Тристам сидел на диване. Он повесил мамин кулон себе на шею, заправив кристалл под свитер, и смотрел на портрет Миртиль, лежавший перед ним на низеньком столике. Глаза Тристама блестели, как будто он только что плакал.

— Ну и тип! — подойдя ближе, сказал Том. — Пялился на меня, пялился... Что ты ему рассказал?

— Все — и ему, и Зельде. Но он, похоже, не поверил. Ему странно, что нам с тобой удалось скрыться, а Миртиль — нет.

Том побледнел.

— Он наверняка считает нас трусами. А моего отца — ничтожеством.

— Не говори так! Мы же не знаем, что произошло на самом деле.

Но Том, в отличие от Тристама, хорошо знал, что должно было произойти. В последний вечер перед нападением тирана, спрятавшись рядом с домом Дрейков в рисовом поле, он слышал, что вместе с Тристамом должна была лететь Миртиль. А не он. Его отец не справился со своей задачей, и вполне вероятно, что причиной тому был он, Том. Он вспомнил, как полковника вели в наручниках, и у него все заныло внутри. Том опустил голову. Взгляд его упал на афишу, которую разглядывал Тристам.

Портрет показался ему знакомым, но он не сразу узнал Миртиль.

— Что-о? Они хотят ее убить? — закричал он. — Осталось всего четыре дня!

Кристалл под свитером Тристама налился ледяным холодом. Его зазнобило. Накопившийся гнев душил его, искал выхода. На мгновение он почувствовал, что наполняется мощью всех облаков, которые плыли над Белой Столицей. В каждой клеточке своего тела, в каждой жилке он чувствовал эту небывалую электрическую силу. Казалось, что стоит пожелать — и он сможет уничтожить ненавистного тирана, сможет повелевать дождями и ветрами. Нужно было сделать еще только одно усилие... В этот момент кристалл обжег ему кожу, и он пришел в себя, бледный, дрожащий, в полном изнеможении.

— Мы должны ее спасти! — проговорил Том, отчаянно надеясь сделать то, что не удалось его отцу.

— Конечно, — пробормотал обессиленный Тристам. — Лейтенант сказал, что будет думать.

— Но мы тоже можем подумать! Ты знаешь, где находится

Синти Таун?

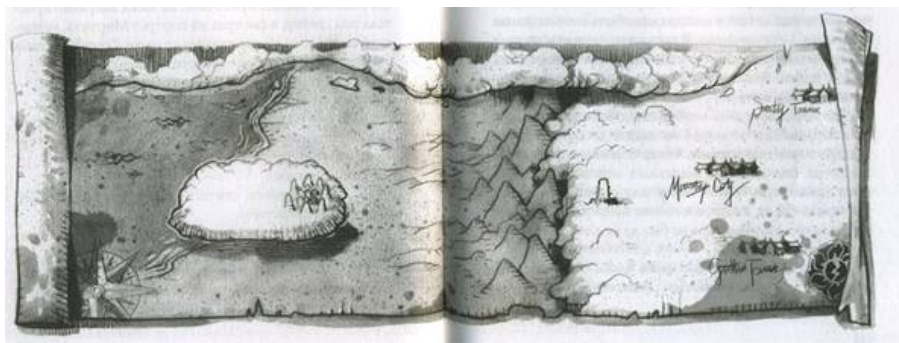
— Лейтенант сказал — в сутках пути отсюда.

Том посмотрел на Тристама, ожидая более точных указаний; он не замечал, что тот побледнел как простыня и весь дрожит.

— Что-то мне есть захотелось, — сказал Тристам, с трудом вставая, — все равно никак не могу собраться с мыслями.

Том посмотрел ему вслед и покачал головой. Тристам определенно не изменился: его способности сосредоточиться хватало на минуту-другую, не больше.

Том сдвинул афишу с портретом Миртиль и стал разбирать набросанные на столе карты. Нужно было выработать план действий! «Наверняка эти карты здесь не просто так лежат: в них должны быть необходимые сведения», — подумал он. К несчастью, легенды на всех картах были написаны на языке, которого он не знал. Кроме самой большой, обнаружившейся под остальными: ею был застелен стол.

На этой карте был изображен обширный регион, простиравшийся от морей на западе до границ королевства тирана на востоке. Белая Столица красовалась в центре. Вначале Том попытался отыскать у левого края крохотную белую точку над океаном, которая указывала бы на местоположение Миртильвиля... Безрезультатно. Миртильвиль не был даже внесен в реестр! Том сдвинулся вправо.

Вокруг Белой Столицы карта была закрашена зеленым и светлокоричневым цветом. Правее были изображены какие-то горы, тоже закрашенные коричневым.

«Наверное, это настоящие горы, — подумал Том, — вроде тех, что возвышаются над поверхностью Земли».

Почти всю правую половину карты покрывал слой белых облаков. Герб, нарисованный в углу, указывал, что здесь изображена западная окраина королевства тирана. Желтая башня обозначала ту недостроенную летающую крепость, о которой говорил Роб, один из полицейских. Она располагалась непосредственно за грядой скалистых гор. Далее, у правого края карты, можно было прочесть названия нескольких городов:

Гритлин Тауэр, Марстеп Сити... Синти Таун!

Этот город находился на северо-востоке, под сплошной белой полосой, пересекавшей карту от левого края до правого. Том имел самое смутное представление о скорости полета, но ему показалось, что Синти Таун расположен очень далеко — слишком далеко, чтобы они успели прибыть туда вовремя и спасти Миртиль.

— Смотри, что я нашел! — окликнул его Тристам.

Поглощенный расчетами, Том не заметил, как его друг вошел в гостиную, неся целую гору съестного. Рот Тристама был чем-то набит, но это не мешало ему широко улыбаться.

— Ты правильно понял? Лейтенант действительно надеется добраться до Синти Тауна за один день? — спросил Том.

Тристам сел на пол рядом с ним.

— Конечно. Да и кому знать, как не ему — он оттуда родом. А в чем дело?

Том, занятый вычислениями, не отвечал. Вскоре, однако, до него донеслись соблазнительные ароматы, и его мысли приняли совсем другое направление. Тристам уплетал за обе щеки с жадностью дикаря. Проголодавшийся Том тоже набросился на еду, и они мгновенно уничтожили все до последней крошки. Насытившись, оба ощутили полную неспособность двигаться и растянулись на полу. Лучи солнца, падавшие в окно, рисовали вокруг друзей светлые прямоугольники и согревали им ноги. Как долго они лежали молча? Во всяком случае, когда они заговорили вновь, солнечный свет уже не бил в окно гостиной.

— Ну что Зельда Хизер? — спросил Том. — Как она тебе?

— Супер! — воскликнул Тристам. — Она вернула мне пакет.

— Правда? И что там было?

— Мамин кулон.

— Тот самый, с которым она прилетела в Миртильвилль?

— Думаю, он.

— Можно посмотреть?

Тристам вытащил кристалл из-под свитера. Оба загляделись на радужный свет в его глубине, постоянно менявший окраску. Тристам вдруг почувствовал, что этот переливчатый блеск защитит его от всех невзгод.

— Что это? — пробормотал Том. — Почему он так сияет?

— Не знаю. Он меня только что обжег, — ответил Тристам, умалчивая о странной силе, которую при этом ощутил во всем своем теле.

— Лучше его спрятать, — посоветовал осторожный Том.

Тристам согласился и снова заправил кулон под свитер. В тот же момент входная дверь резко распахнулась и с громким стуком

захлопнулась.

— Дрейк! Бриггс! — закричал лейтенант. — Сюда! Живо!

Друзья услышали в коридоре грохот падающих книг, звон разбитого стекла... Они бросились к выходу. Лейтенант опрокидывал шкафы, устраивая перед дверью баррикаду из всего, что попадалось под руку, — он как будто наверняка знал, что больше сюда не вернется.

— Снегобой прочесывает поселок, — выпалил он, сдвигая один из шкафов к окну. — Ищет вас. Надо убираться!

Его было не узнать. Вялость, апатия бесследно исчезли — Вакинг снова был начальником полиции, отдававшим приказы.

— Выберите в подвале подходящую одежду, — велел он, протягивая Тристаму ключ. — Переоденьтесь. У нас пять минут, не больше.

— А куда мы пойдем? — спросил Тристам.

— Отставить разговоры! Делайте что я сказал!

Тристам и Том скатились вниз, отперли дверь и влетели в подвал. Автоматически включилось освещение, и они увидели ряды висевших на стене арбалетов. На полках в большом шкафу лежали сложенные стопками комбинезоны и белые перчатки; вдоль стены стояли шлемы и сапоги. Экипировки хватило бы на целый полк. Друзья вытянули комбинезоны поменьше и торопливо влезли в них.

Прыгая через ступеньки, по лестнице сбегал лейтенант, прижимавший к груди три больших рюкзака. Он бросил по штуке мальчикам.

— Солдаты уже рядом, — отрывисто сказал он, по-военному быстро натягивая комбинезон.

Он просунул руку за шкаф. Дощатая стенка повернулась на шарнирах, открывая лестницу, ведущую вниз. Вакинг спустился первым, Тристам и Том за ним. Они побежали гуськом по висячему мостику, протянутому под поселком. Дул ветер, все тонуло в тумане; было сыро и очень темно. Серая густая дымка скрывала от глаз поверхность Земли, лежавшей где-то далеко внизу.

Через каждые десять шагов из облачного потолка свисала веревочная лестница. По одной из них лейтенант вскарабкался наверх и открыл люк. Друзей ослепил дневной свет.

— Отсюда двигаться к ветряному валу. Там с разбега прыгайте между двумя красными фонарями, — приказал лейтенант и мгновенно пропал из виду.

Тристам и Том вскарабкались по лестнице и оказались на равнине, в нескольких сотнях метров от дома Вакинга. Из поселка по крутым улочкам скатывались и бежали к ним солдаты

снегобая.

Там и тут среди равнины стали распахиваться другие люки. Оцепеневшие Тристам и Том смотрели, как оттуда выпрыгивают люди лейтенанта и мчатся за своим командиром.

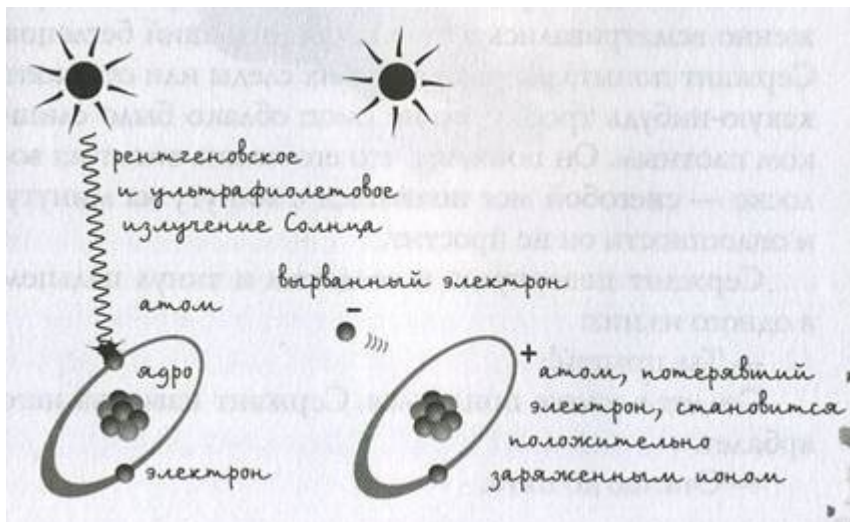
Мимо со свистом пронеслась арбалетная стрела, и это вернуло их к суровой реальности. Они сорвались с места и побежали в сторону ветряного вала, за которым виднелись громадные облака.

Атмосферное электричество

В атомах, из которых состоит окружающая нас материя, можно выделить ядро, несущее положительный электрический заряд. Вокруг ядра вращаются электроны, несущие отрицательный электрический заряд. Эти два заряда нейтрализуют друг друга, и в целом атомы электрически нейтральны. В противном случае наши тела были бы похожи на магниты.

Приближаясь к Земле, некоторые лучи космического происхождения (прежде всего рентгеновское и ультрафиолетовое излучение Солнца) сталкиваются с атомами нашей атмосферы и вырывают из них электроны. Эти электроны могут в течение некоторого времени свободно перемещаться и создавать помехи для радиоволн.

Теряя один или несколько электронов, атомы становятся положительно заряженными; такие атомы называются ионами. Ионами наполнен верхний слой нашей атмосферы, который носит название ионосферы. Она находится на высоте между 50 и 1000 км.

Лейтенант достиг края равнины первым. Он поставил у подножия двух наползавших друг на друга облаков красные фонари. Тристам и Том увидели, как полицейские из отряда лейтенанта разгоняются, прыгают между сигнальными огнями и исчезают в облачной мгле.

— Сюда! — проорал Вакинг, указывая на два красных пятна. — Прыгайте!

Не замедляя хода, Тристам и Том прыгнули. Их подбросил могучий порыв ветра. Барахтаясь в воздухе, они полетели вверх и вперед, а потом спланировали на твердую дорожку метрах в пятнадцати от вала. Сигнальные огни погасли; бойцы, затаив дыхание, ждали своего начальника. Наконец рядом приземлился Вакинг.

— Вперед! — крикнул он, распрямляясь.

Спецгруппа рванулась с места и растворилась в облаке.

Добежав до ветряного вала, солдаты тирана напряженно всматривались в туман, поглотивший беглецов. Сержант попытался разглядеть их следы или отыскать какую-нибудь тропку, но не смог: облако было слишком плотным. Он понимал, что его жизнь висит на волоске — снегобой мог появиться с минуту на минуту, и оплошности он не простит.

Сержант повернулся к солдатам и ткнул пальцем в одного из них:

— Ты, прыгай!

Солдат в ужасе попятился. Сержант навел на него арбалет.

— Считаю до пяти.

У несчастного не было выхода. Он разбежался и прыгнул. Но ему не повезло — он не попал на твердую поверхность по ту

сторону вала и полетел вниз с головокружительной высоты. Его дикий вопль потонул в реве ветра.

— Следующий! — скомандовал сержант, взяв на прицел другого солдата. — Там наверняка есть проход. И до появления снегобоя мы его найдем.

Густой туман, соединявший в себе, казалось, все оттенки серого цвета, окутывал Тристама, Тома, лейтенанта и его бойцов. Они гуськом бежали по дороге, вившейся в узкой долине между двумя колоссальными облаками.

Порывы ветра окатывали их мириадами мельчайших брызг, сорванных с рыхлых облачных склонов, которые, осыпаясь, покрывались уступами и бороздами. Цепочка беглецов, пробиравшаяся между двумя воздушными громадами, напитанными водяным паром, напоминала сейчас отряд торопливых муравьев. Если не считать небольших просветов вверху, сквозь которые проглядывала синева далекого неба, в этом сплошном сером мареве не было ни единого цветного пятна.

Тристам и Том бежали последними. Вдруг послышалось какое-то глухое потрескивание, заставившее друзей вздрогнуть.

— Что это? — съезжился Тристам, испуганно глядя на ходившие ходуном отвесные склоны облаков.

— ЛОЖИСЬ! — закричал лейтенант.

Из облака слева от них с треском вырвалась и тут же растаяла в яркой вспышке синяя электрическая дуга. Раздался оглушительный, невыносимой силы грохот.

Том обхватил голову руками: ему казалось, что планета раскололась пополам. Он не удивился бы, если б узнал, что присутствует при конце света. Но облако оставалось целым и невредимым; грохот стих.

— Встали, бежим! — крикнул лейтенант, и Том бросился за остальными.

Тристам остался сидеть на корточках, его трясло. Кристалл снова обжег ему грудь. В тот момент, когда небо выплеснуло свою ярость, он закрыл глаза, и перед ним явилось новое видение. Он увидел Землю целиком, как будто смотрел на нее из космоса, — всю, с омывающими ее воздушными течениями, с могучими, неудержимыми ветрами. На мгновение ему открылись красота и мощь Земли.

«Как же она прекрасна!» — подумал Тристам, открыл глаза и увидел спины быстро удаляющихся бойцов.

Мир исчез, потонул в пугающей, беловато-серой мгле. Но Тристам, хотя его еще била дрожь, не чувствовал страха. Он знал, что Земля с ним, что она его не оставит.

Из тумана вынырнул Том, который заметил отсутствие друга и вернулся за ним.

— Тебе плохо? — спросил он.

— Нет, наоборот, — ответил Тристам, чувствуя, как, вопреки опасности, его переполняет радость. — Пойдем!

Они быстро побежали по дороге, догоняя остальных. Облака заметно светлели, как будто суля конец испытаний. Свет становился ярче буквально с каждым шагом.

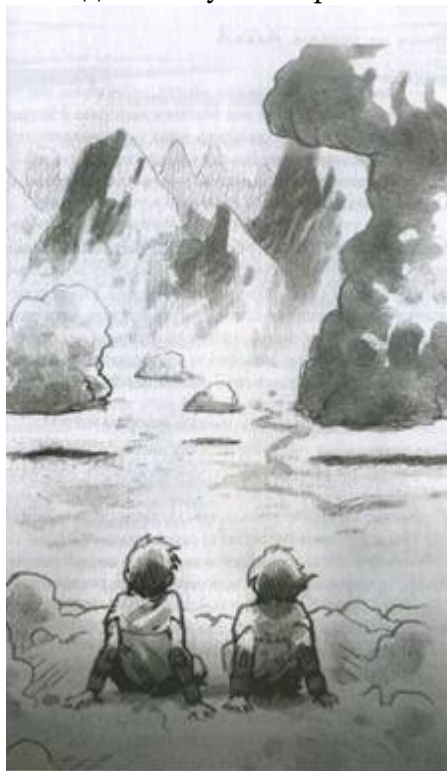
Внезапно туман рассеялся: друзья выбежали на чистое место и остановились.

Внизу под ними простиралась поверхность Земли.

Тристам широко распахнул руки, словно желая заключить в объятия этот необозримый простор.

— Ты только посмотри!

Том, у которого от увиденной красоты перехватило дыхание, не отвечал. Он тоже видел земную поверхность впервые в жизни.

Материк, лежавший внизу, заполнял все видимое пространство, вплоть до горизонта, где высились скалистые горы, прочерчивая отчетливую границу между пламеневшей в солнечных лучах Землей и глубокой синевой небес. Там и тут плавали одинокие облака. Иные напоминали небольшие клубы белого дыма, другие, гигантского размера, имели форму башен.

— Все это великолепие чего-то стоит лишь тогда, когда мы любимся им вместе с теми, кого любим, — раздался мрачный голос лейтенанта.

Бесстрастно наблюдая происходящее, он стоял у них за спиной, рядом с небольшим просветом в облаке. Теперь, когда побег близился к успешному завершению, бодрое настроение Вакинга снова сошло на нет.

— Взлет через несколько минут, — объявил он, — оставайтесь здесь, пока мы готовим машины. Никуда не отлучайтесь. И не свалитесь вниз — возможностей свернуть себе шею еще будет предостаточно.

— Мы оторвались от врагов? — спросил Тристам. — Они нас не догонят?

Вакинг утвердительно кивнул, потом отрицательно покачал головой. Да, оторвались. Нет, не догонят. Даже если солдаты тирана отыскиали тропу между облаками, они не смогли ею воспользоваться: Зельда Хизер перенаправила воздушные потоки от городской ветряной станции таким образом, чтобы разрушить эту тропу. К тому времени как снегобой и его люди вернутся назад и поднимут в воздух свои самолеты, беглецы улетят слишком далеко.

— Значит, вы возьмете нас в Синти Таун? — спросил Том, боявшийся, что лейтенант оставит их с Тристамом где-нибудь на полпути и отправится спасать Миртиль без них.

Вакинг кивнул — правда, не слишком решительно...

Том и Тристам радостно переглянулись.

— Бой — не самое веселое занятие, есть вещи и поприятней, — заявил лейтенант и, повернувшись, пошел прочь.

— Все-таки очень странный человек, — тихо произнес Том, глядя, как тот, отыскав в облаке какую-то незаметную расселину, скрывается в ней.

Друзья уселись рядом. Их глаза были устремлены на восток.

Ландшафт был похож на ткань, сшитую из разных кусков и расчерченную голубыми извивами рек и стекавших с гор ручьев. Том вспомнил карту, которую изучал в гостиной лейтенанта, ее раскраску. Он узнал это место и понял, где они находятся!

— Видишь вон те горы? — проговорил он, указывая рукой на горизонт. — За ними начинаются облака тирана.

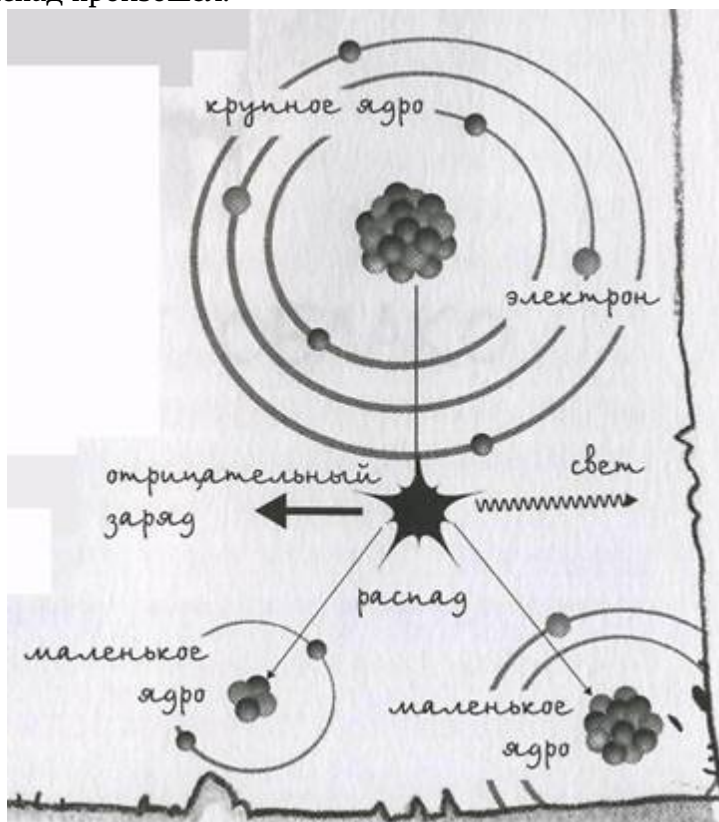
Электрические явления в почве

Ядра атомов, из которых состоит материя, похожи на шары, наполненные маленькими шариками, которые называются нейтронами и протонами. Бывает, что ядра раскалываются надвое и становятся шарами меньшего размера: в этом случае говорят о

распаде ядер.

Против ожидания, распад ядер не приводит к полному исчезновению атомов: он создает новые атомы, поменьше, и высвобождает отрицательный электрический заряд. Этот процесс происходит постоянно в окружающем нас мире и даже внутри нашего тела.

Это природное явление называется радиоактивностью, и предвидеть, где и когда будет происходить распад атомных ядер, невозможно. Зато можно узнать среднее число атомов определенного рода, которые претерпят трансформацию в течение заданного времени. Благодаря этому мы можем вычислять возраст некоторых объектов — скажем, растений или скелетов. Например, определяя число атомов углерода-14, распавшихся внутри объекта, можно вычислить время, за которое этот распад произошел.

Естественная радиоактивность сообщает поверхности нашей планеты отрицательный электрический заряд.

Часть третья

Грозное облако

Понукаемые солдатами, несчастные жители Миртильвиля брели навстречу новым страданиям по дороге, проложенной на поверхности ледяных облаков, паривших высоко над океаном. Сквозь туманную дымку можно было разглядеть далеко внизу кратер вулкана. От облака, где выросли Миртиль, Тристам и Том, не осталось и следа.

Принцесса со стянутыми за спиной руками бессильно наблюдала за происходящим из воздушного мотоцикла. Она не сводила глаз с колонны пленников. Среди них она увидела полковника Бриггса в окружении пяти вооруженных солдат, потом Лазурро — с опущенной головой и бледным, как облако у него под ногами, лицом. Там же была и г-жа Пиль, пытавшаяся хоть как-то утешить растерянных горожан.

Они прошли не более сотни метров, но было видно, что некоторые пленники уже сейчас измучены жестоким холодом.

С тяжелой головой, стараясь не слушать злорадную болтовню летчика, Миртиль искала в толпе г-жу Дрейк, Тома и Тристама. Мать Тристама, на которой не было наручников, стояла возле одного из самолетов, отвернувшись от снегобоя в развевающемся плаще: тот перегибался из кабины и, по-видимому, предлагал ей сесть с ним рядом.

Тристама и Тома не было нигде.

— Те, кто выживет, будут поголовно обращены в рабство, — рассуждал между тем пилот. — Им об этом очень скоро сообщат. И пусть благодарят твоего отца, бросившего их на произвол судьбы. Увидишь: через пару месяцев все пленники горько пожалеют, что не погибли раньше.

Миртиль изо всех сил старалась не разрыдаться. Нельзя терять мужество, она ведь решила разделить с жителями городка их судьбу. Она пыталась не винить ни в чем своего отца, но это было не так просто.

«По крайней мере, Том и Тристам сумели скрыться...» — подумала она, стараясь себя ободрить.

Летчик увеличил скорость, и колонна узников исчезла вдали.

Они летели над облаками и материками, миновали какую-то горную цепь, океан... Сколько часов длился полет? Потрясенная видом пленных миртильвильцев, принцесса утратила всякое представление о времени.

Долго, долго летели они над океаном, пока Миртиль не заметила в километре от земли странное одинокое облако, с

верхушкой в форме наковальни. Оно казалось подвешенным посреди неба. Проливной дождь падал из его темного плоского основания и яростно хлестал морскую поверхность.

— Тебе, должно быть, не терпится увидеть твоего нового повелителя, — ухмыльнулся пилот, готовя стрекозу к посадке на самый верх «наковальни». — Ничего, осталось совсем немного...

«Никогда он не станет „моим” повелителем, — подумала Миртиль. — Я и смотреть на него не стану».

На облаке высился замок, окруженный зубчатыми крепостными стенами и сверкавший в ясном дневном свете множеством огней. Замок был высечен из плотного прозрачного льда, укрепленного темными деревянными подпорами и балками.

Перед королевским дворцом был разбит великолепный парк с искусной системой подогрева. Среди деревьев виднелись роскошные павильоны. Несмотря на зловещие очертания облака, на котором была сооружена королевская резиденция, ничто здесь, казалось, не таило в себе угрозы, напротив — все дышало покоем.

Летчик посадил стрекозу перед светящимися воротами замка, которые вырисовывались на фоне бездонной небесной синевы.

— Прекрасный денек! — воскликнул он, привставая с места. Его просто распирало от радости.

Он потянулся и подмигнул Миртиль, которая по-прежнему неподвижно сидела сзади.

— Благодаря тебе я пойду на повышение! — мечтательно произнес он, расплывшись в улыбке. — Может быть, меня произведут в снегобои! Все-таки хорошо, что именно я нашел тебя! Повезло, что тут скажешь! Ну а ты как — готова к знакомству с твоим повелителем?

— Вы, я вижу, никак не можете наговориться, — отрезала принцесса.

Лицо пилота окаменело, верхняя губа задрожала от возмущения. Он схватил Миртиль, рывком вытащил ее из машины и швырнул на землю. Миртиль упала навзничь. С угрожающим видом он нагнулся к ней, но тут за спиной у них послышался ледяной скрип. Ворота отворились. Заиграли рожки, и свист ветра потонул в бравурном марше.

Сотни королевских стражников, выстроившись по обе стороны широкого красного ковра, один за другим вытягивались по стойке «смирно», создавая багряно-золотую волну, бежавшую от крепостных стен к парадной дворцовой лестнице.

Летчик грубо вздернул Миртиль на ноги и подтолкнул вперед.

С высоко поднятой головой она шла между рядами почетного караула, бросая презрительные взгляды на шагнувшего рядом человека, чье тщеславие казалось ей тошнотворным. Тот, видимо, не ожидал столь торжественного приема. Упиваясь своим триумфом, задрав нос и не глядя по сторонам, он шествовал к дворцу.

Миртиль дошла до лестницы и остановилась. Дальше идти она отказалась.

— Идет великий герой! — насмешливо сказала она пыжащемуся пилоту. — Ведет за собой грозного воина, с боем взятого в плен... Ваша матушка может гордиться своим сыном!

Глаза летчика гневно вспыхнули. Он стиснул челюсти: если бы никто не видел, он бы с радостью отхлестал наглую девчонку по щекам. Но в присутствии стольких свидетелей нельзя было себе этого позволить. В бешенстве он ухватился за веревку, которой была скручена Миртиль, и приподнял свою пленницу над землей, выворачивая ей руки. Миртиль скривилась от боли, но сдержала стон, чтобы не доставлять удовольствия своему мучителю.

Летчик поднялся по лестнице, держа Миртиль на весу, как поклажу, и отлично сознавая, что каждый его шаг доставляет принцессе чудовищную боль. Отпустил он ее только на верхней

площадке, когда остановился как вкопанный перед величественным порталом, потрясенный открывшейся картиной.

В самом деле, фасад замка был задуман так, чтобы внушать робость всякому, кто к нему приближался. Необычное сочетание дерева и льда действовало завораживающе. То, что издали представлялось утонченно-прекрасным, вблизи оказывалось пугающим. Два ряда исполинских ледяных колонн, тянувшихся по обе стороны от мрачного портала, поддерживали свод, из которого выступали деревянные балки, украшенные резными изображениям громадных хищных птиц. Казалось, эти чудища с острыми когтями и налитыми кровью глазами вот-вот оживут и набросятся на любого, кто посмеет подойти слишком близко.

Летчик невольно вздрогнул. А маленькая принцесса подумала, что, пожалуй, ей трудно будет тягаться с владельцем такого замка...

Ее конвоир нервно одернул мундир, подтянул сапоги. Он явно ожидал, что сейчас к нему выйдет знатный вельможа, а то и сам король. Двери медленно отворились, выпустив мажордома.

«Что, съел, бурдюк надутый! Так тебе и надо!» — подумала Миртиль.

Мажордом поклонился девочке и церемонно извинился: король примет ее несколько позже. Увидев, что руки Миртиль стянуты веревкой, он холодно посмотрел на летчика и произнес:

— Соблаговолите развязать гостью его величества!

Тот поспешно повиновался.

— Не угодно ли вашему высочеству проследовать за мной? — более не глядя на него, продолжил мажордом.

Миртиль перешагнула высокий порог, и за ней, оставив снаружи оторопевшего летчика, захлопнулись тяжелые двери.

Сотни мерцающих свечей освещали просторный вестибюль, целиком, от пола до потолка, отделанный тонкими деревянными инкрустациями. Направо и налево расходились коридоры, ведущие в дворцовые покои: приемные, гостиные, кабинеты, спальни.

Но Миртиль мало интересовал дворец и его убранство.

«Гостя его величества... Да, мажордом так и сказал: „гостя“». Наверное, спутал с кем-то». Вдруг ее взгляд упал на головы сов и филинов, развешанные на стенах.

— Какой ужас! — воскликнула принцесса.

— Все зависит от точки зрения, ваше высочество, — заметил мажордом. — Его величество находит эти чучела очень красивыми, он видит в них символ победы человека над природой.

— Но они же отвратительны!

— Сюда, пожалуйста.

Мажордом вел ее по переходам, одному, другому, третьему. Они пересекали просторные залы, поднимались по лестницам. Слуги, часто встречавшиеся на пути, молча склонялись перед ними в поклоне.

Наконец мажордом остановился перед массивной дверью и открыл ее перед Миртиль. Она робко вошла в большую комнату с высокими окнами, освещенную лучами вечернего солнца.

— Ваши апартаменты! — объявил мажордом. — В гардеробе вы найдете вечерние платья и туфли. Ужин будет подан в восемь часов. Я провожу вас.

Мажордом поклонился и вышел, притворив за собой дверь. Миртиль осталась одна.

Принцесса перестала что-либо понимать. Пленница она или нет? Она осторожно нажала на дверную ручку. Дверь не была заперта! Девочка выглянула в коридор. В нем не было ни души.

— В восемь часов... — машинально повторила она, как будто слова мажордома только сейчас дошли до нее. — Ужин? Так значит, я свободна?

Мысли Миртиль путались. Нужно было взять себя в руки, успокоиться, заняться чем-нибудь определенным. Она поискала глазами часы.

В центре гостиной стоял низенький стол из хрусталя, около него — диван и два кресла. К окну были придвинуты резной деревянный стол и старинное кресло, на них лежали пурпурные отсветы закатного солнца.

Часов не было.

Дверь справа вела в смежную комнату. Миртиль неуверенно постучалась.

Никто не отозвался.

Осторожно открыв дверь, она вошла. Это была спальня, добрую четверть которой занимала огромная, размером с гостиную в доме Бриггсов, кровать под балдахином. Здесь же стоял гардероб. Миртиль обошла кровать на цыпочках, как будто в ней кто-то спал. Кончиками пальцев прикоснулась к пологу, гардинам, покрывалу, мебели обивке. Все было таким мягким, теплым и — роскошным!

Принцесса открыла гардероб. На вешалках рядами висели шелковые платья, одно прекраснее другого. Она с восхищением притронулась к ним, но не осмелилась примерить хотя бы одно. Потом пробежала глазами по разноцветным вечерним туфлям, расставленным на полках. Ей стало не по себе, она опустилась на стул. Среди этого великолепия она в своей скромной юбочке

казалась себе единственно живой и реальной.

Вдруг она услышала тиканье часов. Миртиль нашла взглядом циферблат: было без десяти восемь.

Она сидела неподвижно и смотрела, как движется минутная стрелка.

Без пяти восемь.

В дверь постучали.

Девочка осмотрела свой мятый наряд и вскочила со стула. Она выхватила из шкафа самое простое платье, торопливо натянула на себя. Взяла пару лодочек без каблучков, переобулась и выбежала в гостиную.

Мажордом, стоявший у входа, поклонился ей с прежней церемонностью.

— Ваше высочество будет ужинать в обществе губернаторов, управляющих провинциями его величества, — провозгласил он. — Прошу следовать за мной.

Как атмосфера распределяет солнечное тепло?

Земля представляет собой шар, вращающийся вокруг оси «север — юг». Солнце освещает этот шар сбоку и поэтому больше согревает окрестности экватора, чем окрестности полюсов. Прежде чем вернуть энергию, полученную от Солнца, в космос, атмосфера распределяет тепло в пространстве, окружающем Землю.

Горячий экваториальный воздух поднимается высоко в небо, унося с собой на высоту до 17 км большое количество водяного пара. Поднимаясь, воздух охлаждается, и пар превращается в капельки воды. Поэтому в районе экватора так много огромных облаков и часто идет дождь.

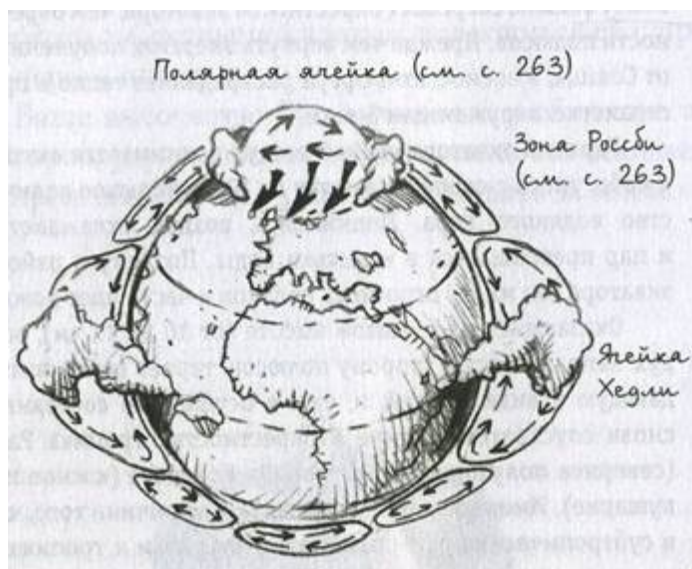
Оказавшись на большой высоте (от 10 до 17 км), воздух

направляется в сторону полюсов, теряет влагу, выпадающую в виде дождей, и, уже в осушенном состоянии, снова спускается к земле в окрестностях тропика Рака (северное полушарие) или тропика Козерога (южное полушарие). Именно этот сухой воздух — причина того, что в субтропических регионах (тех, что близки к тропикам) находятся пустыни и дожди там идут редко.

Спустившись, сухой воздух возвращается к экватору и порождает в непосредственной близости от поверхности земли ветры, которые называются пассатами. Эти ветры дуют постоянно. Они гонят корабли в направлении экватора. А поскольку Земля еще и вращается вокруг собственной оси, движение кораблей отклоняется к западу.

Итак, описанный цикл создает в атмосфере замкнутый контур воздушной циркуляции, распределяющий тепло: нагретый солнцем воздух поднимается над экватором, направляется к полюсам, потом спускается вниз в районе тропиков и возвращается к экватору.

Этот контур называется ячейкой Хедли

Глава 2

Стоя за своими стульями вокруг накрытого стола, гости оживленно беседовали в ожидании короля.

На длинном, тянувшемся через весь зал столе сверкали хрустальные бокалы, белоснежные фарфоровые тарелки и золотые приборы. Стены были украшены портретами родоначальников королевской династии.

Мажордом проводил Миртиль к ее месту в центре стола, между двумя снегобаями в плащах с уже знакомой вышивкой — снежными облаками. Среди гостей попадались и другие военные, но большинство были в цивильных костюмах.

«Губернаторы...» — подумала Миртиль. Ей показалось, что все эти господа и дамы, оказавшиеся вдали от своих облаков и, главное, от своих армий, чувствовали себя неуверенно и ожидали появления короля со страхом.

Во главе стола на возвышении стоял трон с высокой спинкой, украшенной королевскими гербами. На стене над троном висела большая картина, почти целиком скрытая пурпурным занавесом.

Появления Миртиль, судя по всему, не заметил никто, кроме одной на редкость полной дамы, которая выделялась своей прической из нескольких наложенных друг на друга шиньонов в форме облаков. Дама эта с удивлением посмотрела на пыльные и растрепанные волосы девочки.

Ударил гонг, и все замолчали.

В зал вошел мужчина. Гости склонились в глубоком поклоне.

Мужнина в белых одеждах, с наброшенным на плечи черным шелковым плащом направился к трону и сел. У него были красивые темные волосы, изящная ухоженная бородка и элегантные манеры. И держался он с поистине королевским достоинством.

Этому человеку нельзя отказать в своеобразном обаянии, подумала Миртиль, но с удивлением отметила одну странность — он казался и могущественным и бессильным, и счастливым и отчаявшимся, словно не мог сделать выбор в пользу какого-то определенного состояния и потому переживал их все одновременно.

Властным жестом король пригласил гостей садиться. Тут же стали вносить изысканные блюда, но это не изменило общего настроения: все держались скованно и разговаривали вполголоса, опасаясь вызвать неудовольствие монарха.

Справа от пышнотелой дамы, которая сидела напротив Миртиль, щедушный человечек, представившийся, как услышала девочка, губернатором Пильном, рассказывал о своих «революционных нововведениях в сельском хозяйстве». Даму с шиньонами нововведения соседа, видимо, интересовали мало, — в ответ она описывала облака своего родного края — провинции Утренней Зари, которая граничила с королевством Севера, где некогда правил отец Миртиль. Беседа дамы и губернатора явно не клеилась, но они сами, по-видимому, оставались вполне довольны ею и друг другом.

Как ни растеряна была принцесса, она все же с интересом прислушивалась к разговору своих странных визави. Из объяснений дамы она узнала, что небесные кристаллы льда имеют бесконечно разнообразные формы и превосходят красотой любые драгоценные украшения. Облака, состоящие из этих кристаллов, сверкают в лучах солнца, окруженные чудесными красочными ореолами. А еще она узнала, что там, на Севере, часто можно видеть облака, с быстротой калейдоскопа меняющие

цвет, — словно в какой-то поэтической фантазии. Облака эти необычны: они состоят не из воды, а из красок.

Увлеченная рассказом дамы, Миртиль не сводила с нее глаз, и когда та повернула голову, их взгляды встретились. Принцесса прочитала в ее глазах доброту, какой не чувствовала в других гостях, за исключением, быть может, щуплого соседа дамы. И тут Миртиль пронзила догадка, разом встряхнувшая ее: а что, если дама рассказывает про облака дальнего Севера именно для Миртиль? Может быть, дама и этот скучный губернатор знают, кто она? Может быть, они пытаются сообщить ей что-то?

Дама снова внимательно посмотрела на взлохмаченные волосы Миртиль, перегнулась через стол и обратилась к девочке. Оба снегобая, сидевшие по бокам от принцессы, тут же отложили свои приборы и прислушались.

— Милочка, вам, по-моему, совершенно необходимо заняться волосами! Что вы скажете? А может быть, и фигурой тоже! Кажется, не стоит налегать на пирог...

Миртиль залилась краской.

— Завтра утром к вам заглянет мой парикмахер. Он в две минуты приведет все в порядок... Ну, не в две, естественно, — дама вздохнула, — но так быстро, как только сможет.

Она снова окинула Миртиль взглядом и добавила с несомненным знанием дела:

— Вообще-то стоит отвести для этого всю первую половину дня...

От смущения Миртиль не знала, что ответить. Дама между тем перевела взгляд на руки Миртиль и, критически оценив состояние ее ногтей, уже собиралась продолжить, но тут в зале раздался хрустальный перезвон: кто-то стучал по бокалу золотым ножом.

Негромкое эхо медленно растаяло в воздухе, наступила мертвая тишина.

Стучал по бокалу король, хранивший молчание с самого начала трапезы.

Глава 3

— Дамы и господа, мои дорогие губернаторы, — начал он пугающим и вместе с тем бесстрастным голосом, — я хочу оказать вам высокую честь. Вы будете присутствовать при казни, которая заставит хорошенько задуматься всех, кто продолжает поддерживать бунтовщиков.

По залу прокатился испуганный шепот.

Тщедушный губернатор, сидевший напротив Миртиль, закашлялся. Его соседка начала дрожать. Снегобои с каменными лицами наблюдали за реакцией гостей.

— Среди вас есть предатели, — ледяным голосом произнес король. — Спецслужбы к настоящему моменту сообщили мне только одно имя, но можете не сомневаться: я выявлю всех врагов до единого. Это вопрос нескольких дней.

Раздались голоса:

— Государь, как вы могли подумать...

— Уверяю вас...

— Это не я, клянусь!

Человечек кашлял все громче. Король перевел на него взгляд.

— Ваше мнение, губернатор Пильн? Вы ведь не откажете нам в любезности и согласитесь послужить для этого собрания поучительным примером, не правда ли?

Между двумя приступами кашля человечек попытался что-то выговорить, но не смог, он лишился голоса.

— Уведите его! — приказал король.

Два солдата вбежали в зал, подхватили губернатора Пильна

под руки и поволокли прочь. Какое-то время кашель еще был слышен, потом смолк.

— Одним изменником меньше, — холодно заметил тиран.

Никто не шевельнулся. Никто не подал голоса. Все со страхом смотрели на свои бокалы, на всех лицах читалась одна и та же мысль: «Вино отравлено!»

— Продолжим, — сказал король.

Он перевел взгляд на Миртиль.

— Некоторые из вас имели несчастье встречать отца этой девочки, еще до того, как он трусливо скрылся. Этот ничтожный человек был тогда королем, но, увы, отвергал идею прогресса. Как известно, мне пришлось ради блага человечества сбросить его с престола.

Все глаза обратились к Миртиль.

— Его дочь находится здесь, чтобы положить конец мелким беспорядкам, которые еще нарушают спокойствие в бывшем королевстве ее отца. Она выступит с публичным заявлением о том, что переходит на мою сторону.

Подавленные гости с напускным энтузиазмом зааплодировали. Дама из провинции Утренней Зари тоже аплодировала, хотя лицо ее посерело и слезы стояли у нее в глазах.

— Не стоит и говорить, — уточнил тиран, — что в случае отказа ее ждет смерть.

Он поднял бокал, и все, кроме Миртиль, последовали его примеру.

— Да здравствует король! — зазвучал хор голосов.

Тиран не спеша осушил бокал и встал, показывая, что ужин окончен.

— Предатели — это отбросы общества, — с ледяным спокойствием заключил он, не сводя тяжелого взгляда с гостей. — Они будут до конца времен томиться в девятом круге ада. И я сам их туда отправлю — всех без исключения.

Король вышел из зала, гости продолжали сидеть за столом. Они натянуто улыбались, с опаской поглядывая на снегобоев — как бы те не заподозрили в них изменников! Вино они пить не решались: а вдруг и в их бокалах яд? Разговоры почти стихли. Казалось, все с нетерпением ждали возможности уйти. Миртиль видела, что у некоторых на лбу выступили капельки пота. Даже самые законопослушные радовались тому, что уцелели.

Миртиль посмотрела на даму с шиньонами: ее лицо было печально, она не могла оправиться от потери друга. Но глаза ее словно хотели подбодрить Миртиль, говоря: «Девочка, ты не одинока».

Принцесса хотела броситься женщине на шею, но справа и слева от нее выросли снегобои. Они вывели Миртиль из зала и молча проводили в отведенные ей покои.

— Его величество примет вас завтра, — сказал один из них. — В семь утра.

На этот раз дверь заперли снаружи. Совсем упав духом, Миртиль сбросила вечернее платье, надела свое старое платье и свернулась клубочком на огромной кровати. Упершись лбом в коленки и обхватив их руками, она чувствовала, как ее бьет дрожь.

Принцесса закрыла глаза. Ей казалось, что силы оставляют ее, и в эту минуту перед ней возник силуэт какой-то девочки.

Эта фигурка, вначале расплывчатая и почти прозрачная, словно из стекла, постепенно становилась все отчетливей. Внутри нее обращались разноцветные потоки: синие питали сердце, красные ветвились по всему телу.

Сердце Миртиль учащенно билось. Синие и красные потоки обращались все быстрее, и черты девочки начали проясняться

... Земля в опасности...

... Ты сама, должна распоряжаться своей судьбой...

... Девочка, ты не одинока...

В памяти принцессы всплывали голоса Лазурро, госпожи Дрейк и приветливой толстой дамы.

Лицо призрачной девочки приблизилось, ее губы шевелились.

Ты никогда не станешь на сторону тирана... никогда не смиришься со злом, которое он творит... Ты вернешь свое королевство и будешь беречь и охранять Землю...

Внезапно принцесса узнала девочку. Это была она сама! Задышавшись, вся в поту, она открыла глаза.

Миртиль почувствовала, что ее собственная воля управляет ею как марионеткой. Она попыталась распрямиться: вытянулась на кровати и набрала воздуха в легкие. Ей казалось, что ее тело излучает свет. Обессиленная, она снова закрыла глаза, но ни подавленности, ни страха уже не было. Она была спокойна и больше не дрожала.

Миртиль попыталась еще раз увидеть девочку-двойника, но ей это не удалось. Прозрачную фигурку вытеснил образ Тристама, который теперь был рядом с нею: они вместе уходили все дальше и дальше — в царство сновидений.

Как атмосфера распределяет солнечное тепло?

В каждом полушарии существует еще один контур воздушной циркуляции, во многом похожий на ячейку Хедли. Именно он, наряду с прочими факторами, является причиной дождей, которые нередко выпадают на западе Европы, включая Францию. Контур этот называется полярной ячейкой. Полярная ячейка создается теплым и влажным воздухом, поднимающимся в небо на высоту 8-10 км в окрестностях шестидесятой широты (что отвечает уровню севера Франции или Санкт-Петербурга в России). Из-за этого здесь, как и на экваторе, часто идут дожди, однако грозы в этих местах не так жестоки, потому что облака уступают в размере тем, что образуются в экваториальной зоне.

Поднявшись вверх, теплый воздух направляется к Северному полюсу, где спускается вниз уже в сухом виде. Поэтому на Северном полюсе выпадает очень мало осадков: он, как и Южный, представляет собой ледяную пустыню.

Спустившись вниз, холодный воздух направляется от Северного полюса к югу, где согревается, насыщается влагой и снова поднимается вверх.

Полярная ячейка и ячейка Хедли разделены зоной турбулентности, которая вращается вместе с ними и позволяет тепловому воздуху распространяться от экватора к полюсам. Эта зона турбулентности порождает западные ветры, дующие в средних широтах. Она называется зоной волн Россби.

Если бы этих трех ячеек не было, на экваторе было бы гораздо жарче, а на полюсах — гораздо холоднее. Именно они по большей части определяют климат во всех районах планеты. Они же являются источником струйных течений (см. струйные течения).

Глава 4

Без двадцати семь Миртиль открыла глаза и увидела над собой шелковый балдахин. Она не понимала, что произошло ночью, но чувствовала, что к ней вернулись силы.

Она встала и вышла из спальни.

За окном гостиной начинало светать. Небо наливалось светлой, с прозеленью, синевой, заволакивающей космос и звезды.

В случае отказа ее ждет смерть.

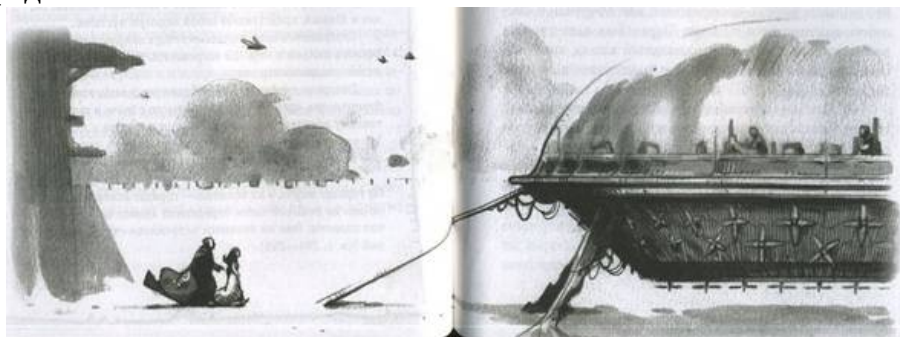
Слова короля означали только одно.

«Я никогда не стану на его сторону, — думала принцесса — Лучше умереть».

Она открыла окно, и в комнату хлынул прохладный воздух. Ветерок ласкал лицо, руки, ноги. Призрачный мир ночных видений смешивался с реальностью.

Когда комнатные часы пробили семь, кто-то сдвинул дверной засов и постучал.

Не переодеваясь, в чем была, Миртиль вышла из комнаты и молча последовала за снегобом. Они прошли по коридорам, в которых пахло свежей мастики, и спустились по лестнице, ведущей к внутреннему двору. Снегобой отпер небольшую дверь, уже нагретую лучами солнца, и они вышли на летное поле, простиравшееся вплоть до ледяных стен замка. Сотни грозных воздушных мотоциклов, один внушительнее другого, выстроились рядами.

Снегобой направился к странному летательному аппарату, стоявшему на длинных металлических распорках. Это была круглая деревянная платформа с панорамной стеклянной крышей — она была бы похожа на большую сырную доску, если бы не множество небольших пропеллеров снизу.

Посреди платформы колдовал над пультом управления летчик. Вокруг пульта были расставлены комфортабельные

кресла; все они пустовали, если не считать одного-единственного, обращенного лицом к пилоту. Его занимал король, смотревший, как Миртиль и снегобой поднимаются на борт. Тиран был одет так же, как накануне вечером. Его холодный взгляд, казалось, был способен заморозить даже плясавшие в воздухе пылинки.

— Садись, — приказал он. — Я тебе кое-что покажу. Иначе, боюсь, твой детский ум подскажет тебе глупое решение.

Миртиль направилась к креслу. Если бы она не была свидетельницей расправы вчера за ужином, то никогда бы не подумала, глядя на лицо тирана, что видит перед собой жестокого монстра.

Король повернулся вместе с креслом:

— Взлетаем!

Пропеллеры под платформой начали вращаться. Машина пошла вверх, и замок внизу стал быстро уменьшаться в размерах.

Они летели на запад, оставляя позади восходящее солнце и облако с королевской резиденцией.

— Чего вы от меня хотите? — спросила Миртиль, когда облако скрылось из виду. — Вы меня сбросите в океан?

Король расхохотался.

— Посмотрим! Я не злодей!

— А отравить гостя — это как по-вашему называется?

Король подался вперед; его неподвижный взгляд заставил принцессу похолодеть.

— Предатели — презренные существа. Они заслуживают самого жестокого наказания. Впрочем, готов признать: то, что твой отец стал предателем, не значит, что ты такая же. Пока, во всяком случае, я не могу этого сказать.

— Мой отец разоблачил ваши козни! И вы его уничтожили. Это вы предатель, а не он! Вы предаете людей. Но еще хуже то, что вы предаете Землю.

Король, казалось, не понял ее.

— О чем ты?

— О вашем тайном оружии — изменении климата, — ответила Миртиль. — Я все знаю.

— Изменение климата, — медленно повторил тиран, откинувшись на спинку трона. — Вот что... Значит, даже ты, выросшая вдали от мира, на своем смехотворном облаке, что-то об этом слышала. А ты представляешь хоть отдаленно, что это такое? Или как автомат повторяешь чужие слова?

— Я знаю, что изменение климата пугает птиц, — не сдавалась Миртиль. — Я знаю, что вы убийца.

— Ничего ты не знаешь! — отрезал тиран. — Ты пешка. Нуль без палочки. И вообще ты существуешь только потому, что я

тобой разговариваю.

Под их ногами до самого горизонта простирался океан. Они пролетели мимо нескольких низких одиночных облаков, направляясь туда, где далеко в вышине все небо затягивала сплошная пелена. Пилот сбросил скорость и изменил курс: теперь они двигались вертикально вверх.

— Ты слышала, что я сказал вчера, — вновь заговорил деспот. — Выбирай.

Миртиль готова была ответить, что выбор сделан уже давно, не один год назад, но тиран знаком остановил ее.

— Ты сохранишь свои покои во дворце. Тебе все будут завидовать, — сказал он.

Миртиль ничего не ответила.

— Уверен, захудалой принцессе без трона найдется чем поразвлечься в моем замке. Тебя ждет сказочная жизнь. Разве не об этом мечтают все девчонки? И кто знает — возможно, в один прекрасный день ты вернешь себе королевство, которое утратил твой отец.

Миртиль невольно прислушивалась к его словам, Может быть, он говорит правду? Но ведь совсем не такого будущего она желала бы для себя!

Она вспомнила, что чувствовала, встретив мать Тристама. Вот какой ей хотелось быть — похожей на нее, красивой, нежной, женственной! Должно быть, прежде чем оказаться в Миртильвиле, г-жа Дрейк занимала высокое положение и жила в замке. Она наверняка научила бы Миртиль держаться так, как подобает настоящей даме.

Думая о г-же Дрейк, Миртиль вспомнила облако, где выросла, и слова конвоира о рабстве, ожидавшем ее народ. Она представила себе своего отца, которого никогда не видела: быть может, сейчас, израненный, он страдал где-то на Земле. Она подумала и о Тристаке, с которым, вероятно, больше никогда не встретится.

Тиран уже разрушил ее жизнь. Много ли свободы он ей оставил? Почти никакой: разве что выбирать между позором и смертью. Миртиль стиснула кулаки: никогда она не станет на его сторону! Она поступит так, как сказала призрачная девочка.

Дворцовые покои, роскошная мебель, одежда — все это в ее глазах ничего не стоило. Она готова была умереть, только бы не оказаться в одном лагере с гнусным выродком. А после ее смерти сторонники короля Севера найдут себе другого достойного предводителя, каким в прошлом был ее отец.

— На твоем лице все написано, можешь ничего не говорить, — проговорил тиран.

С блуждающей улыбкой на губах и помутившимся взором, он наклонился к ней. Он казался сумасшедшим, который наслаждается своим безумием. Не сводя с нее глаз, тиран указывал рукой на океан, между тем как машина продолжала подниматься в небесную высь.

— Потому-то я и привез тебя сюда. Подумай о своем будущем. Уверен: ты и сама поймешь, что выбора у тебя нет.

Глава 5

— Видишь ли, — тиран откинулся в кресле, — людям хочется получать от жизни удовольствие. Они хотят ездить и летать, отапливать свои дома, производить всякую всячину, которая, считается, им необходима, — а для всего этого нужна энергия. Я снабжаю их все большим и большим количеством энергии и настолько приучил их к этому, что они уже не могут без нее обойтись. К счастью, им не нравятся ни ветряные мельницы, ни ветряные двигатели — на их взгляд, все эти вертушки слишком сильно шумят и портят пейзаж. Людям нравится нефть, газ, уголь... И знаешь что? Меня это вполне устраивает.

Летающая платформа застыла в небе. Облака под нею полностью скрыли из виду океан, образовав белый диск, медленно вращавшийся против часовой стрелки.

Потом диск превратился в колоссальную спираль, которая начала смещаться к западу.

— Вполне устраивает, — повторил тиран. — Потому что при этом в атмосферу день за днем, месяц за месяцем выбрасываются тонны газа — и так годами. Понятно тебе? Разумеется, я становлюсь богаче, но дело не только в этом. Главное — это

приближает меня к моей цели! Ведь подобные выбросы позволяют накапливать в атмосфере солнечное тепло. Людей не раз предупреждали о последствиях того, что происходит, но они пропускают предупреждения мимо ушей. Они хотят жить сегодняшним днем: им решительно наплевать на то, что будет через сто лет.

— Вы с ума сошли, — прошептала Миртиль.

Как будто не слыша, тиран продолжал:

— Но все это может обрушиться им на голову не через сто лет, а намного раньше, — вот чего люди не знают! Когда нагревается воздух, растет температура воды в океане. И тогда легче образоваться вон той штучке.

Он указал пальцем на гигантскую белую спираль, перемещавшуюся в небе. В ее центре только что появилась дыра.

— Что это? — спросила Миртиль, охваченная недобрým предчувствием.

— Некоторые называют это природное явление тропической бурей, другие — тайфуном, циклоном или ураганом. Не думаю, что твой умишко может постигнуть его механизм, но позволь тебя заверить: эта прелестная вещица обладает чудовищной силой. Она приносит с собой град, молнии, лютый ветер, смерчи. Она разрушает все на своем пути и превращает Землю в настоящий ад. Чудесно, чудесно!

Принцесса ужаснулась гримасе, искажившей лицо деспота. Едва слышно она повторила:

— Вы сошли с ума.

— К сожалению, над сушей эти явления не бывают продолжительными. Циклоны подпитываются океаном. Но если атмосфера нагреется, они накопят дополнительную энергию и смогут продвигаться все дальше вглубь материков. Я делаю для этого все необходимое, но и люди мне помогают, — каждый, кто забывает выключить свет, кто расходует энергии больше, чем нужно. Циклоны уже сейчас стали куда более мощными, чем раньше.

Тиран встал и подошел вплотную к Миртиль.

— Изменение состава атмосферы идет ускоренными темпами, и никто не может этому помешать. Все, что сейчас выбрасывают в воздух, будет сказываться и через тридцать, и через пятьдесят, и через тысячу лет! Впрочем, кому есть дело до будущего?

— Детям! — возразила Миртиль.

— Да. Это забавно, — усмехнулся тиран, и его глаза потеплели. — Вопиющая несправедливость! Взрослые бранят детей за пустячные провинности, хотя настоящие ошибки — катастрофические и непоправимые — совершают как раз они, а

вовсе не дети.

Миртиль оторопела: от такого чудовища никак нельзя было ожидать подобных рассуждений.

— Так почему же вы не пытаетесь предотвратить катастрофу, раз вы все понимаете? — не сдержалась она.

— А зачем вступать? — оскалась, воскликнул тиран. — Почему не попользоваться чужой глупостью? Почему не попытаться стать сильнее всех в мире?

Король был опасен не менее, чем бушевавший в небесах циклон, который охватил уже десятки тысяч квадратных километров.

Миртиль со страхом подумала о том, что будет с Землей, когда тиран сумеет насыщать такие бури на внутренние области материков.

— В сущности, — назидательно добавил деспот, — большинство циклонов имеют естественное происхождение. Я вижу, тебя интересуют проблемы климата... Так вот: циклоны необходимы для поддержания равновесия на нашей планете, потому что они переносят энергию и воду из одного места Земли в другое.

— Они необходимы, когда возникают естественно, — ответила Миртиль, — а не когда их создает или ставит себе на службу какой-нибудь безумец.

— Верно, — улыбнулся тиран. — Будем надеяться, ни одному безумцу не удастся овладеть такой технологией.

Он поднял руку и приказал пилоту:

— Урок окончен! Летим домой!

Аппарат развернулся и начал спуск. Он достиг слоя перистых облаков, прошел сквозь него и взял курс на восток.

Они были на полпути к замку, когда тиран, резко обернувшись к Миртиль и устремив на нее ледяной взгляд, так что она вздрогнула, заговорил снова:

— Ты знаешь, что в случае отказа перейти на мою сторону ты умрешь. Но ты не знаешь другого: твоя казнь станет мышеловкой. Это будет удачный ход! К тому же я, наконец, испытаю свое новое оружие. Циклоны, к сожалению, я еще не научился использовать. Но у меня есть другое, очень недурное изобретение. Ваши добряки наверняка ринутся тебя выжывать, и тут... хлоп! хлоп! мы их всех перебьем, как мух. Подумай об этом...

Миртиль помертвела. Г-жа Дрейк действительно говорила, что сторонники отца попытаются ее спасти... Тиран не ошибался.

А ведь против каждого мятежника король мог выставить не менее ста солдат. Сердце принцессы сжалось. У нее и в самом деле нет выбора. Чтобы предотвратить гибель людей, ей придется

подчиниться.

До самого приземления никто не проронил больше ни слова.

Когда машина совершила посадку на летном поле и тиран поднялся, чтобы уйти, Миртиль, едва разжимая губы, произнесла:

— Хорошо.

— Громче!

— Я сделаю то, что вы хотите. Вы победили.

— Ты передумала?

— Да... Передумала.

Тиран помолчал, о чем-то хмуро размышляя.

— Гм, недурно! Только идиоты никогда не меняют решений.

Вдруг что-то безумное снова сверкнуло в его глазах.

— Ну что ж, подтвердим еще раз народную мудрость, — продолжал он. — Я тоже передумал. Ты милая девочка, не спорю, но ты мне надоела. Зачем ты мне? Для меня удобнее тебя убить, а заодно покончить с последними смутьянами. Так куда лучше. И у меня есть где поставить западню... Вот только какое место выбрать... Сейчас, сейчас... О, это увлекательно... Отлично! Придумал, придумал!

Тропические циклоны

Циклон — огромный вихрь влажного (и поэтому облачного) воздуха, возникающий над тропическими и субтропическими зонами океана.

Для возникновения циклона нужно:

- чтобы часть воды в океане прогрелась хотя бы до 27°C в поверхностном слое по меньшей мере пятидесятиметровой толщины;

- чтобы эта зона находилась на расстоянии по меньшей мере 500 км от экватора;

- чтобы температура воздуха с увеличением высоты достаточно быстро падала;

- чтобы воздух на высоте 5000 м был влажным;

- чтобы ветер на поверхности воды и наверху, в тропосфере, имел примерно одинаковую скорость (около 40 км/час);

- чтобы на поверхности воды зародилось небольшое возмущение, которое и запускает процесс образования облаков.

Если эти условия соблюдаются (что бывает около пятидесяти раз в год), вода испаряется в столь больших количествах, что над океаном появляются громадные грозовые облака высотой в несколько километров и шириной в несколько сотен километров.

В северном полушарии — из-за того, что поверхность Земли

вращается на севере медленнее, чем на юге, — эта облачная масса, покрывающая колоссальную площадь, принимает форму спирали, которая начинает перемещаться, вращаясь вокруг собственной оси в направлении против часовой стрелки.

Внутри спирали циклона возникают очень сильные ветры, скорость которых порой превышает 200 км/час. Исключение составляет центр циклона, называемый «глазом», — внутри него царит полное затишье, там нет ни ветра, ни облаков.

Циклон может поднимать уровень моря на несколько метров и обрушивать на берега разрушительные волны.

Двигаясь над океанами, циклоны подпитываются испаряющейся теплой водой и набирают все большую мощь. Проходя над каким-либо островом или материком, они теряют энергию и постепенно гаснут.

Циклоны обладают такой силой, что просчитать траекторию их движения крайне трудно: они непредсказуемы.

Названия «тропический циклон», «тайфун» и «ураган» означают одно и то же природное явление. В разных регионах используются разные названия:

- в Тихом и Индийском океане — «тропический циклон»;
- на Дальнем Востоке и в Индии — «тайфун»;
- в Северной Атлантике и на северо-западе Тихого океана — «ураган».

Согласно оценкам ученых, циклон ежесекундно высвобождает энергию, эквивалентную нескольким (до десяти) зарядам атомной бомбы, сброшенной в конце второй мировой войны на японский город Хиросиму.

Тропические циклоны классифицируются в соответствии со средней скоростью вызываемого ими ветра (максимальная скорость может быть гораздо выше).

Категория 1: от 118 до 153 км/час

Категория 2: от 154 до 177 км/час

Категория 3: от 178 до 209 км/час

Категория 4: от 210 до 249 км/час

Категория 5: свыше 250 км/час

Бури, которые порой проносятся над Европой, возникают в результате столкновения теплых и холодных воздушных масс. Хотя эти бури могут стать причиной разрушений, они не идут в сравнение с тропическими циклонами, гораздо более мощными и опустошительными.

Глава 6

Том и Тристам смотрели, как над Землей вереницей плывут облака; казалось, что все они разложены на огромном натянутом в небе полотнище.

Том указал на облако вдалеке, возвышавшееся над остальными.

— Видишь вон то облако — с верхушкой, как наковальня?

— Угу, — кивнул Тристам.

— Это самое большое из известных людям облаков, кучево-дождевое. И самое мощное. Такие облака бывают километров десять в высоту, а то и больше! И воды в нем столько, что оно запросто может устроить потоп на Земле или побить там все сильнейшим градом.

— К счастью, мы живем не на Земле! — воскликнул Тристам.

Не слушая, Том продолжал:

— Помнишь, Лазурро нам рассказывал, что существуют электрические токи, которые все время циркулируют вокруг нас в атмосфере?

— Разве?

— Ну да. В тот день, когда он говорил о космосе и о Земле.

— А, тогда...

— Ты помнишь хотя бы, что Земля — это шар, движущийся в космосе? — не отставал Том.

Тристам возмущенно посмотрел на друга, и тот поспешил добавить:

— Ну ладно, ладно! Я просто спросил... С тобой ведь никогда не знаешь...

— Говори, я слушаю, — вздохнул Тристам.

— Космос наполнен лучами, которые испускает Солнце, ну и другие звезды. Лучи врезаются в атмосферу, километрах в ста от поверхности Земли, и от этого столкновения образуются ионы.

— Ционы?! Смешное слово!

— Да не ционы — ионы! Положительно заряженные частицы.

— И что?

— А то, что из-за них в воздухе есть положительный заряд. А Земля заряжена отрицательно. Заряды перетекают от отрицательного полюса к положительному, из почвы в небо. Но этот электрический ток слишком слабый, мы его не чувствуем. Правда...

Том замолчал и снова посмотрел на белую наковальню.

— «Правда» — что? — спросил Тристам.

— Надо же, заинтересовался!

— Том! Не начинай!

— Хорошо. Когда идет дождь или град или поднимается сильный ветер, воздух могут пробить очень мощные разряды, опасные для жизни.

— Не хотелось бы! — воскликнул Тристам.

— Да это происходит все время, старина, сто раз в секунду.

— Ты что, смеешься?

— Нет.

— Ну и где это происходит — сто раз в секунду?

Том вновь указал рукой на плывшее вдали гигантское облако.

— Внутри вон таких облаков. Знаешь, что это за разряды?

Тристам недоуменно пожал плечами.

— Молнии!

В этот момент Тристаму показалось, что из далекого облака вырвалась светящаяся дуга.

— Слушай... — забеспокоился он, — а сюда она не может ударить? Прямо в нас?

— Не бойся! Это облако слишком далеко, волноваться нечего... А позади нас гроза уже кончилась.

— То есть как это — позади нас? — поежился Тристам, чувствуя, как они незащищены.

Он обернулся и посмотрел на верхушки двух громадных облаков за их спинами — ни та, ни другая нисколько не напоминали наковальни. И вдруг он понял!

— Черт! Та дуга! Она сверкала! Это же была молния!

— А грохот, который мы слышали потом, — спокойно заметил Том, — был громом. Внутри молнии температура достигает тридцати тысяч градусов, воздух вокруг сильно нагревается, и мы слышим: ТАРАХ-ТАХТАХ!

Тристам вскочил как ужаленный, чтобы бежать к расселине, где скрылись лейтенант со своими бойцами.

— Знаешь, я читал, что есть такой способ... — безмятежно продолжал Том. — Там было про волосы... что если правильно себя вести...

— А что — волосы? Как — вести?

— Если ты видишь в небе огромные облака и чувствуешь, что у тебя волосы встают дыбом, нужно сесть на корточки, так чтобы пятками касаться земли. А ложиться нельзя.

— Почему?

— Чтобы молния не убила, дубина!

Тристам быстро снял шлем и присел на корточки.

— Так? Ну, что у меня там с волосами?

— Ничего особенного, торчат как обычно, — оценил Том, в свою очередь снимая шлем. — А у меня?

- А у тебя лежат.
- Ты посматривай на них все же...
- Может, лучше спрячемся?

В два прыжка друзья очутились в расселине — точнее, в гроте, вырытом внутри облака. Его стены были затянуты металлической решеткой.

От удивления Том и Тристам застыли. Весь грот был заполнен летательными аппаратами, между которыми сновали люди Вакинга. Эти машины казались более маневренными, чем стрекозы, у них была одна пара крыльев и длинный хвост. Они скорее походили на ласточек.

— Нужно улетать отсюда! — воскликнул Тристам. — В нас вот-вот ударит молния!

— Здесь не ударит, — заверил его один из полицейских. — Видишь?

Он указал на решетку.

— А что, этого достаточно?

— Вполне. Более надежной защиты не существует.

— Тогда другое дело, — сразу же успокоился Тристам.

Лейтенанту доложили, что машины готовы к взлету.

— А где моя? — спросил Тристам.

— Ты полетишь со мной, — ответил Вакинг.

— Но управлять буду я, да?

Вакинг не счел нужным отвечать, а Том громко рассмеялся.

— Ты чего? — насупившись, спросил Тристам.

— А ты чего? Ведешь себя как маленький...

Лейтенант хмуро посмотрел на них:

— Подойдите оба! Повторять не буду, так что слушайте внимательно. Вы находитесь со мной — значит, вы участники операции, я — ваш командир. Я приказываю — вы выполняете. Обращаться ко мне «господин лейтенант». Ясно?

— Ясно, господин лейтенант.

— То-то. Ослушания и пререканий я не потерплю. Это тоже ясно?

Друзья закивали.

— Иногда можно будет расслабиться, — добавил он с унылой миной. — Время от времени не грех и повеселиться. Это снимает напряжение.

Тристам и Том едва сдержали нервный смех: похоже, это говорил человек, не улыбнувшийся ни разу в жизни!

Вакинг повернулся к отряду. Полицейские, разбившись на двойки, стояли возле ласточек. Только у Роба, выводившего ребят из тюрьмы, не было напарника. Он поманил к себе Тома.

— Готовы? — спросил лейтенант.

— Л1 готова к полету. Л2 готова к полету... — один за другим докладывали пилоты. — Л11 готова к полету.

— Завести двигатели!

Пещеру наполнил оглушительный рев.

— Пассажирам занять свои места!

Том уселся за спиной Роба. Тот показал ему, как пристегнуть ремень безопасности и отладить систему подогрева внутри комбинезона. Сквозь треск в наушниках Том услышал, как пилоты поочередно рапортуют о готовности.

— Машины на взлет! — скомандовал лейтенант, еще не занявший места в кабине.

Тристам стоял рядом с ним.

Воздушные мотоциклы один за другим покидали ангар. Когда гул двигателей стих в отдалении, Вакинг повернулся к Тристаму.

— Ради спасения Миртиль многие погибнут. Но они так и так погибнут, разница невелика — здесь или в другом месте. Судьба у всех одна.

От слов лейтенанта Тристаму стало не по себе. «Какой угрюмый тип!» — подумал он.

— Повторю то же, что сказал мэру: эта операция — самоубийство. Мы высадим тебя и твоего друга в безопасном месте еще до...

— Нет! Мы будем с вами до конца... — перебил Тристам, поспешно добавляя, — господин лейтенант!

Но побледневший Вакинг как будто не слышал. С необычайной ясностью он увидел страшную правду: нет такого конфликта, такого кровопролития, в которое не были бы втянуты дети, в котором они не становились бы жертвами.

В том мире взрослых, где жил до сих пор лейтенант, было принято восторгаться героизмом солдат, их подвигами ради победы добра над злом, но не было принято вспоминать о мрачных сторонах войны.

А дети устроены иначе.

Дети сочувствуют страданиям других детей, даже если те живут далеко и говорят на другом языке.

И вот теперь перед Вакингом стоял мальчишка, готовый сражаться до конца, чтобы спасти свою подругу, и прямо смотрел ему в глаза.

Вакинг, хоть и неохотно, но должен был признать, что юному Дрейку отведена особая роль в грядущих событиях. Вряд ли полковник Бриггс просто оплошал, как подумали эти мальчишки. И успешное бегство Тристама, скорее всего, не было случайностью. Тут крылось что-то, чего он не знал...

— Хорошо, — заключил лейтенант. — Вы останетесь с нами.

Довольный Тристам разместился на заднем сиденье и пристегнул ремень. Заработала система радиосвязи. В шлеме Тристама зазвучали голоса.

— Том, это ты?

— Да! Ты меня слышишь?

— Отлично слышу. Ты где?

— Лечу вместе с Робом. Вид потрясающий! Земля такая большая, просто с ума сойти! А ты? Где ты?

— Мы вылетаем. Скоро вас догоним!

Ласточка лейтенанта плавно приподнялась и выехала из ангара. Спустя несколько секунд они уже летели высоко над Землей.

— Говорит лейтенант Вакинг... Голоса в наушниках смолкли.

— Пункт сбора — плато под третьим пиком Орлиного хребта. Л3, Л4, Л5, Л6 и Л7: идти сзади, прикрывать от воздушных патрулей. Всем остальным двигаться к заданной точке, не отклоняясь от курса.

— Есть!

Далеко впереди пятерка машин ушла вправо, другие воздушные мотоциклы продолжали следовать прежним курсом, направляясь к цепи горных вершин. Тристам оглянулся: патрули снегобоя могли появиться с минуты на минуту.

— Тристам! — окликнул его Вакинг.

— Да, господин лейтенант?

— Научить тебя пилотировать машину?

Молния

Между поверхностью Земли (несущей отрицательный электрический заряд) и верхними слоями атмосферы (несущими положительный электрический заряд) постоянно циркулирует поток электронов.

Поток этот всегда направлен от Земли к небу, за исключением тех случаев, когда особенно сильный ветер заставляет капли воды и льдинки внутри какого-нибудь облака бурно перемещаться вниз-вверх.

В этом случае градины и дождевые капли приобретают электрический заряд. Как именно это происходит, никто не знает, но со временем внутри облака образуются гигантские наэлектризованные зоны. Некоторые из них заряжены положительно (они обычно находятся в верхней части облака), некоторые — отрицательно (обычно в нижней части).

Между такими зонами могут возникать дорожки, и тогда по ним с колоссальной скоростью пробегает сверхмощный электрический разряд. Это и есть молния.

Существуют облака, «специальность» которых — производство наэлектризованных зон и дорожек, связывающих эти зоны. Это кучево-дождевые облака — самые мощные облака на свете. Их также называют грозовыми облаками.

Молния может пробегать между двумя частями одного и того же облака, двумя разными облаками или между облаком и Землей.

Во время прохождения молнии окружающий воздух нагревается (и, следовательно, расширяется) так сильно, что это вызывает грохот, который называется громом.

Видимая часть молнии — яркая световая вспышка.

Когда молния пробегает между облаком и Землей, она возвращает в почву электрические заряды, которые ранее перетекли в небо. Таким образом, молния необходима для поддержания электрического равновесия Земли.

Во Франции насчитывают примерно 800000 ударов молнии в год.

На нашей планете молния бьет примерно 100 раз за каждую секунду.

Скорость молнии:

до 100 000 километров в секунду.

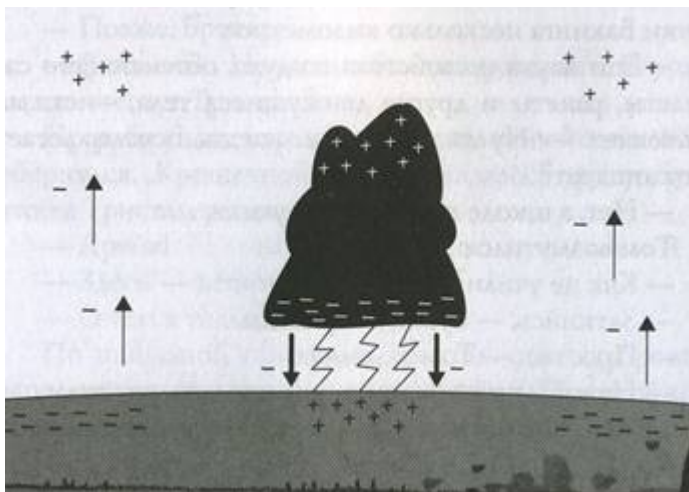
Температура молнии:

от 20 до 30 тысяч градусов Цельсия (в четыре-шесть раз выше, чем на поверхности Солнца!). Она настолько высока, что мгновенно испаряет воду в предметах, которые поражает молния. Такие предметы могут даже взрываться из-за того, что вода в них испаряется моментально.

Далеко ли гроза?

В тот момент, когда вспышка молнии озаряет небо, начинай считать секунды с нуля и остановись, когда услышишь гром. Разделив полученное число секунд на 3, ты

узнаешь расстояние в километрах от того места, где ударила молния.

— Ты знаешь что-нибудь про аэродинамику? — спросил Вакинг.

— Ароэ... что?

В наушниках послышался тяжелый вздох Тома, летевшего вместе с Робом. Их машину отделяло от ласточки Вакинга несколько километров.

— Это наука о свойствах воздуха, обтекающего самолеты, ракеты и другие движущиеся тела, — сказал лейтенант. — Ну да ладно. Ты знаешь, почему летает этот аппарат?

— Нет, в школе нас этому не учили.

Том возмутился:

— Как не учили?!

— Заткнись, — буркнул Тристам.

— Прости... — Том замолчал.

— Нужно принимать в расчет четыре силы, — продолжал лейтенант, — силу гравитации, подъемную силу, реактивную тягу и сопротивление воздуха. Гравитация увлекает все тела к Земле. Наши мотоциклы не могли бы летать, если бы у них не было крыльев. Воздух, обтекающий крылья, создает вертикальную силу, которая толкает мотоциклы вверх. Когда эта сила уравновешивает силу гравитации, они летят по горизонтали.

«Ох, — мысленно простонал Тристам. — Еще хуже, чем у Лазурро».

— Господин лейтенант! — позвал Том.

Вакинг не обратил на него внимания.

— Воздух нас поддерживает, но он же тормозит наше движение, поскольку обладает сопротивлением. Чтобы создать тягу, позволяющую перемещаться вперед, необходим двигатель. Как видишь, вопрос простой, но интересный.

— Господин лейтенант! — снова попытался вмешаться Том.

— Позже, Бриггс.

— Я только... Не могли бы вы проверить, хорошо ли пристегнут Тристам?

Просьба была странная, и удивленный лейтенант обернулся. Крошечной паузы оказалось достаточно, чтобы Тристам успел задремать.

— Дрейк!

— Здесь! — вскинулся Тристам.

— О чем я только что говорил?

По школьной привычке Тристам стал судорожно вспоминать последние слова лекции. «Правитация... Или левитация?... Нет,

все-таки правитация...»

— Вы говорили о самолетах. О том, что... э-э... нужно правильно править...

— Да, управлять нужно с умом, — согласился лейтенант. — Но ты не слушал. Я рассказывал об основах воздухоплавания. А у тебя в одно ухо входит, из другого выходит. Так ты никогда не научишься летать. Поверь мне.

— Неправда, я научусь! — обиделся Тристам. Как же ему надоело, что все его считают болваном! Совсем не обязательно знать эти штуки, чтобы понимать мир... Его можно изучать разными способами.

— Вот птицы — они ведь отлично летают, правда? А вы думаете, им кто-нибудь долбил про эту правитацию?

— Что ж, попробуй взлететь, как птица. Если получится, я пущу тебя за штурвал.

С этими словами лейтенант резко бросил машину в пике, а потом, не снижая скорости, ушел вверх. Ласточка послушно лавировала между мелкими облачками, закладывала крутые виражи, ныряла и взлетала... Настоящий ас, Вакинг не без удовольствия демонстрировал мастерство перед своим пассажиром.

Решив, что мальчишка получил достаточную дозу острых

ощущений, Вакинг сбросил скорость и, выровняв машину, продолжил полет на средней высоте, между Землей и облаками.

Только после этого лейтенант обернулся. Он ожидал увидеть Тристама в полуобморочном состоянии, но, к своему изумлению, обнаружил, что тот возбужденно подпрыгивает на сиденье, машет руками и едва не вопит от восторга.

Тристам, пристально следивший за всеми маневрами и запоминавший малейшее движение лейтенанта, принялся умолять Вакинга пустить его за штурвал.

— И речи быть не может! — отрезал тот, не без удовольствия поглядывая на мальчишку.

— Просто боитесь, что у меня классно получится! — проворчал Тристам.

Вакинг, считавший себя лучшим пилотом на планете, усмехнулся. Ему все больше нравился этот парень, который сидел теперь надувшись, скрестив руки на груди, и не сводил глаз с далекой линии горного хребта.

Садившееся солнце бросало розовые и оранжевые отблески на гребни гор, отчасти скрытые гигантским облаком. Теперь его наковальня пламенела ярко-алым цветом.

— Если когда-нибудь, вопреки моим ожиданиям, ты все же станешь летчиком, не приближайся к таким облакам, — предупредил Тристама лейтенант. — Они очень опасны.

— Я не идиот, — хмыкнул Тристам. — Там внутри молнии и гром, знаю.

— Не только: еще и сильнеешие ветры, и градины такой величины, что запросто могут свалить с ног, а то и убить... Хотя, если подумать, прекрасная, в сущности, смерть...

Они облетели грозное облако стороной и продолжили путь. Внезапно машина попала в мощный поток восходящего воздуха, и ее начало трясти.

— Что это? — встревожился Тристам. — Облаков нет... Откуда взялся ветер?

— С горных склонов. Ветер, дующий на равнине, следует линии рельефа и взбирается по возвышенностям вверх. Над горными массивами всегда движутся восходящие воздушные потоки. Классному летчику об этом положено знать.

Тристам бросил взгляд на бурые вершины, проплывавшие внизу. Он думал, как получше огрызнуться, но тут затрещало в наушниках.

— Докладывает ЛЗ. Вижу патрули, летящие от Белой Столицы. Они обследуют воздушное пространство.

— Вас обнаружили?

— Нет, господин лейтенант.

— Следуйте к пункту назначения! — приказал Вакинг. — Связь только в экстренных случаях.

Он нажал кнопку на пульте управления, и в наушниках установилась глухая тишина. Тристам, не терявший надежды вскоре стать летчиком, внимательно следил за движениями лейтенанта, который после каждого порыва ветра быстро восстанавливал равновесие ласточки.

Они перелетели горный хребет и теперь находились над морем белых облаков, расстилавшихся до самого горизонта. Все дышало покоем, однако Тристамом овладело неприятное чувство. Справа, вдали он увидел какое-то недостроенное, заброшенное сооружение. Это была та самая летающая крепость, о которой говорил Роб.

Лейтенант несколько раз пролетел над нею; потом, заметив вражеские патрули, развернулся и взял курс на север.

Струйные течения

В верхних слоях атмосферы дуют исключительно сильные ветры. Они возникают из-за различия в скорости воздуха, поступающего из экваториальной зоны, зоны России от полюсов.

На экваторе поверхность Земли движется с естественной скоростью 1674 км/час. Если находиться там без движения, этой скорости не замечаешь, поскольку воздух вращается вместе с Землей.

Но на высоте, под воздействием солнечного тепла, воздух перемещается в направлении полюсов. Например, по мере продвижения к Северному полюсу Земля вращается менее быстро и воздух по отношению к ней приобретает скорость. Очень большую скорость.

Прежде чем вновь спуститься вниз и распространиться по направлению к экватору, воздух передает свою скорость своеобразным ветровым «трубам», опоясывающим планету. Эти ветры называются струйными течениями. Они дуют на высоте нескольких километров.

Вообще говоря, в каждом полушарии существуют два струйных течения, однако наиболее мощными являются течения в Северном полушарии.

- Одно из них находится в субтропической зоне (недалеко от тропика Рака) на высоте от 10 до 16 км, в зависимости от времени года.

- Другое располагается над севером Франции (но заметно

смещается в зависимости от времени года, поскольку следует за движением Солнца) на высоте от 7 до 12 км.

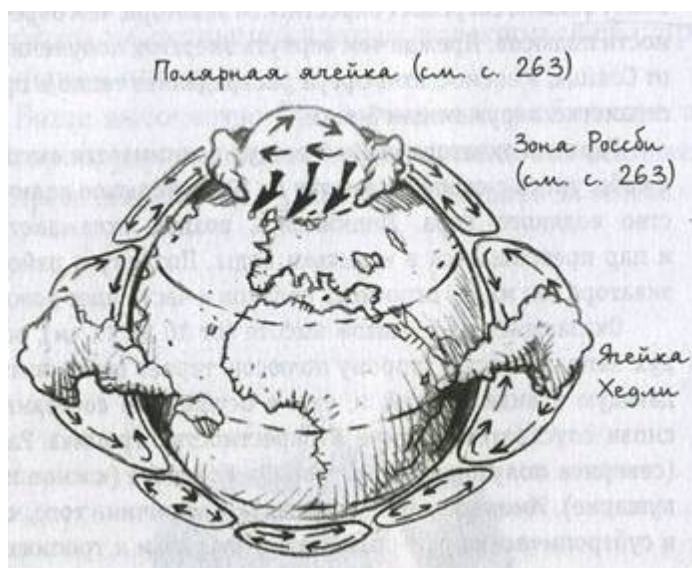
Ветры внутри этих течений имеют среднюю скорость около 300 км/час. Во время урагана 1999 года шар-зонд зарегистрировал порыв скоростью 529 км/час на высоте восьми километров над Бретанью.

Ветры в струйных течениях всегда дуют с запада на восток. Когда ситуация позволяет, самолеты используют их для увеличения скорости полета и экономии топлива. Благодаря струйным течениям время полета может быть сокращено на несколько часов!

Вылетая из Парижа в Нью-Йорк, самолет не может использовать струйное течение, потому что ветры в нем дуют в противоположном направлении. Полет длится 8 часов 15 минут.

Возвращаясь из Нью-Йорка в Париж, пилоты могут использовать струйное течение, и тогда полет длится только 6 часов 50 минут (на 1 час 25 минут меньше)!

Четыре струйных течения

Солнце опускалось за горизонт. Над ровной белой пеленой, скрывавшей Землю, там и тут поднимались вверх грозовые облака. Венчающие их наковальни сияли фиолетовым светом; тени облаков ложились на небо широкими темными полосами. Тристам перестал следить за маневрами лейтенанта, который летел строго по прямой, почти не прикасаясь к пульту управления. Темнело, близилась ночь.

Неожиданно машины круто взмыли вверх. Сразу же похолодало. С каждым километром температура падала на десяток градусов. При минус двадцати Тристам, несмотря на комбинезон, начал дрожать; при минус тридцати лишился способности говорить. При минус сорока оледенел и замер.

Он был словно в коконе. Он попытался что-то произнести, пошевелить руками, ногами... Безуспешно. На забрале шлема быстро множилось кристаллики льда, похожие на алмазные звездочки. За несколько секунд все стекло затянула белесая пленка, сквозь которую ничего нельзя было разглядеть.

Температура достигла минус пятидесяти, и даже паника, овладевшая Тристамом, не могла его согреть. Казалось, тепло его тела впитывается комбинезоном и тут же перетекает в воздух. Сердце колотилось тем сильнее, чем больше Тристама оставляли силы, — как будто небо решило выкачать из него всю энергию. «Лейтенант! — беззвучно кричал он, не в силах шевельнуть губами. — Помогите!»

Он больше ничего не видел.

Вдруг кристалл у него на груди начал согреваться, как будто предупреждая о близкой опасности.

Сквозь ледяную корку проступила странная картина. Он увидел что-то вроде большой горизонтальной трубы, заключавшей в себе ветры гигантской силы: она перемещалась в атмосфере. Потом в его шлеме что-то щелкнуло, и видение исчезло.

— Ты решил таким образом уйти из жизни? — спросил лейтенант, снова включивший связь.

Температура в комбинезоне Тристама стала медленно расти, и он почувствовал, что согревается. Слой льда на забрале растаял.

— У тебя на поясе есть кнопка, регулирующая подогрев в зависимости от наружной температуры. Я вовремя обернулся! Можешь сказать мне спасибо.

— Вы должны были меня предупредить!

— Вот как? Я думал, классный летчик это знает...

В другой момент Тристам, наверное, здорово бы разозлился, но сейчас мелькнувшее видение его не на шутку встревожило — примерно такое же чувство было у него в Миртильвиле, после контрольной, когда он не увидел над вулканом своего городка. Он вглядывался в ночную темноту, но не обнаруживал там никаких следов жуткой трубы.

— Входим в струйное течение, — предупредил лейтенант. — Держись крепче!

Тристам можно было и не просить: его закоченевшие руки, вцепившиеся в подлокотники, не хотели разжиматься.

«По крайней мере, из кресла меня так просто не выкинет!» — подумал он.

— Тристам! — окликнул друга Том, чей мотоцикл летел в эту минуту за машиной лейтенанта. — Я был прав!

— А именно?

— Я говорил, что до Синти Тауна не добраться за это время, если не использовать струйное течение!

Поскольку лейтенант слышал их разговор, Тристам решил не подкачать и показать Вакингу, что не такой уж он олух.

— Что такое стройное течение, господин лейтенант?

— Мощный поток воздуха, направленный с запада на восток и замыкающий планету в кольцо. Чем ближе к его осевой линии, тем выше скорость ветра.

— И какая же?

— До трехсот километров в час, — тут же ответил Вакинг.

Он продолжал говорить, стараясь объяснять все как можно доступнее, но Тристам уже не слушал. Вакинг описывал как раз то, что ему привиделось минуту назад! Он не мог опомниться: во второй раз с ним происходит такое!

«Может быть, и я смогу оценивать состояние воздуха!» — подумал он и, охваченный радостью, поднял глаза.

Он вспомнил, как его напугало небо над Белой Столицей — темное, без звезд. Здесь небо было ими переполнено, ведь на такой высоте воздух ничего не загрязняло. Тристаму показалось, что звезды складываются в какие-то картины — то проступающие, то исчезающие, и на мгновение среди них мелькнуло светлое лицо Миртиль.

Ласточки одна за другой входили в струйное течение. Их подхватывал могучий ветер, и они на головокружительной скорости уносились к востоку.

Лунный серп поднялся уже высоко, когда лейтенант повернул на юг и вышел из струйного течения. Но только при первых проблесках дня они увидели впереди дрожащие огни города,

построенного на одном из облаков.

Машины, держа дистанцию, сели на поле за невысоким холмом. Люди лейтенанта вылезли из кабин и тут же начали разбивать лагерь. Тристам и Том наблюдали, как они заканчивают работу и собираются вокруг своего командира.

— Добро пожаловать ко мне на родину! — произнес Вакинг. — Начиная с этого момента прошу не забывать, что мы находимся во вражеском окружении.

Синти Таун явно не процветал, хотя черты бывшего благополучия кое-где еще были заметны. Так, ветряная станция по-прежнему работала на полную мощность и обеспечивала прочную опору для города и предместий.

Город входил в состав Срединного королевства, но благодаря своему отдаленному положению был облюбован сторонниками свергнутого короля, отца Миртиль, осевшими здесь после подавления мятежа. Со временем противостояние властям опустошило городскую казну, и жители Синти Тауна, в прошлом сплоченные, раскололись на два неравных лагеря. Подавляющее большинство, как водится, устало от борьбы и хотело наслаждаться, наконец, спокойной жизнью, пусть и под властью тирана. Этим жителей известие о предстоящей казни Миртиль скорее обрадовало — они считали, что дочь короля Севера должна понести наказание за грехи своего отца и что ее смерть ознаменует конец прежнего противоборства и начало будущего возрождения города. Когда в Синти Таун прибыли первые солдаты тирана, горожане встретили их криками «ура».

Однако вместе с войсками в город стали стекаться и мятежники. Они старались не привлекать к себе внимания и, найдя приют у бывших товарищей по оружию, разрабатывали план спасения Миртиль. Правда, особых надежд они не питали: тех, кто хранил верность низложенному королю, было слишком мало, и тиран мог расправиться с ними в два счета. К тому же прошел ужасный слух, что он хочет превратить жителей Синти Тауна в рабов, чтобы возобновить на границах своего королевства строительство сверхмощных летающих крепостей.

Тристам и Том находились в Синти Тауне уже три дня.

Группа разведчиков под руководством Роба все это время провела в городе, по крупицам собирая необходимую информацию. Они узнали, что Миртиль должны привезти в центральный парк лишь за несколько минут до казни и что солдатам тирана приказано при первых признаках возмущения отключить оборудование на ветряной станции. Люди Роба, собравшие эти сведения, попали в засаду и были убиты в перестрелке. Спасти удалось одному Робу.

Так отряд понес потери еще до начала операции.

Когда лейтенанту доложили о случившемся, он, при всей своей склонности к пессимистическим прогнозам, не сказал ни слова. Подозвав к себе мальчиков, он начертил для них план города и, ткнув пальцем в один из домов у западной границы

парка, сказал:

— С этой минуты вы — бойцы спецгруппы. Успех операции зависит и от вас. Как только мы отобьем Миртиль и она присоединится к вам, ваша задача — доставить принцессу к этой точке. За домом будут стоять наготове ласточки. Вас перевезут в безопасное место. Желаю удачи!

Настал день, назначенный для казни Миртиль. Светало медленно. В белой камуфляжной форме, делавшей их почти невидимыми, Том и Тристам сидели на вершине холма, с которого просматривался центральный парк. К сквозной шахте, прорытой в облаке, стекались зеваки. В толпе шныряли шпионы тирана. Было понятно, что он готовит для заговорщиков ловушку.

Тристам и Том были готовы действовать. После катастрофы в Миртильвиле они только и делали, что бежали, скрываясь от врагов. А здесь они наконец стали участниками боевой операции.

— Не понимаю, где он! — в сотый раз прошептал Том.

Друзья ждали сигнала: ласточка Роба должна была пролететь над ними и тем самым дать знать о прибытии Миртиль. Только после этого и никак не раньше они спустятся на площадь и смешаются с толпой.

— Куда он делся?! — продолжал Том. — Глупость какая-то, могли просто связаться по радио...

— Кончай нудеть!

— А если Роб не прилетит... Или пролетит, но мы его не заметим...

— ПОМОЛЧИ!

— А если мы не успеем добежать?!

В этот момент у них над головами показалась ласточка,

идущая на посадку.

— Это он?! — Том силился разглядеть лицо пилота, совершавшего маневр над площадью.

— Не думаю, — ответил Тристам.

Еще пять ласточек вынеслись откуда-то сзади и, пролетев над их головами, приземлились на площади рядом с первой.

Попрыгав из машин, летчики принялись устанавливать вокруг шахты, пробитой в облаке, высокую загородку. Потом они закрепили над краем провала подкидную доску, напоминавшую трамплин для прыжков в воду. Правда, нависал он не над бассейном, а над бездонной курящейся пропастью.

Мальчики неотрывно глядели на жуткие приготовления, но тут их внимание привлек нарастающий гул. Они подняли головы. Небо было темным от сотен самолетов, снижавшихся над Синти Тауном.

— Все пропало! — воскликнул Том. — Роб не прилетит! Как думаешь, у лейтенанта был план на этот случай?

Тристам явно сомневался, но промолчал. Он с отчаянием смотрел, как звенья по десять машин, одно за другим, заходят на посадку. В некоторых, особенно крупных ласточках сидело до тридцати солдат в полном вооружении. Тристам и Том не представляли, что тиран располагает таким воздушным флотом.

— Гляди! — Тристам показывал на отряд солдат, высадившихся за городской чертой и что-то там делающих.

— Похоже, они сооружают ветряную станцию.

— Думаешь? Но одна уже есть! Зачем строить вторую?

— Слушай... а вдруг Роба убили? — мысль о Робе не оставляла Тома.

— Все! Хватит ждать, идем! — решительно сказал Тристам, предпочитавший о таком даже не думать.

Они сбросили камуфляжную форму и, с рюкзаками за спиной, стараясь не привлекать к себе внимания, стали спускаться с холма. Они уже успели влиться в толпу, когда на площади приземлился грузовой самолет в сопровождении восьми стрекоз. И тут же пронесся слух: привезли осужденных!

Полсотни стрелков с тяжелыми арбалетами, выпускающими по пять стрел одновременно, высыпали из люка и направили оружие на толпу. Потом появилась Миртиль, прикованная наручниками к конвою.

— Вот она! — шепнул Тристам, и сердце его бешено забилося.

Следом за принцессой в люке показались четверо других пленников. Самый последний, в смиренной рубашке, продолжал яростно сопротивляться, так что потребовалось несколько солдат, чтобы скрутить его и вытолкнуть наружу.

— Предатели! — завопили в толпе.

— Да здравствует король!

Не сводивший глаз с Миртиль, Тристам не заметил, как его друг внезапно напрягся.

— Это отец... — выдохнул Том, уставясь на пленника в смиренной рубашке. — Нужно что-то сделать!

— О черт...

Вдруг все головы повернулись: какой-то человек в кольце охраны прокладывал себе путь к центру площади. Его темный плащ с вышитыми белыми облаками развевался на ветру.

— Снегобой... — прошепестело в толпе.

И тут случилось непредвиденное: Миртиль, дочь короля Севера, прокричала что есть силы:

— Это западня! Не пытайтесь мне помочь, бегите!

Конвоир принцессы с размаху зажал ей рот ладонью.

Снегобой хладнокровно прошел к помосту, сооруженному рядом с местом казни. Поднявшись по ступеням, он кинул на конвоира взгляд, заставивший того похолодеть, и обратился к толпе.

— Горожане! Помните ли вы, какой мирной и свободной была наша жизнь прежде? — бесстрастно начал он. — Эта прекрасная жизнь была разрушена предателем Ландоу, бывшим королем Севера. Двенадцать лет назад наш доблестный король разгромил его жалкое войско, но Ландоу сумел сбежать. Он стал подстрекать к бунту нестойких и легковерных жителей; подобно змее, отравлял их своим ядом. Этот отпетый негодяй повинен в развязывании гражданской войны, которая унесла жизни тысячи ни в чем не повинных людей. Пришло время положить бесчинствам конец. Никогда больше не должна пролиться кровь невинных жертв!

Площадь загудела. Слова снегобая падали в толпу, возбуждая ярость и ненависть в тех, кто поддался пропаганде тирана, — они жаждали отомстить виновникам своих бед, своего безотрадного нищенского существования. Измученные годами лишений, они встретили громким шиканьем имя Ландоу и дружно скандировали: «Смерть предателям!»

Тристам и Том чувствовали, как толпой овладевает безумие. Снегобой продолжал:

— Сегодня этот негодяй исчез, но его бывшие приспешники, гнусные мерзавцы, желающие зла нашему королевству, примкнули к дочери изменника. Вот они, эти отщепенцы — ваши враги!

Тристам повернулся к Тому.

— Надо предупредить лейтенанта! Он должен знать, что твой отец тут.

С трясущимися губами, вконец растерянный, Том смотрел, как его отец пытается вырваться из рук солдат.

Снегобой поднял руку.

— Но преступника настигнет возмездие! — провозгласил он. — Мы схватили его дочь! Схватили ее прихвостня, самозванца, называющего себя полковником! Схватили трех губернаторов, предателей, оказывавших поддержку бунтовщикам!

— Ура! — бесновалась толпа. — Да здравствует король!

Конвоир снял с себя наручники, которыми был скован с Миртиль, и пятерых пленников подогнали к провалу. Потом

солдаты остриями пик подтолкнули одного из них к качавшейся доске. Доска была тонкой и сразу же выгнулась под весом несчастного. Ноги его тонули в клубящемся тумане.

Толпа в неистовстве скандировала:

— Смерть предателям! Смерть предателям!

— Надеюсь, губернатор, — отчеканил снегобой, — в загробном мире вы научитесь принимать более мудрые решения.

Узник, стоя со связанными руками и стараясь не смотреть вниз, отказывался шагнуть вперед. Внезапно доска наклонилась, он зашатался, с трудом сохраняя равновесие. И тут в толпе раздались крики.

Глава 11

Волна паники прокатилась по площади. Над головами собравшихся на бредущем полете неслась пятерка ласточек, в каждой из которых сидели по два бойца.

— Это лейтенант! — заорал Тристам. — Бежим! Мы должны быть наготове!

И, потянув Тома за руку, ринулся в сторону дома, который указал на карте Вакинг.

Друзья не видели, как у них за спиной ласточки нырнули в кольцо оцепления и люди лейтенанта, ухватив осужденных за одежду, подняли их в воздух.

— Не стрелять над толпой! — рявкнул снегобой. — Люди нужны живыми: его величеству дорог каждый будущий раб.

Солдаты выждали, пока ласточки пролетят над площадью, и только тогда начали осыпать их стрелами.

Боец, подхвативший полковника Бриггса за ворот смирительной рубашки, сделал это неловко и теперь чувствовал, что ткань выскальзывает у него из рук. С нечеловеческим усилием сжимая пальцы, он перегнулся через борт, но не рассчитал и сорвался — вместе с полковником они полетели вниз и покатались по земле. Все еще связанный, Бриггс попытался вскочить на ноги, но не смог. И Том, оглянувшийся в этот момент, кинулся ему на выручку — настолько стремительно, что

Тристам не успел его удержать.

Четыре другие машины, разделившись, летели в разные стороны. Одна из них заложила дугу и теперь планировала прямо на Тристама, который в оцепенении следил за другом, бежавшим на помощь отцу. Через секунду ласточка, оставив на земле Миртиль, снова взмыла в воздух.

— Тристам! — крикнула девочка. — Беги отсюда, это ловушка!

— Знаю! — от растерянности Тристам не мог сообразить, что надо делать.

Кристалл у него на груди начал нагреваться, и ощущение надвигающейся опасности заставило его оглядеться, чтобы найти источник угрозы. Он увидел, что над городом появилось большое облако, вытянутое по вертикали. Оно набухало на глазах.

— Беги! — опять закричала Миртиль.

Тристам не отвечал. Он смотрел на Тома, помогавшего отцу встать. Тем временем боец, стараясь отвлечь солдат на себя, бросился к ним навстречу. Том вместе с отцом уже бежали к Тристаму. Тот наконец вышел из оцепенения: крикнув принцессе «Не отставай!», он помчался вместе с нею к назначенному месту встречи. Им нужно было пробежать несколько кварталов.

Тристам и Миртиль как вихрь неслись по пустынным улицам. Оставалось преодолеть всего полсотни метров, когда в крышу ближайшего дома вонзилась стрела, к оперению которой был прикреплен уходивший вверх медный провод. Тристам почувствовал, как волосы у него на голове поднимаются дыбом, и тут же в крышу ударила молния. Обоих бросило наземь. Загрохотал гром.

— Как ты, Миртиль? — вскакивая, спросил Тристам.

Оглушенная, вся в пыли, принцесса медленно поднялась на ноги. Тристам оглянулся: Том и его отец были уже близко. Еще одна стрела с медной антенной вонзилась в землю перед ними, но удар последовал не сразу. От чувства опасности у Тристама заныло под ложечкой; он увидел, как у Миртиль на голове встают дыбом волосы.

— Вниз! На корточки! — выпалил он. — Не отрывай пятки!

Огненная вспышка пронеслась по проводу и ушла в почву, которая тотчас растрескалась. Сквозь трещины наружу вырвался туман. Потом загремел гром такой силы, что Тристам и Миртиль содрогнулись.

Тристам взглянул вверх. И понял: Том был прав, солдаты тирана действительно соорудили еще одну ветряную станцию! Но совсем не для укрепления почвы — станция была нужна, чтобы создать грозное облако колоссальных размеров! От него и

летели стрелы, вызывавшие молнию. Тиран направлял ее с помощью медных антенн. Он превратил самое грозное из облаков в свое оружие!

Тристам встряхнулся. Только теперь он заметил предназначенные для них три воздушных мотоцикла. Держа Миртиль за руку, он обогнул опасную трещину. Они подбежали к машинам.

План Вакинга был выполнен. Точнее, почти выполнен: одна из ласточек была повреждена ударом молнии, а в двух других, исправных, не было летчиков. Тристам влез в одну из уцелевших машин, завел двигатель, чтобы Том мог сразу же взлететь. Потом бросился к другой.

— Пилотом буду я, — объявила Миртиль, устраиваясь в переднем кресле.

— И не думай! Ты же не умеешь!

Принцесса взялась за штурвал. Ласточка дрогнула, слегка задрал нос.

— Ты что — можешь водить самолет?

— Садись скорее, не дури.

— Дождемся Тома! — прыгая на заднее сиденье, воскликнул Тристам.

Они оглянулись и замерли от ужаса: еще секунда, и солдаты настигнут Тома и его отца!

— Им не уйти! — простонала принцесса.

— Не взлетай! Том! СЮДА-А-А! — во всю глотку кричал Тристам.

Но один из солдат уже вцепился в отбивавшегося Тома. Увидев, что сын схвачен, полковник остановился. Солдаты набросились на него и повалили.

Бриггсам нельзя было помочь. Закусив губу, Миртиль подняла ласточку в воздух.

— ТО-О-ОМ! — надрывался Тристам, ничего не видевший вокруг.

Далеко впереди на бреющем полете к ним шли десятки вражеских машин.

К удивлению Тристама, Миртиль оказалась классным пилотом. Она положила машину на крыло, развернулась. Ласточка пролетела над Томом и его отцом, стоявшими в окружении солдат.

— Куда нам? — спросила принцесса. — Нас много?

— Нет, мы одни, — отозвался Тристам. — Подкрепления не будет. И куда лететь, я не знаю.

— Это просто безумие! Что же нам делать? Если нас схватят, все пропало!

— Почему пропало?! Будем биться до последнего!

— Нет, нужно выбраться, — тихо, чтобы не услышал Тристам, пробормотала Миртиль, — тогда у нас будет козырь. Я смогу предложить свою жизнь в обмен на жизнь Тома...

Миртиль пролетела над площадью, где не состоялась ее казнь, над солдатами тирана, поспешно поднимавшими арбалеты. Она потянула штурвал на себя, и ласточка поднялась выше, куда не долетали стрелы. Улицы были совсем пусты, горожане попрятались в своих домах. Но молнии все еще ударяли то в одну, то в другую крышу, и оглушительно гремел гром.

Вокруг грозового облака синело ясное небо. Миртиль тщетно выискивала внизу место, где можно было бы укрыться. Самолеты тирана неотвратимо приближались.

Неожиданно Тристам увидел, что над Синти Тауном взлетают три уцелевшие ласточки. Ловко маневрируя, они пристроились к ним в хвост, между Миртиль и преследователями.

— Это наши! — закричал Тристам. — Мы больше не одни!

Миртиль облегченно вздохнула: подкрепление не слишком велико, но им удастся выиграть время. Она сменила курс и прибавила скорость — только бы быстрее улететь от злополучного города!

— Ищи место, где можно сесть! — попросила она Тристама. — Я попробую...

Она осеклась: от верхушки грозового облака прямо на них несло звено вражеских самолетов. Миртиль еще раз развернулась и направила ласточку к основанию облака. Кристалл на груди Тристама начал нагреваться.

— Что ты делаешь? — воскликнул он, нащупывая под комбинезоном кулон.

— У нас нет выхода, — ответила Миртиль. — Только сквозь облако.

— Ты с ума сошла!

— Это вы сошли с ума, когда решили меня спасти, — возразила Миртиль.

Лавируя между молниями и яростно отстреливаясь от врага, Вакинг и его летчики успешно прикрывали Миртиль и Тристама с тыла. Когда те направились к грозовому облаку, лейтенант испустил крик ужаса: еще никто за всю историю не сумел пролететь сквозь такое облако и остаться живым.

— Я же сказал: не приближаться к этим облакам! — прокричал он, видя, как ласточка исчезает внутри кипящей наэлектризованной мглы.

Лейтенант отдал команду и спикировал на Синти Таун. За ним последовали два других пилота. Три ласточки — все, что осталось от полицейских сил Белой Столицы, — влетели друг за другом в узкую трещину, возникшую в поверхности облака там, куда ударила молния. Среди летчиков тирана повторить такое смогли только асы. Остальные разбились, врезавшись в поверхность; обломки их машин завалили зиявший провал.

Внутри жуткого облака было нечем дышать. Густой серый туман ослепил Миртиль и Тристама, порывистый ветер, с каждым мгновением усиливаясь, швырял машину как щепку, и они почти сразу перестали понимать, куда их тащит. Мощь чудовища, в утробе которого они оказались, была неимоверной.

Миртиль вспомнила потоки ледяного дождя, стегавшие поверхность океана под замком тирана, и подумала, что они наверняка зарождались в глубоких недрах облака. Она хотела сказать об этом Тристаму, но вой ветра, уносившего их вверх, заглушал любые звуки.

Тристам обхватил Миртиль за плечи, чтобы та не выпала из кресла. Они не знали, что ласточку несет к сердцевине облака, где ветер станет еще сильнее, а дождевые капли превратятся в тяжелую ледяную дробь.

Внизу, далеко под ними, лежала Земля. Где-то наверху, над их головами, был тиран.

По корпусу ласточки забарабанили градины. Увидев, что Миртиль, на которой не было комбинезона, попыталась защитить голову руками, Тристам сорвал с себя шлем, но огромная ледышка выбила его из рук.

Другой, более крупный ледяной снаряд с силой ударил в правое крыло мотоцикла, и оно разлетелось вдребезги. Их обоих выбросило из кресел — Тристам успел лишь крепче прижать Миртиль к себе. Могучий восходящий поток продолжал нести их вверх, разбитую машину поглотила бушующая стихия.

Они находились в шести километрах над Землей. Ветер чуть ослабел. Сразу подкатила тошнота, перехватило дыхание, и они с головокружительной быстротой полетели вниз.

В сером тумане ничего нельзя было разглядеть. Увлекаемые гигантским вихрем, они каждую секунду ждали удара о землю — первого и последнего приземления в их жизни. Потом падение замедлилось, и дышать стало легче. Тристам прижимал к себе Миртиль, стараясь хоть немного защитить ее от ветра. Они почти долетели до нижнего края облака, и тут порыв ветра опять подхватил их и понес вверх, сначала среди капель воды, потом — среди льдинок, которые становились все крупнее.

Тристам и Миртиль чувствовали, что ветер, с бешеной скоростью уносивший их в высоту, почему-то постоянно усиливается. В ушах у них стоял оглушительный свист. Стало еще холодней. Они поднялись на несколько километров, когда ветер снова стих. Они начали падать, и вместе с ними летели вниз

тысячи ледяных шаров. Молнии слепили синими и белыми вспышками, гром с треском разламывал воздух.

Так, держась друг за друга, они то взлетали, то падали внутри самого страшного из облаков, словно перышки, подхваченные ураганом. Прошло не менее получаса.

В конце концов Тристам, ослепленный, не знающий, где верх, где низ, взлетает он или падает, закрыл глаза. И вдруг почувствовал, что рука Миртиль нащупала его руку. Для него перестало существовать все остальное — вспышки молнии, грохот грома. Его сердце билось сильнее, чем в минуту любой опасности, чем в тот миг, когда их выбросило из ласточки. В мире не осталось ничего, кроме пальцев Миртиль. А она сжимала его ладонь и теребила ее все настойчивее, наконец больно стиснула.

Тристам открыл глаза. Облако осталось наверху. Он и Миртиль в потоке дождя и града летели к земле.

— Держись крепче! — крикнул Тристам. — Не бойся, все будет хорошо!

Он потянул за тесемки, свисавшие из рюкзака. Над ними расправился парашют.

Спустя несколько секунд они медленно парили в воздухе, удаляясь от губительного облака.

До земли оставалось метров сто. Тристам смотрел, как быстро она приближается. Удастся ли им приземлиться?

Они летели над редким лесом, впереди был виден холм с проплешиной на отлогом склоне. Потихоньку дергая за стропы, Тристам решил, что сможет управлять парашютом, и пришел в восторг. Он летает! Как птица!

— Эге-е-е-й! — закричал он во все горло.

Он попытался набрать высоту и замедлить ход — увы, парашютом продолжал быстро снижаться. Холм неся навстречу. Тристам вскрикнул, теперь испуганно. Они плюхнулись на землю и покатались кубарем. Удар оказался не таким сильным: его смягчил толстый слой пепла и пыли, покрывавший проплешину. Они прокатились несколько метров и остановились. Тристам лежал ничком, лицом в пыли.

— Эй, ты что? — Миртиль потянула Тристама за плечи и слегка приподняла.

Отплевываясь, он с трудом вздохнул и протер глаза. В другой ситуации Миртиль наверняка расхохоталась бы, глядя на его чумазое лицо.

Тристам покрутил головой, пошевелил руками и ногами: все было в исправности. Он упибал порванный парашютом в рюкзак и выпрямился.

— Ну, ты видела? — воскликнул он. — Я умею летать!

Ликуя, он схватил Миртиль за руки и завертел ее.

— Я умею летать! — повторял он.

Миртиль смеялась вместе с ним.

Они спаслись, они были живы.

— Мы на Земле, — говорила Миртиль, — на Земле... Но мы не можем здесь остаться...

— Почему? — озираясь, спросил Тристам.

За деревьями трудно было что-то увидеть, и они вскарабкались на камень на вершине холма. Сверху открывался вид на долину, над которой они пролетели, и речку с зелеными лесистыми берегами. Синяя лента вилась между холмами и горами. Река уносила дождевую воду вдаль, к горизонту. Миртиль вспомнила школьные уроки и представила там, далеко, широкое устье и море, вбирающее в себя все потоки, низвергнутые на землю безумным тираном.

Она посмотрела на хмурое небо. Может быть, ее отцу тоже удалось спастись. Может быть, он не ранен! Земля теперь казалась не такой уж опасной.

— Смотри, смотри! — воскликнул Тристам, указывая рукой на черные пятнышки, мелькающие под серыми тучами.

Напрягая зрение, они всмотрелись в небо: там, подобно рою ос, носились самолеты тирана, охотясь за тремя увертливыми машинами из Белой Столицы! Союзники Миртиль были летчиками высочайшего класса. Несколько вражеских мотоциклов врезались в землю, не сумев подбить ни одну из ласточек.

Но вот одна ласточка задымилась, вошла в пике и скрылась за холмом. Две другие изменили тактику и попытались уйти от врагов, взяв курс на тот холм, где стояли Миртиль и Тристам.

Они громко вскрикнули, увидев, что вторая ласточка рухнула на землю, выбросив столб огня. Прижавшись к дереву и затаив дыхание, они следили за последней. Она пронеслась над их головами, и Тристам узнал машину лейтенанта Вакинга. За ним гнались восемь вражеских самолетов.

Лейтенант сделал мертвую петлю и, зайдя преследователям в тыл, открыл огонь. Три машины загорелись.

Тристама лихорадило от возбуждения, как будто он сам сидел за штурвалом.

— ВПЕРЕД, ЛЕЙТЕНА-А-АНТ! — завопил он.

Еще два самолета, тирана рухнули на землю.

— ДАВАЙТЕ! ИХ ВСЕГО ТРИ! СПРАВА!

Вакинг сбил еще один самолет.

— Слева! — хрипло кричал Тристам. — Слева!

Вакинг круто развернул машину, но ее хвост уже дымился. Лейтенанта подбили! Он еще пытался выровнять ласточку, но та быстро теряла высоту. В следующее мгновение она врезалась в землю. В небо повалил густой дым.

Воздушный бой кончился.

Самолеты тирана несколько раз облетели место падения; потом гул их двигателей стал затихать... наконец они скрылись за горизонтом. Наступила мертвящая тишина.

Раздавленные Миртиль и Тристам не решались заговорить. Обоих била дрожь.

Вдруг сзади хрустнула ветка. Они испуганно обернулись.

Между деревьями показалась фигура, с головы до ног облепленная грязью.

Лейтенант!

— Я так и подумал, что это ты кричишь, — произнес Вакинг невозмутимо, будто на прогулке в лесу.

Он окинул взглядом небо. Потом перевел глаза на Миртиль. На лице у него было написано: положение безвыходное, но будем надеяться на чудо.

— Ну что ж, пошли, — сказал он. — Нужно найти какое-нибудь укрытие.

Они шли долго, может быть, несколько часов. Тристам молча шагал за Вакингом и Миртиль, улавливая обрывки их разговора. Так, он услышал, что большинство летчиков из Белой Столицы, по мнению лейтенанта, должны были спастись и даже не слишком пострадать: все они были готовы в крайней ситуации катапультироваться из машины. Отличная новость... Тристам с горечью подумал о Томе, схваченном солдатами.

Наконец лейтенант нашел подходящее, на его взгляд, место для бивуака. Он нарубил ветвей и показал Тристаму и Миртиль, как соорудить шалаш.

Время от времени в небе ворчал гром, напоминая о недавних испытаниях, однако он становился все глуше, и это означало, что тиран отпустил грозовое облако на свободу. Теперь оно несло по небу, подгоняемое ветром, и проливало вниз последние струи дождя. Наконец, опустошенное, оно бесследно растаяло, и гроза стихла.

Шалаш был достроен. Миртиль сидела, прислонившись к дереву, с любопытством разглядывала дикую лесную поросль, но не находила ни одного знакомого растения. Лейтенант, растянувшись на подстилке из листьев, смотрел сквозь кроны деревьев на небо.

— Поспать вряд ли удастся, — объявил он. — Того и гляди снова польет.

«Ну и хорошо», — подумала Миртиль, которой было непривычно жарко.

Тристам стоял поодаль и никак не реагировал, погруженный в свои мысли.

— Ты о чем думаешь? — спросила она. — Молчишь все время...

— Дождя не будет, — пробормотал Тристам.

Лейтенант поднял голову и с интересом посмотрел на него.

— Но это ладно, — продолжал тот. — Лес какой-то странный. И вообще — нам здесь делать нечего, мы должны спасти Тома.

— На Земле много таких лесов? — спросила Миртиль.

— Нет, почти не осталось.

— А этот лес вы знаете?

— Да, конечно, — ответил лейтенант. — В детстве я часто разглядывал его с облака в отцовский телескоп. Тогда здесь было полно зверей. А теперь вся живность повывелась, кроме насекомых.

Лейтенант разговаривал с Миртиль и при этом поглядывал на

Тристама. Сын г-жи Дрейк казался взбудораженным. Вакинг корил себя за то, что взял мальчишек в Синти Таун. Он хотел сказать Тристаму, что попытается найти Тома, но тут его поразила неожиданная мысль. Впервые за долгое время бледное лицо Вакинга слегка порозовело, сердце забилося чаще. «Что, если этот парень... Нет, не может быть...» — подумал он, от волнения вскакивая на ноги.

— А почему не стало зверей? — не замечая перемену в лейтенанте, спросила Миртиль.

— Им нужны большие пространства, — машинально, почти не слушая ее, ответил Вакинг. — А от этого леса мало что осталось. Большая часть уничтожена.

Тристам посмотрел на лейтенанта, потом на деревья и снова на лейтенанта.

— Уничтожена?! — он был поражен. — Кем? И зачем они это сделали? Кому мог мешать лес...

Миртиль посмотрела на Тристама так, словно он прилетел с другой планеты.

— А что вы оба на меня так смотрите? — подозрительно спросил Тристам.

— Кто-то не очень хорошо учился в школе, — вполголоса заметила Миртиль.

— Ты мне лучше другое скажи, — Вакинг взял Тристама за плечи, — только честно! Ты почему решил, что дождя не будет?

— Ну... — промямлил Тристам, — я просто так...

— Отвечай прямо!

— Я... не знаю. Я... я это чувствую. Чувствую, и все тут. Не могу объяснить, — выдавил Тристам, бросая растерянный взгляд на Миртиль.

Он боялся, что принцесса рассмеется. Но та слушала с серьезным лицом.

— С тобой такое уже бывало? — спросил лейтенант.

Тристам опустил голову.

— Бывало.

— Выкладывай!

Он колебался, все еще боясь показаться смешным. Но по твердому взгляду Вакинга было ясно, что тот не отступит. И Тристам решился.

— Два раза, — нехотя начал он. — Первый раз перед нападением на Миртильвилль. Мне тогда привиделся наш остров с вулканом. Небо было затянуто облаками, высокими-высокими. И белыми-белыми. А Миртильвиля не было. Словно... словно я заранее увидел то, что произошло на следующий день.

Миртиль широко раскрыла глаза.

— Почему же ты ничего не сказал?! Может быть, мы успели бы всех спасти!

— Откуда я знал, что это правда? Это было на контрольной! Что мне — на уроке рассказывать про свои видения?! А потом я посмотрел на небо: оно было синее, без облаков... Ну я и решил, что ошибся. Ты же сама знаешь, что у меня ничего не получалось. Я даже состояние воздуха не могу определить.

— А во второй раз? — спросил лейтенант.

— Когда мы летели к Синти Тауну. Я увидел стройное течение. Это было задолго до того, как мы в него вошли.

— СтрУйное течение! СтрУйное!!! Ты знаешь, что это такое?

— Нет. Я даже не знал, как оно называется.

Лейтенант покачал головой и отпустил Тристама.

— Кому известно о твоей способности? — голос Вакинга звучал так, словно это был вопрос жизни и смерти.

— Какой способности?

— Предвидеть погодные явления!

— Я могу их предвидеть?

— Да. Кто об этом знает?

— Да никто...

Тристам был разочарован. Лучше бы он научился оценивать состояние воздуха и направление ветра, как остальные в классе... «Предвидеть погодные явления... — фыркнул он про себя. — Тоже великое дело! Фигня какая-то».

— А это может пригодиться летчику? — на всякий случай осведомился он.

Вакинг не отвечал. Лицо его приобрело обычное пасмурное выражение, и он принялся мерить шагами полянку, о чем-то напряженно думая. Прошла минута, пять, десять. Тристам стоял не шелохнувшись. Ему казалось, что все-таки он в чем-то виноват.

К нему подошла Миртиль.

— Ты уверен, что дождя не будет?

Тристам кивнул.

— Тогда давай посмотрим, что тут осталось от леса, — предложила она. И ласково добавила: — Тебе не в чем себя упрекнуть, Тристам. Если бы ты знал о своей способности, то предупредил бы остальных. Никто в этом не сомневается.

Следствия потепления климата

Ученые установили, что потепление климата на Земле связано с деятельностью человека. Из года в год они отмечают повышение средней температуры воздуха и океанов и знают, что в какой-то мере этот рост объясняется выбросом в атмосферу газов, обладающих парниковым эффектом.

- Чем теплее воздух, тем больше он может содержать водяного пара.

- Бури, циклоны, грозы и дожди (там, где они имеют место) становятся все более жестокими и разрушительными.

- Люди все чаще страдают от невыносимой жары, наводнений и засух.

- В пустынях климат становится еще более сухим, а во влажных зонах — еще более сырым.

- Вымирают целые виды животных, не умеющих приспособиться к жаре.

- Некоторые болезни меняют зоны распространения и угрожают жителям тех регионов, где раньше этих болезней не знали.

- Падает производительность сельского хозяйства.
- Для большинства населения планеты еще более трудным становится доступ к питьевой воде.
- Льды Гренландии, Арктики и Антарктики тают, и это приводит к росту уровня воды в морях и океанах. Когда средняя температура увеличится на 3 °C, будут затоплены 30 % низинных участков суши в прибрежных зонах.
- Исчезают кораллы, и под угрозой оказываются все виды животных, чье существование от них зависит.
- Меняются морские течения. Это отрицательно влияет на фауну океана и на воздушные потоки.

Они шли по лесу, и Миртиль рассказывала Тристаму обо всем, что с ней приключилось: о встрече с тираном, о тропическом циклоне и о том, какой выбор предложил ей этот человек, не скрывавший своего безумия.

— Ты выбрала смерть? — спросил потрясенный Тристам.

— Да. И тогда со мной случилось что-то странное: я будто увидела себя со стороны. Только я была прозрачная...

Тристам подумал, скольких вещей он еще не понимает... Вот если бы здесь был Том! Том смог бы объяснить ему что угодно, все на свете... Если, конечно, у таких загадок вообще есть разгадка...

Они шли вверх по склону холма и были уже недалеко от вершины.

— Знаешь, — сказала Миртиль, — я говорила с твоей мамой. Вечером перед нападением тирана, когда привела тебя домой.

— Я мало что помню, — ответил Тристам. — По-моему, я спал.

— А что она делала раньше, когда жила в Срединном королевстве? До появления в Миртильвиле?

— Она никогда не рассказывала. Глупо, да? А ты ее спрашивала?

— Нет. Но по-моему, она жила в замке.

— В замке?! Что ты, не может быть!

— Я уверена.

Они дошли до вершины, и открывшаяся оттуда картина полного разорения ужаснула их.

Леса не было. Многие деревья были повалены и лежали на земле с вывороченными корнями. Другие стояли голые: серые больные стволы, торчащие, как сваи. Но под ними уже были видны растения с крупными причудливыми листьями.

— Что это... Что произошло? — задохнулся Тристам. — Кто это сделал?

— Мы, — послышался у них за спиной хмурый голос лейтенанта — Мы, люди.

Миртиль и Тристам оглянулись. Вакинг стоял неподалеку, прислонившись к дереву и как будто их поджидая.

— Вы шли за нами? — спросила Миртиль.

— Не думаете же вы, что я вас отпущу одних? После того, как мои парни рисковали жизнью...

— Что тут произошло? — не отставал Тристам. — Почему загубили лес?

— Почему? — повторил лейтенант. — Мир сошел с ума, вот почему!

— Люди сожгли почти всю древесину на планете, — Миртиль хорошо помнила уроки Лазурро. — И нефть они потребляли в таких количествах, что углекислого газа в атмосфере стало очень много. Равновесие в природе нарушилось. И все стихии разбушевались. Все, что прежде представляло не очень большую опасность, стало грозить катастрофами.

— Что именно? — спросил Тристам.

— Дожди, наводнения, бури, засухи... Эпидемии. Поднялся уровень океана, и вода затопила прибрежные зоны. На сушу набегали гигантские волны. Люди начали отселяться вглубь материков. Но постепенно почти вся поверхность Земли стала непригодной для жизни.

— Да, за исключением нескольких мест. Скажем, этого леса... точнее, его остатков, — подхватил лейтенант.

— Но вот с этим-то лесом что случилось?

— Когда климат стал слишком жарким и влажным, здешний лес погиб.

— Выходит, люди погубили всю Землю?

— Не всю и не окончательно, — ответил Вакинг. — Земля намного сильнее, чем кажется. Она не нуждается в нас. Видишь: между рухнувшими стволами уже появились молодые растения. Они приспособились к новым условиям.

— Но почему люди допустили такое?

— Они не знали, что их ждет, — ответила Миртиль.

— Нет, — Вакинг стиснул зубы, — знали. Но не хотели об этом думать.

Миртиль внимательно посмотрела на лейтенанта: он говорил то же, что тиран.

— Тиран употребил все свои силы, чтобы ускорить изменение климата, чтобы поддерживать разгул стихий, — продолжал Вакинг. — Король Севера это обнаружил. И решил, что убедит людей изменить привычный образ жизни. Если бы ему это удалось, тиран потерял бы и власть, и деньги. Потому-то негодяй и уничтожил его.

— И что теперь? — растерянно спросил Тристам.

— Нужно остановить тирана, — отчеканил лейтенант. — И теперь я знаю, как это сделать.

Миртиль увидела, что в глазах бывшего начальника полиции вспыхнул огонек — Тристам уже видел такой огонек в глазах Вакинга, это было перед вылетом в Синти Таун.

— Тристам, — продолжал Вакинг, — слушай внимательно. Умение предвидеть изменения погоды — редчайшая способность.

Мы все наблюдаем за погодой, оцениваем состояние воздуха, направление ветра... Это умеет любой. А вот сделать долгосрочный прогноз, определять, как изменится климат, — совсем другое дело, исключительно трудное. Природного дарования тут мало, нужна полная сосредоточенность.

«Черт, черт», — подумал Тристам, которому редко удавалось сосредоточиться дольше, чем на минуту.

— Тебе придется потрудиться, — заключил Вакинг. — Нам понадобится твой талант, чтобы освободить королевство Северных Облаков.

Тристам обвел взглядом мертвый лес вокруг. Подумал о Томе, о своей матери. Потом повернулся к Миртиль. Ему показалось, что он слышит слова, которые та беззвучно произносит: «Я добьюсь этого, но без насилия, не принося страданий людям».

Облака над их головами рассеялись, показалось синее небо.

Тристам вспомнил, что в раннем детстве говорила ему мама:

— Земля — это наш дом, единственный в бескрайних просторах Вселенной. Земля защищает нас от космического холода, кормит и поит, дает нам воздух для дыхания. Запомни хорошенько, Тристам: у нас есть только этот дом. И мы его уже порядком разрушили.

Он сжал в руке мамин кулон, посмотрел на радужные переливы внутри кристалла. Потом поднес к губам и еле слышно прошептал:

— Я спасу наш дом, обещаю тебе.

Как будто отзываясь на его слова, кристалл засиял теплым и мягким светом.

